

ФОНЕТИКА
ТОРГУТСКОГО ГОВОРА
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Калмыцкий научно-исследовательский институт
истории, филологии и экономики при
Совете Министров Калмыцкой АССР

Н.Н. Убушаев

ФОНЕТИКА ТОРГУТСКОГО ГОВОРА
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

28873-

Ж

1981

1985

Библиотека Калмыцкого НИИФЭ

Элиста

Калмыцкое книжное издательство

1979

4 С (калм.)

У 178

Под редакцией
кандидата филологических наук
Монраева М.У.

© Калмыцкий научно-исследовательский
институт истории, филологии и экономики при
Совете Министров Калмыцкой АССР, 1979 г.

у 60602 - 047 58-79
и 126 (03) - 79

В В Е Д Е Н И Е

Калмыцкий язык относится к группе монгольских языков и представлен в основном двумя говорами - торгутским и дербетским.

Объектом исследования диалектологов торгутский говор стал только в начале нашего столетия, когда Номто Очиров на основе собранного им в результате поездок по калмыцким улусам материала описал некоторые его особенности.

Затем исследуемый говор нашел свое отражение в "Опытах грамматики калмыцкого разговорного языка" Вл. Котвича, особенно в его втором, значительно дополненном издании (1929 г.)

В последние годы некоторые основные черты торгутского говора описаны в статьях Д.А.Павлова "Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка", А.Ш.Кичикова "Об оренбургском говоре калмыцкого языка", "Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка".

Отмеченные работы касаются некоторых сторон подговоров исследуемого говора без широкого охвата всего говора в целом как единой языковой системы.

В настоящей работе сравнительно впервые поставлена цель фонетического исследования торгутского говора. При этом для исторического освещения особенностей говора автором привлекаются данные старописьменного монгольского языка и отчасти старописьменного калмыцкого языка.

Такое широкое сравнительно-историческое изучение одного из калмыцких говоров в калмыковедении проводится впервые.

В отношении сведений по старописьменному монгольскому и старописьменному калмыцкому языкам автор опирался на работы

А.Бобровникова, Б.Я.Владимирцова, С.А.Козина, В.Д.Котвича, А.М.Позднеева, А.В.Попова, Г.И.Рамстедта, Б.Ринчина, А.Д. Руднева, Г.Д.Санжеева, Я.Цэвэла и других.

Сбор материалов производился автором во время фольклорно-диалектологических экспедиций в 1965 - 1969 годы в районах, где проживает торгутское население.

Носители исследуемого говора занимают восточную половину Калмыцкой АССР. Граница распространения говора торгутов в основном совпадает с границей этнического деления торгутов и дербэтов. Расселение торгутов и распространение их говора хорошо передает карта распространения калмыцкого языка, данная Д.А. Павловым в книге "Современный калмыцкий язык".¹

Диалектные материалы собирались в таких крупных населенных пунктах Калмыцкой АССР, как г.Каспийский, станция Улан-Хол, станция Артезиан; рабочих поселках: Цаган-Аман, Янукуль, Комсомольский; поселках: Пожынный, Адык, Чилгир; селах: Джаиково, Буранное; совхозах: "Никольский", "Сарпа" и др. В Астраханской области - в рабочем поселке Лиман; в селах: Заволжье (Актабеевка), Сероглазовка (Шамбай), Оля, Лесное и других местностях с близлежащими населенными пунктами, включая некоторые фермы и чабанские стоянки совхозов.

Сбор материалов проводился в основном по следующим тематическим рубрикам: исторические сказания, легенды, сказки, загадки, пословицы, поговорки; боевые кличи (ураны); песни исторические и свадебные, песни новые, революционные; образцы разговорной речи и диалоги; термины и слова по разным отраслям производства и домашнего ремесла, быта и т.д.

1. См. Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста, Калмыцдат, 1968, стр. 6.

Подразделение информантов по возрастным группам автором не проводилось, однако основными информантами были люди старшего поколения.^I

-
- I. Среди информантов следует назвать: Бамбаев Эрдия 1893 г., Гедеев Бадм 1882 г., Докрунов Бадга 1907 г., Доржиев Мушка 1880 г., Джекляев Нагта 1885 г., Джукаев Найман 1921 г., Джукаева Боловсай 1896 г., Кожуев Сангаджи 1891 г., Надбитов Эрднигаря 1893 г., Наранова Нимгир 1923 г., Настаев Александр 1931 г., Салбыков Хавтха 1883 г., Төрбеев Нея 1894 г., Төрбеев Нусха 1887 г., Убушаев Хариха 1888 г., Хечнев Сембя 1889 г.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАЛМЫЦКИХ ГОВОРОВ

Современный калмыцкий язык в диалектном отношении представляет собой совокупность ряда местных говоров и подговоров.

Известно, что в конце XII и начале XIII вв. различные монгольские диалекты составляли известное единство, представляя племенные ответвления единого монгольского языка, на которых говорили разные группы монгольских родов и племен.¹

Одним из этих ответвлений монгольского языка был ойратский язык предков калмыков. О том, что этот язык отличался от других монгольских диалектов еще во времена Чингис-хана, мы узнаем из сообщения персидского историка Рашид-ад-дина, который говорил, что "несмотря на то, что язык монгольский, он [все же] имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен, например, такую: нох другие [монголы] называют китута, а они [говорят] мудага. Подобно этим словам существует множество (других) ... Эти племена, — продолжает автор, — еще издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в отдельности было определенное название".²

Спрашивается: скрывались ли за этими разными названиями ойратских племен отличия в языковом отношении, делился ли ойратский язык на отдельные диалекты и говоры или он был единым?

Существует мнение, что "границы кочевых феодалов у них (ойратов — Н.У.) почти всегда совпадали с границами прежних племенных делений, что способствовало сохранению деления ойратского языка на племенные диалекты".³

1. См. Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., 1953, стр. 5.

2. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, книга I, стр. 118.

3. Г.Д. Санжеев. Указ. соч., стр. 7.

Первые попытки научно осмыслить данные калмыцкого разговорного языка относятся еще к XIX столетию (1849), когда вышла в свет "Грамматика монгольско-калмыцкого языка" А.Бобровникова, где автор показывает отличие книжного языка от разговорного. При этом в качестве книжного выступает старописьменный монгольский язык, а в качестве разговорной формы - старописьменный калмыцкий язык, т.е. язык заяпандитской письменности. Принимая старописьменный калмыцкий за разговорный язык, автор показывает, насколько эта письменность была приближена к последнему. "Представляя вниманию ориенталистов монгольско-калмыцкую грамматику, пишет он, - я вижу в ней не грамматику двух языков, и не грамматику двух наречий, но грамматику одного и того же монгольского языка, только рассматриваемого в двух письменностях монгольской и калмыцкой, или, что почти тоже, я вижу в ней грамматику книжно-разговорного монгольского языка".¹

Как бы то ни было, калмыцкий язык рассматривается им как нечто единое целое, он не проводит отличия между книжным, т.е. языком заяпандитской письменности и живым калмыцким разговорным языком. Он говорит: "Мы не различаем в калмыцком чтении книжного и разговорного, потому что в отношении к чтению у калмыков нет различия между книжным и разговорным, так как правописание их применено к произношению".²

Сколько бы А.Бобровников ни отрицал различия между книжным и разговорным языком, такое несходство, конечно, существовало. При этом разговорный язык по всей калмыцкой степи был неоднородным, и А.Бобровников вынужден признать, что "отличия в словах и словоупотреблении можно заметить даже между улусами

1. А.Бобровников. Указ. соч., стр. У-УП.

2. А.Бобровников. Указ. соч., стр. 45.

калмыцкими, например, Бага-Цохоровским, Хошутовским и Бага-Дурбетовским. И, следовательно, если подобные отличия принимать за основание для деления языка на наречия, то в монгольском (то есть в калмыцком - Н.У.) языке мы должны будем насчитать столько же наречий, сколько найдем улусов".¹

Это признание А.Бобровникова находит поддержку у П.Небольсина, тремя годами позже выпустившего свой труд, хотя, правда, он несколько преувеличил диалектные расхождения калмыцких говоров. П.Небольсин пишет: "Различие наречий между разными улусами астраханских Калмыков очень разительно. Люди, хорошо знакомые с калмыцким языком, замечают, что кроме того, что одни улусы более или менее с течением времени набрались русских и татарских слов, они разнятся еще между собой, как некоторыми грамматическими формами строения калмыцкой фразы, так слов и целых речений: случается так, что один Калмык с трудом с одного раза доберется до смысла того, что ему говорит другой Калмык".²

Калмыцкий язык А.Бобровников рассматривает как одно наречие с монгольским. Перечислив отличительные от монгольского особенности калмыцкого языка, он пишет: "...но подобные разности ничтожны и не могут служить основанием для решительного от деления наречия калмыцкого от монгольского".³

Отрицание А.Бобровниковым наличия говоров в калмыцком языке и нежелание его признавать самостоятельность языка калмыков, видимо, объясняется тем обстоятельством, что памятники письменности относительно лучше были известны науке

1. Там же, стр. У-VI.

2. П.Небольсин. Очерки быта калмыков Хошутовского улуса. СПб, 1852, стр. 12-13.

3. А.Бобровников. Указ. соч., стр. У.

того времени, чем тогдашние говоры, которые не были изучены, и о существовании которых никто еще в науке ничего не сказал. Кроме того, такой взгляд, видимо, надо объяснить и тогдашним состоянием науки о диалектах и общелингвистическими идеями XIX века. Если мы вспомним, что украинский язык в русской лингвистической литературе вплоть до Великой Октябрьской революции рассматривался как одно из наречий русского языка, то можно понять, почему А. Бобровников не хотел признавать калмыцкий язык как самостоятельное наречие.

А. Бобровников одним из первых среди монголистов (калмыковедов) использовал в своем труде много элементов калмыцкого разговорного языка, но верный своему времени, он не дифференцирует эти элементы по говорам. Все же тот большой материал из живого народного языка, привлеченный автором, наряду с современными живыми говорами будет иметь большое значение при изучении истории развития калмыцкого литературного языка.

Спустя полвека, в 1893 году Ир. А. Житецкий также признал наличие диалектных особенностей в калмыцком языке. Он пишет, что "народное самосознание и особенности в языке (подчеркнуто нами-Н.У.), в обычаях... разграничивает Калмыков, помимо их улусного подразделения по стародавним ойратским племенам - Хошеуты, Торгоуты, Дербеты".¹

Такое же деление по наречиям на основе этнического состава калмыков мы наблюдаем в "схематической карте расселения монголов", приложенной к "Лекциям по грамматике монгольского письменного языка"² А. Д. Руднева, в которой автор выделяет

1. Ир. А. Житецкий. Очерки быта Астраханских калмыков. Этнографические наблюдения, 1884-1888, 1893, стр. I.

2. См. А. Д. Руднев. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. Спб., 1905.

в калмыцком языке три говора - Торгоутский, Дэрбэтский и Хошоутовский.

Позднее, в 1908 году, в "Опыте классификации монголов по наречиям", данном в приложении к "Сравнительной фонетике монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора" Г.И. Рамстедта, А.Д. Руднев деление калмыков по языку сводит к следующим группам: 1. Торгуты

2. Дэрбэты

3. Хошуты

4. Хойты

Неопределенные: α. Донские калмыки - "Бузава" (в области войска Донского)

β. Терские калмыки (к NW от Моздока)

γ. Куманские калмыки (при устье р. Кума)

δ. Уральские калмыки (на правом берегу р. Урал и на р. Кушум; 5 селений)

ε. Оренбургские калмыки (к SW от Челябинска в двух местах верхнего течения р. Урал и на 0 склонах Уральского хребта).

В этой классификации автор исходит из этнического деления калмыков и их географического расселения, но не из языковых особенностей. Против такого деления, против подмены лингвистической классификации этнической усиленно выступал акад. Б. Я. Владимирцов.

"При классификации говоров и наречий, - писал он, - невозможно искать помощи в определении этнического состава; последнее еще ничего не говорит за лингвистическую принадлежность к той или иной группе, тому или иному

I. Г.И. Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. Спб., 1908, стр. V-VI.

говору".¹

Как можно заметить, во всех названных здесь работах решались вопросы: существуют ли в калмыцком языке говоры и какие?

В 1909 году Номто Очиров, командированный Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Астраханские степи для лингвистических наблюдений, впервые собрал материал по языковым особенностям калмыков. В первую свою поездку к калмыкам он посетил Малодербетовский, Манычский и Ики-Цохуровский улусы. В отчете об этой поездке он отмечает некоторые различия между дербетским и торгутским говорами: Он пишет: "Что касается торгутского, то оно во многом отличается от первого... произношение торгутов более энергичное и сильное и изобилует эмфатическими долготами".²

Во время второй поездки, в 1911 году, он посетил Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков. На этот раз он проверил и уточнил выявленные им основные отличия между торгутским и дербетским говорами. В своем отчете Русскому Комитету для изучения Средней и Восточной Азии он снова дает ритмо-мелодическую характеристику говорам калмыцкого языка и пишет, что торгутская речь отличается от дербетской силой и энергичностью, изобилует эмфатическими долготами и усилениями на отдельных слогах, чего незаметно у дербетов, которые говорят вяло и медленно.³ Далее автор отмечает неко-

1. Б.А.Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. II

2. Н.Очиров. Отчет о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г.-Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 10, Спб., 1910, стр. 72

3. Н.Очиров. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков. Отчет-Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Серия II, № 2, Спб., 1913, стр. 83.

торые отличительные черты в языке дербетов и торгутов как в плане фонетическом, так и в плане морфологическом и лексическом.

В качестве одной из особенностей торгутского говора Н. Очиров отмечает, что гласный [а] более устойчив, чем соответствующий дербетский, зачастую переходящий под влиянием [i] в [ä].

<u>Писым.</u>	<u>калм.</u>	<u>Дэръ.</u>		<u>Торг.</u>	
дакiн	-	дäкн	-	дакñ	"снова"
дакiд	-	дäкäд	-	дакäд	"затем, потом, снова"
такiл	-	тäк [?]	-	так [?]	"жертвоприношение"
такim	-	тäк [?]	-	так [?]	"подколенный сгиб"

"Вообще дербетский говор отличается от торгутского, — отмечает автор, — более частым употреблением ä, ǟ :

<u>Писым.</u>	<u>калм.</u>	<u>Дэръ.</u>		<u>Торг.</u>	
похоi	-	похä	-	похä	"собака"
фахаi	-	фахä	-	фахä	"свинья"
цорoi	-	цорä	-	цорä	"иноходь"
нојnai	-	нојnä	-	нојnä	"князя"
малтаi	-	малтä	-	малтä	"именный скот"
јохулаi	-	јохүлä	-	јохүлä	"если пойдёт"

В морфологическом отношении в качестве характерной особенности торгутского говора отмечается различие некоторых падежных окончаний, например, родительного падежа — äн, — äн, винительного — äг, — äг. Н. Очиров справедливо указывает, что параллельно с этими окончаниями приходится слышать и окончания, подобные дербетским, что одно и то же лицо

говорит очень часто негiги и негiги и т.д.¹

Из лексических отличий им замечены следующие:

<u>ДЕРБ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
хәрү	гедгән	"обратно, назад"
иргчидән	хөтндән	"в будущем году"
нәмәдлхе	кблслхе	"напимать"
обжи	долә	"вожки" и т.д. ²

Заслуга Номто Очирова состоит в том, что он, насколько позволяя ему объем отчетной статьи, на конкретном языковом материале показал наличие в калмыцком языке двух основных говоров — торгутского и дербетского и продолжил сбор диалектологических материалов, начатый Г.И.Рамstedтом. Работы Номто Очирова по калмыцкой диалектологии до сего дня не утратили своей научной ценности.

В 1915 году Вл. Котвич первым из европейских калмыковедов выпустил труд по калмыцкому разговорному языку — "Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка". Приступая к составлению грамматики калмыцкого разговорного языка, Вл.Котвич поставил себе целью не только дать пособие для изучения строя языка, но также несколько унифицировать калмыцкую орфографию, внести некоторое единообразие в написаниях слов.

В калмыцком языке Вл.Котвич выделяет три самостоятельных говора — торгутский, дербетский, бузавский (донской). Диалектные особенности, отмечаемые автором, даются в сопоставительном плане по всем трем говорам.

1. См. Н.Очиров. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Спб., 1913, серия II, № 2, стр.84-85.

2. Там же. стр. 86.

Устанавливая те или иные грамматические положения, Вл. Котвич руководствовался главным образом говором дербетов, что, видимо, объясняется тем, что его основными помощниками и консультантами были носители дербетского говора. Особенности торгутского говора, как отмечает автор, приводятся лишь изредка, почти всецело благодаря указаниям Н.О. Учирова.

В 1929 году этот труд в значительно дополненном виде был переведан. Вл. Котвич пишет, что "переработке подверглись все части грамматики, особенно же отдел спряжения. В значительно большей степени приняты во внимание особенности отдельных калмыцких говоров, главным образом торгутского, дербетского и донского; однако, во избежание чрезмерного осложнения дела в основу положен (особенно в примерах) торгутский говор".¹

Второе издание было гораздо расширено (ср. объем первого издания 175 стр., второго - 418 стр.). При этом автор, кроме общих, более выпукло показывает те особенности, которые являются характерными для того или иного калмыцкого говора. Эти особенности отмечаются автором как в области фонетики, так и в области морфологии. Например, в части фонетики автор пишет, что в употреблении гласных имеются заметные различия между калмыцкими говорами:

а) торгутский и донской говоры гораздо реже, чем дербетский, употребляют гласный *ä*, особенно в конце слов: торгуты и бузавы: *дэлä* "океан", *можä* "змея", *орнä* "входит", *устä* "с водой"; дербеты: *дэлä*, *можä*, *орнä*, *устä*.

б) там, где дербеты и бузавы употребляют *o, ö*, торгуты иногда пользуются *u, ü*:

1. Вл. Котвич. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице, 1929, стр. IX.

Дербеты и бузавы: Ойма - собственное имя, сѳма "храм"
торгуты: Уйна, сѳма¹ I.

в/ в произношении г и з наблюдаются в некоторых случаях колебания. Если при грамматических образованиях г ^{долгим} появляется между двумя гласными (небными), то оно произносится в одних говорах по-старому, как взрывное г, в других же, как проточное з:

күр^а > күр^аг^аса ~ күр^аз^аса².

г) торгуты и бузавы более строго придерживаются закона гармонии гласных, тогда как у дербетов наблюдаются некоторые особенности; а именно: имеется ряд аффиксов, которые у дербетов всегда оканчиваются на ä, в то время, как торгуты и бузавы имеют две формы: одну с ä (в словах с задними гласными), другую с ä (в словах с передними гласными):

торг., буз.

дерб.

вар - н^а

вар - н^а

"выходит"

күр - н^а

күр - н^а

"доходит"³

Из морфологических особенностей автор отмечает:

- а) более частое употребление аффикса множественного числа -с в торгутском говоре, например, с^ачс "лучшие, хорошие", ба^ай^ачс "богачи", номс "священные книги", эрд^амс "достоинства", эмс "лекарства"⁴
- б) В торгутском говоре имя в родительном падеже после долгих гласных принимает аффикс - ии или -и (иногда, напр., у оренбургских калмыков, - н^а ~ - н^а)

1. Вл. Котвич. Указ. соч., стр. 12.

2. Там же стр. 46-47.

3. Там же стр. 74.

4. Там же стр. 141-142.

такā "курица" такāн

такāн̄н

(такāнā)¹

в) соединительный падеж, обозначающий совместность действия, имеет две параллельные формы:

1. - лā~ - лā̄ - торг. буз., или - лā̄~ - лā̄ - дерб.

2. - тā~ - тā̄ - торг. буз., или - тā̄ - дерб.²

г) для выражения слабого предположения или опасения, что что-нибудь случится, употребляется аффикс - зā~ - зā̄ - торг., буз., - зā̄ - дерб. У оренбургских калмыков, кроме указанных аффиксов, употребляется еще - ūззā̄~ - ūззā̄ (-ūsā̄~ - ūсгā̄)

срūззā̄ "как бы не пришел", ссūззā̄ "как бы не сел",

олūззā̄ "как бы не нашел", длūззā̄ "как бы не съел",

зōгūззā̄ "как бы не перетаскал".³

Таким образом, В.Котвич в своем труде отразил некоторые характерные черты основных калмыцких говоров. Однако автор не ограничился этими тремя говорами и привлек, по мере возможности, особенности других языковых подразделений, как, например, оренбургских калмыков.

Итак, "Опыт грамматики..." Вл. Котвича явился крупной вехой в развитии калмыцкой диалектологии. Именно поэтому, мы считаем, что калмыцкая диалектология началась с Котвича, труды которого в этой отрасли калмыцкого языкознания не утратили своего значения до наших дней. Помимо В.Л.Котвича занимались и занимаются диалектологией известные монголисты Г.И.Рамstedт, А.Д. Руднев, Б.Я.Владимирцов, Г.Д.Санжеев и другие.

1. Там же. стр. 150.

2. Там же. стр. 158-159.

3. Там же. стр. 180-182.

С их именами также связано и развитие науки о калмыцком языке и изучение живых народных говоров калмыков. Так, в результате почти векового исследовательского труда ученых стала вырисовываться четкая картина членения калмыцкого языка на говоры и подговory. В 1929 году в классической работе "Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхаского наречия" Б.Я.Владимирцов даёт классификацию монгольских наречий и говоров. В калмыцкой части этой классификации автор пишет: "Прежде всего можно упомянуть самую западную группу - говоры поволжских ойратов, так называемых, калмыков, в состав которой входят говоры: дэрбэтский, торгутский и подговory: большедэрбэтский и донской - бузава.

Очень близкими к этой группе являются говоры, на которых изъясняются уральские и оренбургские калмыки".¹ Далее автор даёт таблицу классификации монгольских наречий и говоров, из которой мы приводим ту часть, которая касается калмыков:

1. Дэрбэтский

а. Большедэрбэтский

б. Бузава

2. Торгутский

γ. Калм. - Урал.

δ. Калм. - Оренб.

Б.Я.Владимирцов пишет также, что "хошуты с Волги (по языку принадлежат - Н.У.) к говору Торгутов-Астраханских".²

Как видим, классификация Б.Я.Владимирцова многоступенчата:

1. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 6.

2. Там же. стр. II, 17.

С их именами также связано и развитие науки о калмыцком языке и изучение живых народных говоров калмыков. Так, в результате почти векового исследовательского труда ученых стала вырисовываться четкая картина членения калмыцкого языка на говоры и подговоры. В 1929 году в классической работе "Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия" Б.Я.Владимирцов даёт классификацию монгольских наречий и говоров. В калмыцкой части этой классификации автор пишет: "Прежде всего можно упомянуть самую западную группу - говоры поволжских ойратов, так называемых, калмыков, в состав которой входят говоры: дэрбэтский, торгутский и подговоры: большедэрбэтский и донской - бузава.

Очень близкими к этой группе являются говоры, на которых изъясняются уральские и оренбургские калмыки".¹ Далее автор даёт таблицу классификации монгольских наречий и говоров, из которой мы приводим ту часть, которая касается калмыков:

1. Дэрбэтский
 а. Большедэрбэтский
 б. Бузава
2. Торгутский
 γ. Калм. - Урал.
 δ. Калм. - Оренб.

Б.Я.Владимирцов пишет также, что "хошуты с Волги (по языку принадлежат - Н.У.) к говору Торгутов-Астраханских".²

Как видим, классификация Б.Я.Владимирцова многоступенчата:

1. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 6.
2. Там же. стр. II, 17.

сначала он выделяет более крупные диалектные единицы, а затем внутри каждой единицы намечает более дробные деления.

Классификация говоров, данная Б.Я.Владимирцовым, не только не опровергается в наше время, но, наоборот, подтверждается в основных своих чертах и лишь дополняется и уточняется в деталях.

Классификация Б.Я.Владимирцова проведена на прочной фактической базе с учетом изучения монгольского письменного языка, халхаского наречья, говора кобдоских дербетов, а также данных по изучению старописьменного калмыцкого языка и современного языка калмыков на Волге.

Если фонетические и морфологические особенности калмыцких говоров в той или иной мере были уже описаны (Н.Очиров, Вл. Котвич), то лексические особенности оставались пока еще неизученными. О существовании различий в лексике калмыцких говоров писал в своих отчетах Номто Очиров. Однако следует заметить, что этот пробел в изучении калмыцких говоров вскоре в известной степени был восполнен.

В 1935 году финский ученый-монголист Г.И.Рамstedт опубликовал "*Kalmükisches Wörterbuch*". Лексический материал для данного словаря был собран автором во время его поездок к волжским калмыкам и ойратам Восточного Туркестана.

Словарь включает богатую фразеологию,^I пословицы, поговорки, извлечения из калмыцкого народного эпоса "Джангар" и других произведений калмыцкого народного творчества. Автор обнаружил в этом словаре превосходное знание не только народных говоров, но и быта, нравов, обычаев и фольклора калмыцкого народа.

I. Данный аспект словаря освещен в работе Г.Ц.Пурбеева "Глагольная фразеология монгольских языков", М., 1972, стр. 97-98.

Данный труд вообрал в себя основной словарный фонд калмыцкого языка и некоторые лексические особенности языка западных монголов, к которым в прошлом относились и калмыки. Многие слова возводятся к засвидетельствованным и реконструированным древне-монгольским формам. Слова расположены в порядке латинского алфавита, даются в транскрипции и снабжены переводом на немецкий язык. Часто встречаются пометы Д, Т, Tw, передающие принадлежность слова к тому или иному говору калмыцкого языка. Так, к диалектной лексике Г.И.Рамштедт отнёс следующие слова:

ТОРГ.

ДЕРБ.

хайр "огурец"	абүрцыг "огурец"
лах (лах зайсын) "сом"	саксэ ~ саксё "гречневая каша"
хасив "мясо на продажу"	мархи "недоношенный ягненок"
созий ~ сузый "рыболов- ный сачок"	мишу "бечева"

Еще В.И.Даль указывал, что для знакомства с русскими говорами одного только словаря мало и что "нужны общие правила, как и чем одно наречие отличается от другого, чем говор разнится от говора. В этом деле найдем мы необходимое подспорье для географии, этнографии и истории, а еще более для изучения родного языка".¹ Как бы соглашаясь с В.И.Далем, Г.И.Рамштедт в своем "Словаре" даёт объяснение к морфологии и фонетике калмыцкого языка, которое скорее можно было бы назвать кратким очерком прагматики калмыцкого разговорного языка.

"Kalmükisches Wörterbuch", как в отношении теоретической части, так и фактического материала, не утратил своего значения. Он является не только одним из наиболее полных словарей калмыцкого языка, но и относительно полным собранием лексики калмыцких говоров.

1. В.И.Даль. О наречиях русского языка. - Вестник Императорского Русского географического общества, 1852, ч. II, кн. I, отд. II, стр. XIII.

Если до сих пор мы говорили о диалектологических исследованиях дореволюционного периода и об исследованиях европейских ученых по калмыцкой диалектологии, то следует также сказать о развитии ее в послеоктябрьский период.

Советская калмыцкая диалектология — молодая отрасль калмыцкого языкознания. В ее создание немалый вклад внесли Б.К. Пашков, Б.Б.Бадмаев, Ц.Д.Номинханов, Д.А.Павлов, А.Ш.Кичиков и другие.

После Великой Октябрьской революции старокалмыцкая письменность была заменена (1924 г.) письменностью на русской графической основе. В связи с отменой прежнего письменного языка, вставал вопрос о создании нового литературного языка на основе народных говоров, которые надо было изучить. В качестве наилучшего способа изучения калмыцких говоров был избран метод экспедиционного обследования всех аспектов языка и научная обработка собранных экспедицией материалов. Однако первая лингвистическая экспедиция состоялась только в начале 30-х годов, после открытия калмыцкого отделения и кафедры калмыцкого языка и литературы при Саратовском педагогическом институте. Перед экспедицией стояла задача собрать диалектологический материал, чтобы

а) обследовать диалекты и говоры для установления норм ново-калмыцкого литературного языка.

б) собрать необходимый материал для стандартизации новой орфографии.¹

По утверждению организатора и руководителя этой экспедиции,

1. Б.Пашков. О калмыцкой лингвистической экспедиции, "Революция и письменность". Спб., 2. М., 1936, стр. 170.

заведующего кафедрой калмыцкого языка и литературы Саратовского университета им. Н.Г.Чернышевского, ныне покойного Б.К. Палкова, для обследования был намечен и утвержден Приморский район (ныне Каспийский), как наиболее мощный в экономическом и наиболее характерный в языковом отношении. Приморский край и по численности населения, и по разнообразию хозяйственной деятельности (рыболовецкое, скотоводческое и земледельческое хозяйство), и по языковому многообразию занимает первое место среди прочих районов Калмыкии. Здесь были представлены все местные говоры республики. В дальнейшем к Приморскому району был присоединен для обследования еще и Сарпинский район .¹

Из тридцати сельсоветов Приморского района экспедиция обследовала тринадцать: Долбанский, Истинский, Шабинеровский, Багацохуровский, Цомокский, Центральный, Цекергинский, Джилитинский, Дальчинский, Чимбинский, Индыковский, Промысловский, Оленичевский. Язык населения остальных сельсоветов, как было установлено, целиком совпадает с языком населения обследованных сельсоветов.

В Индыковском, Промысловском и Оленичевском сельсоветах экспедиция собрала материал об особом, русско-калмыцком двуязычии.

Кроме этого, экспедиция отметила, что население Хамхултинского и Зензелинского сельсоветов говорит на трех языках - калмыцком, татарском и русском.

Следует также отметить, что был обследован и Багацановский говор, отличающийся от остальных калмыцких говоров

1. Там же .

отсутствием в нем фонемы с (ц). Чакакий говор отмечен экспедицией в Хамхултинском, Цекертинском и Белозерском сельсоветах.

Экспедицией был собран богатый лексический материал по разделам рыболовецкого, скотоводческого, земледельческого, кустарно-промыслового хозяйства, из бытовой и фольклорной лексики и др.

Однако это хорошее начинание по последовательному научному изучению калмыцких говоров и сбору материалов не было продолжено, и оно было возобновлено только лишь в 60-е годы. Так, в 1962 году Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР организовал комплексную фольклорно-диалектологическую экспедицию. Эта экспедиция охватила, в основном, горд Каспийский и некоторые пригородные села и часть Астраханской области (поселок Лиманный). С этого времени почти ежегодно организуются диалектологические экспедиции в различные районы республики. Результаты экспедиций не замедлили сказаться, появился ряд диалектологических публикаций, посвященных описанию говоров, более или менее подробных заметок, касающихся в основном современного состояния говоров, отдельные работы монографического исследования говоров. В основном это работы А.Ш.Кичикова.¹

1. А.Ш.Кичиков. Об оренбургском говоре калмыцкого языка.

- Зап. (НИИЯЛИ при Сов.Мин. КАССР), № 2, 1962.

Его же. Дербетский говор. Элиста, 1963

Его же. Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка. Уч. зап. (НИИЯЛИ при Сов.Мин.КАССР), № 5, сер. филолог. Элиста, 1967.

Его же. О говоре донских (бузава) калмыков. Уч. зап.

(НИИЯЛИ при Сов. Мин. КАССР), № 5, сер. филолог.

Элиста, 1967.

Д. А. Павлова,¹ Н. Н. Убушаева² и других.

Среди перечисленных работ следует отметить первое монографическое исследование одного из основных говоров калмыцкого языка - "Дербетский говор" А. Ш. Кичикова. В ней автор даёт классификацию калмыцких говоров и подговоров, несколько дополняющую существовавшую классификацию (Б. Я. Владимирцова и других). Здесь автор выделил подговор цаатанов (у А. Ш. Кичикова цаатын-Н. У.), который относится к торгутскому говору и отличается от последнего отсутствием фонемы [ц], вместо которой регулярно употребляется фонема [ч], и другими особенностями. Также им выделен дополнительно волго-каспийский подговор торгутского говора и описаны некоторые его черты. В данной работе А. Ш. Кичиков освещает фонемный состав дербетского говора, его морфологические особенности, особенности склонения имен и личных местоимений, разряды имен числительных, классификацию сопутствующих и обстоятельственных деепричастий, их роль в образовании аналитических глагольных форм и др. Одним словом, автор описывает не отдельные отличительные "экзотические" особенности говора, а даёт всестороннее описание говора, как целой языковой

-
1. Д. А. Павлов. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка. - Зап. (НИИЯЛИ при Сов. Мин. КАССР), № 3, сер. филологии, Элиста, 1964.
 2. Н. Н. Убушаев. Торгутский диалект и его отношение к калмыцкому литературному языку. - Уч. зап. (НИИЯЛИ при Сов. Мин. КАССР), вып. 7, серия филологии, Элиста, 1969.
Его же. О некоторых особенностях торгутского диалекта по материалам экспедиции в Юстинский район, там же.
Его же. Икицохуровский говор торгутского диалекта, там же.
Его же. Некоторые особенности цаатанского подговора. - 320 лет старокалмыцкой письменность, Элиста. 1970.

системы.

Особенности других калмыцких говоров и подговоров приводятся автором постольку, поскольку они позволяют ему оттенить, ярче выделить особенности исследуемого говора. К числу калмыцких говоров А.Ш.Кичиков относит также и язык киргизских калмыков "сарт-калмыков" и, вслед за А.В.Бурдуковым, он указывает на близость их языка к языку донских калмыков. Наша поездка к сарт-калмыкам в августе 1973 года заставила нас усомниться в этом, требуется более глубокое изучение их языка.

Статья "Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка" Д.А.Павлова является первой попыткой в калмыковедении изучить один из калмыцких говоров (вернее, подговор) в сравнительно-историческом плане. Рассматриваемый подговор автор, вслед за Б.Я.Владимирцовым, определяет как подговор торгутского говора и убедительно подкрепляет это положение лингвистическими данными. Однако изолированность уральских калмыков от основной массы калмыков наложила свои отпечатки и на их язык. Так, в их языке появились новые фонетического и отчасти морфологического характера особенности, несвойственные другим говорам. Например, сохранился в непервых слогах средний негубной [э] и, что интересно, эта фонема не только просто сохранилась в законсервированном виде, но она, укрепившись в своих прежних позициях, активно стала занимать новые, в которых другие говоры имеют [э], [ээ]. Ср. урал. дерэ́ "стремя", торг., лит. дерее, монг. письмн. *dörüge*; урал. эрвэка "бабочка", торг., лит. эрвэкеэ: монг. письмн. *erbekei*.

Заслуживает внимания тот факт, что автор допускает мысль о возможности возникновения отдельных особенностей

на более позднем этапе развития языка и необязательности прямого источника в древнем языке. Он иногда даёт хронологию возникновения той или иной языковой особенности.

Следует отметить монографическую работу Д.А.Павлова "Современный калмыцкий язык" (Фонетика и графика). Она заслуживает упоминания здесь потому, что ее автор в приложении к ней дает карту распространения калмыцкого языка, его говоров и подговоров. В предисловии своей работы автор отмечает в калмыцком языке наличие двух говоров - торгутского и дербетского, в каждом из которых имеется по одному подговору: в торгутском - волжско-каспийский, в дербетском - икидербетский. Далее автор пишет: "Что касается уральских, оренбургских, донских калмыков и группы калмыков, проживавших по Куме, Тереку, то теперь они больше не могут считаться носителями самостоятельных говоров и подговоров в связи с тем, что перекочевали в Калмыкию в двадцатых годах нашего века".¹ В отношении говора кошуттов Д.А. Павлов отмечает, что он "смешался с торгутским и ничем не отличается от последнего, если не иметь в виду отдельные слова".²

Вполне соглашаясь с некоторыми положениями, мы все-таки хотели бы заметить, что говоры уральских, оренбургских, донских и других групп калмыков первоначально имели чисто локальный характер. Однако утверждать, что эти говоры не существуют лишь потому, что их носители снялись со своих мест и примкнули к основной массе калмыков, видимо, нельзя. Представителей этих говоров всегда можно определить по их языку. В связи с

1. Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык (Фонетика и графика). Элиста, 1968, стр. 4-5.

2. Там же, стр. 6.

этим, не отрицая самого факта смешения носителей упомянутых говоров и подговоров с основной массой населения Калмыкии, нам, кажется, было бы преждевременным отрицать их существование, особенно говора донских калмыков, которые расселены, в основном, на территории Городовиковского района нашей республики и в известной степени не утратили своей компактности.

Таким образом, калмыцкий язык в диалектном отношении состоит из двух основных говоров -- торгутского и дербетского, каждый из которых, в свою очередь, имеет еще более мелкие подразделения -- подговора: торгутский говор -- волго-каспийский, уральский, оренбургский, цаганский; дербетский -- икидербетский. Что касается языка донских калмыков (бузава), то мы, вслед за Вл. Котвичем, склонны считать его самостоятельным говором калмыцкого языка.

Г Л А С Н Ы Е Ф О Н Е М Ы

Система гласных торгутского говора состоит из девятнадцати фонем: а, аа, о, оо, у, уу, э, ээ, е, еэ; ү, үү, з, зз, и, ии, ы, е, љ.

Гласные классифицируются:

1. по качеству:

а) гласные полного образования:

а, аа, о, оо, у, уу, э, ээ, е, еэ, ү, үү, з, зз, и, ии ;

б) гласные неполного образования (неясные): ы, е, љ ;

2. по количеству:

а) краткие: а, о, у, э, е, ү, з, и ;

б) долгие: аа, оо, уу, ээ, еэ, үү, зз, ии ;

в) редуцированные: ы, е, љ ;

3. по участию и не участию губ:

а) огубленные: о, оо, у, уу, е, еэ, ү, үү ;

б) неогубленные: а, аа, э, зз, э, ээ, и, ии, ы, е, љ ;

4. по степени подъема:

а) широкие: а, аа, э, ээ ;

б) средние: о, оо, е, еэ, з, зз, е ;

в) узкие: у, уу, ү, үү, и, ии, ы, љ ;

5. по месту артикуляции:

а) заднеязычные: а, аа, о, оо, у, уу, ы ;

б) переднеязычные: э, зз, е, еэ, е, еэ, ү, үү, и, ии, е, љ ;

В зависимости от фонологической значимости гласные делятся на три фонематически противопоставляемые группы:

а) гласные твердого ряда: а, аа, о, оо, у, уу, ы ;

б) гласные мягкого ряда: э, ээ, е, еэ, е, еэ, ү, үү, е, и ;

в) гласные нейтрального ряда: ии, љ ;

ОПИСАНИЕ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Краткие гласные

[а] - заднеязычная неогубленная широкая фонема. Встречается в первом слоге слова, например, тагчи "народ", арны "средство, способ", сары "месяц", хары "черный", тавын "пять", баты "крепкий".

В зависимости от соседствующих согласных эта фонема может иметь более передний или задний оттенки. Так, в сочетании с переднеязычными и губными согласными выступает в несколько передних оттенках, в сочетании с увулярными согласными выступает в несколько задних оттенках. Ср. тарвис "арбуз", татуур "подруга", ташыг "кнут", байыр "радость", но бахлуур "горло", тахы "подкова", ахи "старший". В основном [а] очень четкая ясная фонема, поэтому передний оттенок [а] не столько заметен, как это наблюдается в языках и говорах с фонематическими палатальными согласными. В исследуемом же говоре вместо палатализации согласных произошла палатализация гласных, в том числе [а], которая развилась в [э].

В монгольском письменном языке этой фонеме соответствует открытый "чистый" [а]

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
хатуу	хатын	"ханша"
абдара	авдыр	"сундук"
дабгур	давхир	"слон, этаж"

Б.Я. Владимирцов отмечает, что фонема [а] ударенного слога является в монгольском письменном сильной фонемой. Поэтому в монгольских рукописях и книгах невозможно встретить ошибочные

1. Здесь речь идет о кратких гласных первого слога, в непервых же слогах краткие гласные выступают, в основном, как редуцированные гласные.

начертания этого нормального ударного [a]^I

Однако монгольская письменная [a] в позиции перед [i] часто соответствует в торгутском фонеме [e]. Примеры:

<u>монг. письм.</u>	<u>торг.</u>	
bari =	баре =	"держать"
dari	дере	"порох"
qari =	харе =	"возвращаться"

[o] - заднерядная средняя огубленная фонема, встречается только в первых слогах слова, например, ораа "поздно", мокии "глина, сера жевательная", омиг "поддержка (моральная)", цог "жар, угли".

В зависимости от комбинаторных условий эта фонема может быть несколько продвинута вперед или, наоборот, отодвинута назад. Например, дорвы "кожаная сумка", бортхи "кожаная фляга", но моцни "монгол, хороший", тохми "порода", шоцхыр "кречет", хоцнриг "сухой овечий помет". Однако это будет носить оттенковый характер, несколько не влияющий на смысловую сторону речи. Несмотря на указанные оттенки, которые никто из носителей говора не замечает, в основном это очень ясная, четко дифференцированная от других огубленных, фонема. Исследуемый говор не знает смешения [o] - [y], [e] - [y]

Фонема [o] исследуемого говора соответствует [o] монгольского письменного языка, ср.:

<u>монг. письм.</u>	<u>торг.</u>	
boro	бори	"серый"
okin	окин	"девушка"
tosun	тосни	"масло, жир"
torgan	торнин	"шелк"

Фонема [o] монгольского письменного языка в позиции перед слогом с гласной [i] часто соответствует в торгутском фонеме [e]. Ср.:

<u>монг. письм.</u>		<u>торг.</u>	
<i>morin</i>		мерен	"лошадь"
<i>qorin</i>		херен	"двадцать"
<i>sorbi</i>		серве	"рана, шрам"
<i>ʝori=</i>		зере =	"направиться"

[y] - заднеязычная узкая огубленная фонема, например, зули "свеча", зулаа "темя, родничок", бураа "прут, лоза", урни "мастер".

Перед увулярными согласными или после них эта фонема бывает более задней, нежели в соседстве с другими согласными. Ср.: зурыг "картина", бурми "мост", но һурвин "три", гуңһааг "кал новорожденного; осадок".

Фонема [y] встречается в первом слоге и соответствует монгольскому письменному [y], по сравнению с которым торгутский гласный [y] является более передним и более закрытым. По мнению Б.Я.Владимирцова, в "древности, в том диалекте, который лег в основу монг.-письм. посредством *u* обозначали гласный средний между *o* и *y*, т.т.о или *ʝ*, сохранившийся от общемонгольской эпохи в некоторых монгольских наречиях.¹ Возможно, этим объясняются различия в употреблении [o] или [y] в словах типа дерб. кулс - кулс, торг. голс - голс < монг. письм.

kilus "изредка посматривать". Однако подобных слов в калмыцком языке немного. Большинство говорных различий относительно [o] и [y] объясняются, помимо этого, другими фонетическими явлениями, о которых будет сказано ниже. Узкий вариант огублен-

1. Б.Я.Владимирцов. Указ.соч., стр. 160.

ных гласных заднего ряда в торгутском говоре, широкий - в дербетском являются одним из характерных признаков говоров калмыцкого языка. Узость и некоторая открытость огубленных гласных объяснимы их фонетическим окружением, вернее, носят ассимилятивный характер, и даже в этих случаях закрытость и открытость этих фонем (или у - говор это, или о - говор), видимо, зависели от того, как воспринимался в нем (говоре) общемонгольский средний [y̆]. Исследуемому говору более свойствен узкий вариант гласного, чем широкий, который чаще наблюдается в дербетском говоре.

Ср.:	<u>торг.</u>	<u>дерб.</u>	
	хумхаа	хомхаа	"сухой"
	хувцын	ховцын	"одежда"
	цувтырхи	шовтырхи	"соскальзывать"
	хумсын	хомсын	"ноготь"

Поэтому дербетский говор принято называть о - говором, а торгутский - у - говором.¹ Придерживаясь точки зрения акад. Б.Я.Владимирцова о вариативности общемонгольского [о] и [у], можно предположить, что современные диалектные различия, в частности, тенденция оканья или уканья, восходят к глубокой древности.

[ə] - мягкорядная широкая неогубленная краткая фонема. Встречается в первом слоге слова, например, төкi "дикая лошадь", мэкiр "кривой", төвөн "пятьдесят", зөрiг "указ, приказ".

В исследуемом говоре, да и вообще в калмыцком языке, эта фонема имеет более позднее происхождение и соответствует монгольскому письменному [a] в положении перед гласными [i], например:

1. См. Кичиков А.Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963, стр. 4.

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
<i>arigun</i>	эргүн	"чистый, святой"
<i>tabin</i>	тэвен	"пятьдесят"
<i>angir</i>	эңгер	"желтый"
<i>araki</i>	эрке	"вино, водка"

В современном монгольском и бурятском языках фонема [а] монгольского письменного языка в позиции перед [i] соответствует мягкому варианту фонемы [а], а в торгутском говоре — самостоятельной фонеме [ə]. Однако в уральском подговоре фонема, соответствующая старописьменной монгольской [а], в положении перед [i] изменилась в э, ср. торг., лит. эмтен, урал. эмтен "люди" < монг.письм. *amitan*; торг., лит. тэвен, урал. тэвен "пятьдесят" < монг.письм. *tabin*; торг., лит. эрке, урал. эрке "водка, вино" < монг.письм. *araki*.

Приведенные примеры о переходе [а] в [ə] под влиянием [i], также употребление в уральском подговоре слов типа тэмэн "верблюд" (ср. торг., лит. темээн < старокалм. тэмэн монг.письм. *tetege*), убеждает нас в том, что в старокалмыцком языке не было фонемы [ə], по крайней мере, в тот период, когда создавалась старокалмыцкая письменность. Кроме [ə], образовавшейся из [а] в положении перед [i], исследуемый говор знает также [ə], развившийся из [а] в положении перед долгим [ээ] дифтонгического происхождения.

Например, эрэе (<монг.письм. *arai*) "чуть-чуть, немного", хахаэ Һэхэе (<монг.письм. *arai*) "свинья".

[ə] — переднеязычная средняя сгубленная фонема встречается в первом слове слова.

Например, еведкүүр "боль"
эршэе "помиловать"
ескэе "пятка"

гелег "годовалый ягненок, ярка"
 терех "родня, родство"

Эта фонема соответствует монгольской письменной [ö], которая также встречается только в первых слогах, например,

<u>Монг.письм.</u>	<u>торг.</u>	
pökič	некед	"товарищ"
pozig	нежиг	"сгусток крови, синяк"
ölkü	елке	"гашник"
ödün	еден	"перо, пух"
örüt	ерем	"буравчик, дрезь"

Кроме исконной [ö], в исследуемом говоре имеется [e] более позднего происхождения, которая образовалась из [o] в положении перед [i].

Например,

<u>МОНГ.ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
dogi =	деге =	"шалить, баловаться"
gorig	херег	"строгий"
oburi =	евре =	"удивляться"
dorgila =	дергеле =	"усиливаться"

Также в этом говоре имеется фонема [e], образовавшаяся, по утверждению Д.А.Павлова,¹ в результате огубления средней гласной [э̄] под влиянием следующих огубленных звуков ([γ], [б].)

Академик Б.Я.Владимирцов пишет, что "при помощи е (ɛ) в монг.-письм. обозначался какой-то гласный, существовавший в

1. Д.А.Павлов. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по "Тодо бичиг". - Ученые записки КНИИЯЛИ, вып. 7, серия филол. Элиста, 1969, стр. 256.

старом монгольском языке, средний между е и ё, по всей вероятности, это было нелабиализованное ё, т.е. ё произносимое с минимальной губной работой; встречался этот звук в словах, в которых он предшествовал какой-либо губной фонеме, гласной или согласной. Подтверждается это, во-первых, тем, что в монг.-письм. е чередуется с ё, например: *dörben ~ derben* "четыре", *edül ~ ödül* "еще не!"¹

Возможно, слабоогубленная [э], наблюдаемая в говоре донских калмыков, в м. е, сохранилась из монгольского письменного языка. В торгутском же говоре, как и в калмыцком литературном языке, монгольская письменная фонема [е] перед губными звуками часто соответствует фонеме [э].

Например: Монг.письм.		торг.	
<i>ebüdüg</i>		евдег	"колени"
<i>temür</i>		темер	"железо"
<i>ergüge</i>		эргэе	"ставка, дворец"
<i>emüne</i>		эме	"перед, вг"
<i>edür</i>		едер	"день"

Казалось бы, можно допустить, что появление [э] на месте монгольского письменного [е], есть результат неполной регрессивной ассимиляции, ассимиляции только по огубленности. Однако Б.Я.Владимирцов почему-то считает, что "появление ё на месте монг.письм. е нельзя объяснять регрессивной ассимиляцией".²

1. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 151.

2. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 152.

[ʏ] - переднеязычная огубленная узкая фонема, встречается в первом слоге слова, например, үчү "шуба", үкүүг "шкаф", үкүрдөө "линь", түрсен "икра", түрген "быстрый", күрген "зять" күлте "ватник, фуфайка", үсен "молоко".

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [ʏ]. Еще акад. Б.Я.Владимирцов говорил, что ойратские наречия "лучше всех других сохранили палатальные лабиализованные гласные от общей монголо-тюркской эпохи".¹ Ср.:

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
<i>üsün</i>	үсен	"волосы"
<i>büküli</i>	бүкөля	"целый"
<i>bürügäli</i>	бүрүүле	"сумерки"
<i>kürgen</i>	күрген	"зять"
<i>kürenе</i>	күрне	"хорек".

Кроме такой исконной фонемы [ʏ], исследуемый говор знает [ʏ] более позднего происхождения, которая образовалась из заднеязычного [y] в положении перед последующей гласной [i].

Например, МОНГ. ПИСЬМ. ТОРГ.

<i>qubi</i>	хүве	"часть, доля"
<i>qurisuq</i>	хүрсен	"сушенный творог"
<i>qurim</i>	хүрем ~ хүрме	"пир, свадьба"
<i>qurisaq</i>	хүрисихи ~ хүресхе	"мерлушка"

[э] - переднеязычная неогубленная средняя фонема. Встречается только в первом слоге слова, например, эгел "простой, обыкновенный", эмээхе "смущаться, стесняться", тэке "козел", бэрне "лады, клавиатура", тэлүүхе "стремиться, рваться", эмээл "седло", мэңден "тысяча", эркен "порог", бэрсен "дамка, ферзь".

1. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 166.

Эта фонема соответствует монгольской письменной [e], которая встречалась во всех ологах олова, например,

<u>монг. письм.</u>	<u>торг.</u>
<i>dem</i>	дэм "общие уюндия, помощь"
<i>dere</i>	дэре "подушка"
<i>ken</i>	кэн "к т о"
<i>temege</i>	темээн "верблюд"

Фонема [э] отличается своей подверженностью всяким изменениям. Кроме лабиализации (см. о фонемах [э] и [ү]), она в первом слоге часто переходит в более узкую фонему [и], например. ^I

<u>монг. письм.</u>	<u>торг.</u>
<i>demel</i>	димии "зря, напрасно, просто"
<i>kesig</i>	кийг "счастье"
<i>šegen</i>	чигээн "кумыс"
<i>tenigr</i>	тингер "веселый, гладкий"
<i>esi</i>	инй "черенок"
<i>esigei</i>	инкэе "войлок, кошма"

Академик Б.Я.Владимирцов чередование [e] [i] отмечает еще в монгольском письменном языке. "Чередование это, — пишет он, — является отражением пра-монголо-тюркского состояния. Монголо-тюркский общий язык знал особую фонему *é, которая отражается в языке древне-тюркском (языке орхоно-енисейских надписей) как é, как ja < *ye в чувашском, é~i в других тюркских наречиях и как чередование e~i в монг. — письм." ²

1. О тенденции перехода [e] в [и] см. Г.П.Мельников. Анализ особенности вокализма монгольских языков. Конференция аспирантов и молодых научных работников (23-25 июня 1964) Тезисы и планы докладов. М., "Наука", 1964, стр.101.
2. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 149.

[и] – переднеязычная неогубленная узкая фонема. Встречается, как и все краткие гласные, в первом слоге слова, например, шитвер "рогожа", иткел "вера", илеэсен "мошжара", гилевсен "чешуя", илдем "лишай", икер "двойня, двойняшки".

Фонема [и], как и все краткие переднеязычные фонемы, встречается только в мягкорядных словах. В то время, как в дербетском говоре, эта фонема встречается в первом слоге как мягкорядного, так и твердорядного слова, например, торг. инцхөөхе "ржать", ирвөөтерхе "знобить" ср. дерб. инцхаахы, ирваатирхы.¹ В подобных случаях дербетский говор сближается с монгольским письменным языком, где краткая фонема [и] употреблялась в словах обоих сингармонических рядов.

Эти различия являются следствием неодинаковой эволюции общемонгольской фонемы [i] в калмыцких говорах. Дело в том, что гласный [i], подвергаясь различным изменениям, сам оказывал сильное влияние на другие фонемы. Палатализирующим влиянием [i] и об"ясняются мягкие варианты слов в исследуемом говоре, ср., торг. мэлөө, дерб. малгаа < монг. письм. *milaga* "кнут", торг. салькен, дерб. салькын < монг. письм. *salhin* "ветер" и т.д.

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [i], которая встречается во всех слогах слова, например:

монг. письм.	торг.	
<i>ir</i>	ир	"лезвие"
<i>irge</i>	ирег	"валух"
<i>širai</i>	чирэә	"лицо"
<i>kinə</i>	кине=	"быть аккуратным"
<i>minšigar</i>	минч'иер	"румяный"

<i>čičire</i> =	чичре =	"дрожать"
<i>inaɣ</i>	инег	"друг, любимый"

Кроме такой исконной фонемы [и], исследуемый говор знает также [и], развившийся из обшемонгольской гласной [e], например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
<i>jeke</i>	ике	"большой"
<i>esküleɣ</i>	ишкiʋeɣ	"кислый"
<i>gejige</i>	гижiɣ	"коса, затылок"

Исследуемый говор знает также [и], развившийся из узкой огубленной [ʏ] в результате утраты последней качества огубленности, например, бисе "пояс, ремень", бичi "шнур, тесьма", инде "вот здесь", инде "меч", битүү "сплошной, глухой", закупоренный", билтүр "мутовка, имеске "целовать" в.м. бусе, бүчi, үнде, үде, бүтүү, бүлтүр и др.

Переход огубленной узкой [ʏ] в [и] носит спорадический характер, но следует отметить, что начался он давно.

Еще акад. Б.Я.Владимирцов отмечал соответствие [ʏ]~[и]. Он писал, что монг. - письм. *ü* соответствует тюрк. *i~i*¹. Здесь же он приводит примеры соответствия *ü~i* в монгольском письменном и в живых монгольских говорах: монг. - письм. *bü* // монг. - письм., ойрат. - письм. *bi* = "есть", байт, *bi* = "ид"; монг. - письм. *bü* "будь; отрицание при повелительном наклонении", бурят. *бу*, халх. *бү*, могол. *би* "отрицание при повелит. наклон." // монг. письм. *bi-tegei* ~ *bü-tegei* "ид" < "*bü-tü-gei*" "да будет; отрицание при повелительном наклонении".² Таким образом, переход лабиальной [ʏ] в [и] в исследуемом говоре имеет давнюю историю.

1. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 175.

2. Там же.

Торгутский говор знает два оттенка [и]: мягкий оттенок, как русский [и] в словах типа Ирина, дирижабль. Например, ширдег "циновка", килецг "бархаг", кисхе "укорачивать, ограничивать", жирмөөхөө "малек, килька", билецг "колечко".

Твердый оттенок, несколько похожий на русский [ы], например, диглехе "упорядочить", тиниixe "выпрямиться", нилхе "молодой, новорожденный", димии "зря, напрасно".

Д.Г.Киекбаев о звуке [ы] башкирского языка писал, что он "образовался из узкого гласного звука переднего ряда и, место артикуляции которого отодвинулось назад по горизонтальному плану языка вследствие твердости окружающих его согласных".¹ Это положение вполне применимо и к характеристике артикуляции твердого оттенка гласного [и] как в исследуемом говоре, так и в калмыцком литературном языке.

При произношении этого более заднего [и] мы обнаруживаем [ы] - образное начало с дальнейшим переходом к [и]. Такое скольжение особенно наглядно при произношении долгого [ии]. Этот звук более наглядно передает знак [и^ыи], или [ыи] - [и^ыи]. Однако носители исследуемого говора, как и все калмыки, воспринимают этот задний вариант [и] как [и], и даже русское [ы] в их сознании не что иное, как [и], о чем свидетельствует тот факт, что гласный [ы] в заимствованных словах воспринимается как гласный переднего ряда, например, пирс' (<русск. брысь), кирс (<русск. крыса), иштек (<русск.

1. Д.Г.Киекбаев. О передвижении гласных в башкирском языке. - Уч. записки Башкир. Гос. пединститута им. К.А.Тимирязева, вып. 8, серия филолог. № 2, Уфа, 1956, стр. 222. Он передает этот звук знаком ы.

штык, пика (в карт.), киреяцее (< русск. крыльцо). Кроме этого, встречаются заимствованные слова, в которых гласный [ы] сохранил свое заднеязычное качество, но при словоизменении после [ы] основы следуют мягкорядные варианты аффиксов, например, лынд - лындээр - лындээн; акыни - акынее - акынимүүд - акынееэе. Также калмыцкие слова, выдержанные в нормах современной орфографии через [ы], при словоизменении принимают мягкорядные варианты аффиксов, например, атых "быть хмурым, недовольным; чувствовать озноб" - атыһэд - атыһэс; һудых "сникнуть, обмякнуть" - һудыһэд; һолых "выделяться рослостью, фигурировать" - һолыһэд.¹

Приведенные примеры убеждают нас в том, что в калмыцком языке нет гласной фонемы [ы], а есть твердые и мягкие оттенки гласного [и]. Не было [ы] также и в старописьменном калмыцком языке.

1. См. Д.А.Павлов. Исследования по калмыцкому языку и письменности. Доклад об опубликованных и выполненных работах по калмыцкому языку и письменности, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1971, стр. 40.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

В исследуемом говоре имеются также долгие гласные, которые от соответствующих кратких (нормальных) гласных качественно не отличаются. В количественном же отношении долгие гласные произносятся гораздо дольше кратких гласных и фонематически противопоставляются им. Например:

нилхе	"молодой, новорожденный"	ниидхе	"объединяться"
кэрхе	"переплестать"	кээрхе	"наряжаться"
телег	"молодая овца, ярка"	теелег	"кольцо"
керег	"пусть замерзнет"	кеерег	"кузнечный мех"

Как известно, монгольский письменный язык не знает долгих гласных. Долгие же гласные современных монгольских языков, в том числе тюркского говора, не являются изначальными. Они вторичны. Большинство из них соответствуют в монгольском письменном языке сочетаниям звуков (ааи, іаи, еяй, іяи и др.), которые в результате фонетических изменений, образовали долгие гласные.

Долгая фонема [аа] соответствует монгольским письменным сочетаниям: ааа, иаа, аја, іаа, іја, аји. Например,

ааа	<u>тюрк.</u>	<u>монг. письм.</u>	
	заан	ᠵаᠭᠠᠨ	"слон"
	баатыр	баᠭᠠᠲᠢᠷ	"богатырь"
	саатаа	саᠭᠠᠳᠲᠠᠢ	"беременная"
	хаа =	хаᠭᠠ =	"закрывать"
	аадмыг	аᠭᠠᠳᠠᠮᠠᠭ	"творожная масса"
иаа	хоосаар	хоᠭᠢсуᠭᠠᠷ	"попусту, порожняком"
	хорва-	хоᠭᠢᠰᠠ =	"уничтожить, убить"
	долаа	ᠵᠢᠯᠢᠭᠠ	"возжи, поводья"
	йораал	йᠭᠠᠷᠠᠯ	"дно"

	<u>ТОРГ.</u>	<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	
	таваад	tabigad	"по пяти"
	оваа	obuga	"кучка"
ija	хлал=	kijal=	"крушить"
	каа	kija	"ад" "стант"
	такаа	takija	"курица"
	тараалынг	tagijalan	"сад, рай"
	ташаа	tasiya	"крестец, круп"
	ураал=	urijal=	"кричать "ура"
a ja	саахми	sajaqan	"давеча, недавно"
	сааки	sajaki	"тот, давешний"
	ааһи	ajaga	"чашка"
ida	хошаад	qosigad	"по два"
	ацаан	ačigan	"груз, поклажа, бремя"
	шаахи=	sigaqi	"вбивать, втыкать"
	заа=	žigā=	"показывать"
aji	арзаа=	aržaji=	"торчать во все стороны"
	таалг	tajilag	"верблюд трех лет"
	маалг	majilag	"чума"
	дотаалы=	detajila=	"дорожить, любить"
	хормаалы=	qormajila=	"набрать что-либо в подод"

Долгая фонема [oo] соответствует в монгольском письменном сочетании ога, оги, аги, оји и встречается только в первых слогах, например,

	ооцй	ооцй	ооцй	"углы рта, щеки"
	хоосын	хоосын	ооцисин	"пустой"
	ноолдн =	ноолдн =	ооцисинг	"бороться"
	оосыр	оосыр	ооцисинг	"тесма, завязка"
	боо	боо	боо	"завязывать"
ога	тоомср	тоомср	тогамсар	"ум, расчетливость"
	тоодыг	тоодыг	тогадаг	"дрофа, дудак"
	тооцн =	тооцн =	тогаца =	"рассчитываться, сводить счет с кем-либо"
оји	оошаа =	оји	ојисја =	"поверить"
	хоорһуу	хоорһуу	ојирги	"несмелый, робкий"
	хоорһдн =	хоорһдн =	ојиргилва =	"быть несмелым, робким"
	оолй =	оолй =	ојилва =	"избегать, убегать"

Фонема [уу] — соответствует в монгольском письменном сочетаниям ади, иди, иди, иди и встречается во всех слогах слова.

	<u>тогг.</u>	<u>монг. письм.</u>	
	дуун	дагун	"голос, песня"
	уудн	адида	"удила"
	чолуун	сйлагун	"камень"
	омруун	отигадун	"грудь, мыс"
иди	одуул =	оидил =	"посылать"
	оруу	оиди	"прибыль"
	уу =	иди =	"пить"
иди	олуу-өлүү	овиди	"кривой"
	шуул =	сйдил =	"рвать"
	шуурһан	сйидган	"буран, метель"
	акуун	акидун	"сухой, грубый"

<i>uji</i>	уулѣаа	<i>ujilvaan</i>	"круги на воде"
	уулѣ=	<i>ujilva=</i>	"плакать"
	ууһыр	<i>ujigur</i>	"уйгур"

Фонема [œ] соответствует монгольским письменным сочетаниям *öge*, *ögei*, *öge*, и встречается только в первых слогах, например,

	<u>торг.</u>	<u>монг. письм.</u>	
<i>öge</i>	бәә	<i>vöge</i>	"знахарь"
	өөде	<i>ögede</i>	"вверх, вверху"
	бөөре	<i>vögege</i>	"почка"
	көөр	<i>kögeg</i>	"хвастливый"
<i>öge</i>	бөөрег	<i>vögege᠙</i>	"буерак"
	зөө-	<i>zöge-</i>	"перетаскивать, таскать".
	дөөг	<i>dögeg</i>	"насмешка"
	зөөре	<i>zögeᠷi</i>	"накопление, богатство".
<i>oji</i>	хөөрмөг	<i>᠑ojirmag</i>	"молочный продукт, айран"
	хөөткө	<i>᠑ojituki</i>	"последействие"
	нөөр	<i>nojir</i>	"сон"
	өөмсөн	<i>ojimasun</i>	"валяные носки"
<i>ögü</i>	мөөре=	<i>möögere=</i>	"мычать"
	нөөлүр	<i>nöögülür</i>	"шерсть-линька"
	цөө	<i>᠑ögü</i>	"чугун"
	мөөрүүл	<i>möögürüg</i>	"мычание"

Фонема [y] соответствует монгольским письменным сочетаниям *ögü*, *ögii*, *ögii*, *ögii*, *öji*, *öji* и встречается во всех слогах слова, например,

	<u>торг.</u>	<u>монг. письм.</u>	
<i>ögü</i>	үгүре=	<i>ögüge=</i>	"рассыпаться, крошиться".

	дүүре= күзүүн	<i>düür= küzüün</i>	"наполниться" "шея"
	түүкээ бүүрег	<i>tüükei büürge</i>	"сырой, незрелый" "лук седла"
<i>egü</i>	түлэн эртүү зүүн үүр	<i>egülen eretül züün üür</i>	"облако, туча" "здоровый, грезвый" "игла" "гнездо, ячейка"
<i>igü</i>	түрүүн шүүсен эргүү шүү=	<i>terigün sigüsün ergigü sigü=</i>	"начало, первый" "сок" "глупый" "выбирать, процживать"
<i>igü</i>	өрүүн нүүр бөртүү бөөгүүл=	<i>arigün nigür bortüül böögüül=</i>	"чистый" "лицо" "ручка, держалка" "заставить визжать"
<i>üji</i>	бүүлэ дүүвер гүүдгэ= үүрмег	<i>büjile düyvür güjdge= üjiremeg</i>	"десны" "спокойный, невозму- тимый" "продавать, торговать" "мелкий"
<i>uji</i>	хүүгэ= хүүкер-хүүхер үүһер-ууһыр	<i>ujige= ujikir ujgur</i>	"продувать, сквозить" "ворчливый, брызгливый" "уйгур"

Фонема [әә] соответствует монгольским письменным сочетаниям

ajl, ige, ege, ije, ja, eji, üge.

	<u>ТОРГ.</u>	<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	
aji	бәәдәл	baɣɪdal	"вид, внешность"
	дәәсен	dajisun	"враг, противник"
	бәәсен	baɣɪtasun	"кобыла трех лет"
	дәәвәл =	dajibal =	"качаться, колебаться"
ige	бичәәчү	biɕigeɕi	"писарь, секретарь"
	тәвчәәре	tevɕigeɕi	"уважение"
ege	бөгләә	böglege	"пробка"
	дәгәә	degege	"крик, кричок"
	эрәәсен	erɕegesün	"резьба, нарез"
	кәвәә	köbege	"кромка, край, кайма"
	көрәә	körege	"пила"
ije	эрәәлжәә =	erɕelɕile =	"мелькать, мельтешить"
	күрәә	kürɕen	"лагерь, стан"
	эрәәлә =	erɕele =	"черкать, рисовать"
	бүхәән	bülɕen	"тёплый"
ija	дәргәән	dargɕa	"шум, грохот"
	дәгәә =	dogɕa =	"баловать"
	тәрәән	tarɕa	"посев, огород"
eji	мәлмәә =	melmeɕi =	"быть переподненным"
	әндәә =	öndeɕi =	"приподниматься"
	әнгәә =	öngɕeɕi =	"ожидать гостинцы"
	биртәә =	birteɕi =	"гримасничать"
üge	бәкәә =	böküge =	"гасить, гушить"
	чәләән	čölüge	"досуг"
	мәргәәч	mörgügɕeɕi	"бодливый"

ТОРГ.

МОНГ. ПИСЬМ.

емереэн

emügerü

"на вг"

Фонема [я] соответствует монгольским письменным сочетаниям

ige, yi, ije, eji, öji, например,

ТОРГ.

МОНГ. ПИСЬМ.

ige	чирег	čirigag	"сильный, крепкий"
	жи-	žigl=	"вытянуть, протянуть (ноги)"
yi	бекчи-	bögčijl=	"согнуться, сгорбиться"
	жиини-	žimijl=	"сжать губы"
	онки-	onkijl=	"похудеть"
	наки-	nakijl=	"согнуть ноги в коленях"
ije	бегди-	bögdäjl=	"сгорбиться"
	бүри-	bürüjl=	"сместить (о глазах)"
	жили-	žiläjl=	"исчезнуть, пропасть"
	кии тен	kijitan	"холодный, холод"
	гиикен	gijikan	"легкий"
eji	гиикхе	gejikü	"проясниться"
	дил-	dejil=	"победить"
	тиирецг	tejeren	"брыканье (от оводов)"
öji	динере-	döjirere=	"быть ошеломленным"
	сиике	söjike	"серьги"

Фонема [э] соответствует монгольским письменным сочетаниям

ege, ebe, ide и встречается только в первых слогах слова, например,

ТОРГ.

МОНГ. ПИСЬМ.

ege	дэре	degere	"вверху, высший"
	дэжй	degeži	"начатки пищи"

торг.	<u>МОНГ. ПИСЬМ .</u>	
бээрэ	begeɣe	"коченеть, мерзнуть"
гээг	tegeɣ	"степь"
ээзгээ	ɣegeɣei	"брынза"
ige	ɣigesan	"урина, моча"

Кроме перечисленных могут также встречаться комплексы, содержащие интервокальные согласные [m], [n], [b], например, монг. письм. *kūmūn* > торг., лит. куун "человек"; монг. письм. *qoni(n)* > торг., лит. хөөн "овца": монг. письм. *kebeli* > торг., лит. > кээле "брюхо, живот, утроба (о животных)". Однако образование долгих гласных от данных комплексов по сравнению с вышеприведенными является менее продуктивным.

Касаясь образования долгих гласных из комплексов Г+С+Г монголисты считают, что они являются следствием стяжения гласных в результате исчезновения интервокального согласного.

Акад. Б.Я.Владимирцов пишет, что "в халхаском, как и в других современных монгольских наречиях, долгий гласный находится там, где в монгольском письменном *γ-ɣ* являются между двумя гласными. Эти *γ-ɣ* в том диалекте, на основе которого создавался монгольский письменный язык, были звонкими проточными..."

"В очень раннюю эпоху, — продолжает далее Владимирцов, — во всяком случае до возникновения монгольского государства при Чингис-хане, эти проточные *γ-ɣ* в большинстве случаев исчезли а два гласных, между которыми они находились, впоследствии слились в один долгий гласный звук".¹

Такого же мнения придерживается и Г.И.Рамстедт, который

1. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 193.

говорит, что "стяжение двух гласных звуков в один долгий, является одним из самых характерных признаков отличия древнего письма от более нового устного языка".¹

Г.Д.Санжеев также считает, что "в монгольских языках долгие гласные в подавляющем большинстве случаев являются результатом исчезновения интервокального проточного согласного".²

Таким образом, все названные исследователи ставят образование долгих гласных в зависимость только от одного условия: выпадения интервокального согласного. Такое объяснение на определенном этапе развития монголистики помогало уяснить характер взаимодействия между такими языковыми явлениями, как выпадение интервокального согласного и образование долгого гласного. Можно констатировать, что на определенном этапе развития монгольских языков, между указанными явлениями достаточно ясно прослеживается причинно-следственная связь: первое явление выступает в качестве причины, второе - в качестве следствия.

Однако возможности такого подхода оказались довольно ограниченными, ибо, как указывают сами авторы, с помощью его можно объяснить далеко не все случаи образования долгих гласных. Кроме того, он не объясняет, почему выпали сами интервокальные согласные. Между тем наша попытка исследовать этот вопрос наталкивает на мысль о том, что, возможно, само исчезновение интервокальных согласных явилось следствием уже начавшегося процесса образования долгих гласных.

¹ Г.И.Рамstedт. Сравнительная фонетика монгольского языка и халхаско-ургинского говора. Спб., 1908, стр. 24.

² Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, т. I, стр. 77.

При этом возможно, что образование долгих гласных могло начаться еще до выпадения этого согласного. Если Б.Я.Владимирцов выпадение интервокальных согласных относит к дочингисхановскому периоду, то начало образования долгих гласных, по-видимому, надо отнести к еще более раннему периоду.

Одной из основных причин образования долгих гласных в исследуемом говоре, видимо, следует считать нахождение согласного в слабой, интервокальной позиции. Редукция интервокального согласного и последующее образование долгого гласного — это не простое механическое выпадение указанного согласного и не простое слияние двух гласных, а сложный и длительный фонетический процесс с наложением различных побочных явлений, так, например, как закон сингармонизма, употребительность или неупотребительность различных звуков в той или иной позиции и т.п.

Одновременно выпадение интервокальных согласных и стяжение оставшихся в один объясняется, с одной стороны, в какой-то степени стремлением языка к сокращению звуковой оболочки слова, к экономии энергии на произнесение слова, слога, звука. С другой стороны, выпадение интервокального согласного является следствием его ослабления, которое в исследуемом говоре, да и вообще в монгольских языках, приняло характер всеобщего закона и послужило причиной образования системы долгих гласных. Монголисты (Б.Я.Владимирцов, Г.Д.Санжеев и др.) всегда отмечают звонкость и проточность интервокальных согласных, которые, как мы убеждены, обусловлены именно интервокальной позицией. Такое же мнение высказывает и Г.А.Барина. Рассматривая редукцию интервокальных согласных в разговорной речи русского языка, она приходит к мысли, что ослаблению и выпадению в

этой позиции подвержены, главным образом, слабые согласные (звонкие, сонорные), смычка которых артикулируется с меньшим напряжением мышц активного органа, чем при произнесении более сильных глухих согласных. Звонким и сонорным легче утратить смычку, а следовательно, и взрыв. А смычка и взрыв составляет весь взрывной согласный.

Фрикативные же согласные выпадают потому, что не имеют полной смычки. При ускоренном и небрежном произношении некоторое расширение щели при артикуляции звонких фрикативных приближает их звучание к звучанию гласных, а несколько большее расширение может привести к полной утрате характерного для фрикативных звучания и к слиянию этих согласных с соседними гласными.

С наибольшей легкостью исчезают звуки, соединяющие в себе качества как сонорных, так и фрикативных. "Если рассматривать выпадение интервокальных согласных с информационной точки зрения, — пишет далее Г.А.Баранова, — то заметим, что выпадают, в основном, согласные, близкие к гласным... Это объясняется следующим. Выпадение одного элемента из цепи элементов, мало контрастирующих друг с другом, приводит к меньшей потере информации, чем выпадение из цепи элемента, сильно контрастирующего с окружающими. Именно поэтому, в интервокальном положении легче исчезают согласные, более близкие к гласным по звучанию и артикуляции."¹

1. Г.А.Баранова. Редуциция и выпадение интервокальных согласных в разговорной речи. — Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971, стр. 120.

Исследования А.Г.Бариновой проливает также свет и на причины редукции и выпадения интервокального согласного и последующее образование долгих гласных в монгольских языках и диалектах.

В связи с этим также хотелось обратить внимание на книгу "Речь, артикуляция и восприятие", где говорится, что в слогах "типа СГ все движения гласного, не противоречащие артикуляции согласного, начинаются с самого начала слога".¹ Отсюда следует, что все артикуляционные движения второго гласного комплекса Г+С+Г, не мешающие артикуляции интервокального согласного, начинаются /начинались/ с самого начала артикуляции указанного согласного. Таким образом, проточный интервокальный согласный проявляется в вокализованных оттенках или даже, более того, будучи щелевым, он несколько не препятствовал одновременной артикуляции следующего гласного, который, кроме этого, произносился еще в свое время, получая, таким образом, долготу звучания.

Из сказанного вытекает, что процесс образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г начинался с редукции интервокального согласного и удлинения второго гласного комплекса. Подтверждение сказанному мы находим из литературных данных о монгольском письменном языке. Так, например, еще А.Бобровников утверждал, что "при чтении книг Монголы произносят эти слоги (Г+С+Г - Н.У.) так, как они пишутся, с той только особенностью, что второй слог произносят долго, как показано русскими буквами"², именно: агᠦ, угᠦ, огᠦ.

1. Речь, артикуляция и восприятие. Под редакцией В.А. Кожевникова и Л.А. Чистович. М.-Л., 1965, стр. 125.

2. А.Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 17.

Г.И.Рамстедт также указывает на "традиционный способ чтения монголов (книжный жаргон); напр: "дагаку" читается дагаку - хург, дāхā "быть в состоянии нести"; начальствовать", "унага читается унага - хург.унā "верховая лошадь".¹

В исторической хронике монголов 1240 г. "Сокровенном сказании" также можно найти примеры, свидетельствующие о начале образования долгих гласных в том языке, на котором написан этот памятник, ср. *derüi* "младший".²

О современном чтении "старописьменных - га-, -ге-, -ја-, -је-, как -гā-, -гē-, -jā-, -jē-, говорит также Г.Жамьян, -- хаган "царь", дегере "наверху", јабугад "уйдя".³

Представляется весьма интересной попытка объяснения удлинения вторых гласных, предпринятая акад. Б.Я.Владимирцовым. Он объясняет его как следствие второстепенного ударения, падавшего на второй гласный в комплексах $v+y+g+v$ и $v+w+v$, напр., монг.-письм. *ūtayān>huta`ān* (кит.транскрип.) > *ūtān* (араб.) - *ūtān* (ойрат.-письм.) > *улān* (Байт.) > *ула*, (халх.) "красный".⁴

Однако такая трактовка, как нам кажется, не совсем правомерна. Некоторые монголисты не без оснований утверждают, что в монгольском языке во всех его наречиях ударение на количество гласного не влияет.⁵

1. См. Г.И.Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаского-ургинского говора. СПб, 1908, стр. 24.

2. С.А.Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240г., М.-Л., 1941, стр. 353.

3. Г.Жамьян. Обозначение долгих гласных в ойратском "ясном письме". "Народы Азии и Африки", 1970, № 5, стр. 151.

4. См. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 216.

5. См. Н.Н.Поппе. Аларский говор, ч.1, Л., 1930, стр.69.

На это же указывает и японский алтаист Сиро Хаттори, подчеркивая, что в научной литературе "о наличии фонологически значимого противопоставления ударения в монгольских языках до сих пор не сообщалось. С другой стороны, все диалекты и языки знают фонологическое противопоставление кратких и долгих гласных".¹

В свою очередь Хаттори предполагает, что "причиной такого двойственного развития сочетаний этих звуков (образование долгого гласного из сочетания Г+С+Г в одних случаях" и отсутствие такого образования в других - Н.У.) является фонематическое различие долготы гласных, которые следовали непосредственно за (-*g -), и то, что долгие гласные во вторых и последующих слогах произносились сильнее и отчетливее, чем краткие гласные в той же самой позиции, и они вызвали ослабление (-*g -), который стоит прямо перед ними:

(vgv) > [*vgv] > (vgv)

(vgvv) > [V.v:] > (vv)

напр. (*abaqa) (abaqa) "дядя"

(baqaatur) baatar (a) "герой"²

Хаттори прав, когда утверждает, что долгота образовалась там, где за согласным в сочетаниях Г+С+Г наблюдается удлинение гласного. Только Хаттори это удлинение принимает за первичную, изначальную долгую гласную в прото-монгольском языке, на наш взгляд, само удлинение вторых гласных в сочетании Г+С+Г есть не что иное, как отражение начавшегося образования долгих гласных в монгольских языках. При этом образование

¹ Shiro Hattori: *The Length of Vowels in*

proto-Mongol. Олон улсын монгол, хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал 2-р дэвтэр, *Ulanbator*, 1961, s. 457-458.

Долгих гласных первоначально наметилось при наличии интервокального согласного и происходило в результате уже начавшейся редукции согласного, входящего в сочетание Г+С+Г.

Интервокальный проточный согласный абсорбировался (поглощался) и в дальнейшем он вовсе утрачивал все артикуляционные особенности и бесследно исчезал; далее образование долгих гласных шло так, как это известно из традиционной монголистики.

В связи с разбираемым здесь вопросом заслуживает внимания высказывание проф. Г.Д.Санжеева о том, что в монгольских языках долгие гласные в подавляющем большинстве случаев являются результатом исчезновения интервокального проточного согласного, чаще г, ɣ, j и реже w, а также следствием "удлинения" нормального гласного (преимущественно в положении после г, ɣ, особенно в составе разного рода суффиксов и окончаний): халхаск. ула̄н, ойратск. ула̄н ← улаан ← улаһан ← улаган "красный", ср. классич. улаган; халхаск. ба̄ёгэд ← бајигэд "бывший", ср. классич. бајигэд, ойратск. ба̄гэд; халхаск. цага̄н ← цаган "белый".¹

Как видно из этого, Г.Д.Санжеев также признает "удлинение" вторых гласных, только он считает это "удлинение" одним из способов образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г.

Однако в своей более поздней работе "Старописьменный монгольский язык" Г.Д.Санжеев констатирует: "Иногда указывается, что в этом языке долгие гласные \bar{o} , \bar{u} и \bar{y} обозначаются удвоенным написанием одних и тех же гласных букв: уул (<угол*уул) "данный, коренной", чоухур (<*чохур) "пестрый",

¹ Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгол. языков. т. I, М., 1953, стр. 77.

буу (кит. пиао "пушка") "гужье", дэгүү "младший", білегүү "точильный камень" и т.п. (соответственно халхаск. үл. цохор, буу, и білүү). Однако на самом деле в подобных словах вторые гласные буквы либо некогда передавали билабиальный *w*, либо писались для того, чтобы последний слог - гүү читался именно таким образом, а не в виде - кү, т.е. чтобы вместо дегүү или білегүү соответственно не получились декүү и білекүү (но білегүүде "точить"). В данном случае тем более не следует принимать во внимание орфографически невидержанные написания типа дауу вместо дауу "песнь", появляющиеся по аналогии с написаниями типа дегүү "младший".¹

Однако едва ли можно согласиться с тем, что удвоение гласных после [г] (дегүү) есть орфографический прием, применяющийся в старописьменном монгольском языке, для отличия этого [г] от [к]. Скорее всего здесь не орфографический прием, а проникновение элементов разговорной речи в письменный язык через все препоны орфографии. Удлинение гласного после [г], а не после [к] еще раз подтверждает, что оно происходит не после всякого согласного.

Удлинение гласных после [г] объясняется тем, что этот согласный, как сонант, (очень близкий к гласным звук) не противоречит одновременной артикуляции как [г], так и следующего гласного, который, вдобавок к тому, что он произносился с [г], еще продолжает произноситься в свое время. Глухой же смычный [к] этого не позволяет, он не может вокализоваться под влиянием следующего гласного, ибо основные его признаки - глухость, смычность (взрывность) и преобладание шума.

1. Г.Д.Санжеев. Старописьменный монгольский язык.
М., 1964, стр. 24.

Что касается нарушения норм орфографии в старописьменном монгольском языке в словах типа дауу вместо дау, то следует сказать, что именно "орфографически невыдержанные написания" проливают свет на состояние разговорного языка того времени, в данном случае - на состояние развития долгих гласных.

В дальнейшем, с развитием языка, вокализация интервокального согласного, надо сказать, прогрессировала и соответственно стали слабеть, а затем вовсе перестали сближаться артикулирующие аппараты щелевого звонкого согласного. От этого интервокального согласного ничего не осталось, сохранилась только небольшая пауза между первым и вторым гласными бывшего сочетания Г + С + Г, которую монголисты называют "хиатусом", "зиянием" на месте выпавшего, по их мнению, согласного. Этот хиатус, по вашему мнению, есть не что иное как пауза, которая была необходима для выведения из состояния покоя артикулирующие органы, чтобы те, после первого гласного сочетания, успели образовать щель интервокального согласного. Однако со временем и этот хиатус исчез, дав возможность двум гласным слиться воедино и образовать долгий гласный.

Что касается качественной стороны вновь образовавшейся долгой гласной, то она в основном зависит от качества кратких гласных, входивших в комплекс Г + С + Г.

Так, старокалмыцкая письменность представляет наглядные примеры качественных взаимовлияний звуков, стягивающихся в один долгий звук. Таковыми являются старокалмыцкие письменные двоегласные *eu*, *ou*, которые мы находим вместо ожидаемых *eu*, *ou* из бывших сочетаний /Г + С + Г/ *euγ*, *ouγ*. Например: монг. письм. *degü* "младший" > старокалм. *deu*, *ym. deu*;

монг. письм. *egülen* "облако" > старокалм. өүлен, вл. еүлен;
монг. письм. *zegül* "игла" > старокалм. зәүн, вл. зеүн;
монг. письм. *čilägin* "камень" > старокалм. чилоун, вл. чилаун;
монг. письм. *dagun* "песня; пение" > старокалм. доун, вл. даун
и т.п. Если комплекс одним из компонентов содержит губные гласные [o], [y], [ə], [ɤ] (оги, ода, оји и т.д.), то эти гласные почти всегда сохраняют свое качество огубленности и в долгом гласном и встречаются в исследуемом говоре только в первых слогах, если образовавшиеся долгие гласные [oo] или [өө].

Гласные [o], [ə], которые чаще всего выступают в комплексе с первыми компонентами, всегда влияют на образовавшийся долгий гласный как по огубленности, так и по широте, если комплекс содержит гласный [o] или [ə], то долгий гласный будет [oo] или [өө], напр., монг. письм. *ođııl* > торг. оочı "угли рта, щеки, защечные мешки (зверей)"; монг. письм. *ögede* > торг. ееде "вверху, вверх". Гласный [o] комплекса в зависимости от комбинаторных условий, а именно: если интервокальным согласным является [j], а вторым гласным - [i], может образовать долгий переднеязычный гласный [өө].

Долгие гласные [oo], [өө] встречаются в исследуемом говоре только в первых слогах.

В первых слогах гласный [y] комплекса также в основном сохраняет свои качественные характеристики во вновь образовавшемся долгом гласном, ср. монг. письм. *adıla* > торг. уулы "гора"; монг. письм. *sigur* > калм. шуур "рваться". Не исключена возможность, что в сочетании с гласным [a] эта фонема может образовать долгий [oo], ср. монг. письм. *dagun* > торг. дуун "песня" ~ доңг = "петь, кричать, мычать". В непервых

словах фонема [у] в сочетании с [а] уже не оказывает на него лабиализующего влияния, ср. монг. письм. *дoлidaн* > торг. долаан "семь"; монг. письм. *иmидaг* > торг. йораал "дно"; хотя в старокалымской письменности эти гласные образовали долгий гласный [oo], который являлся результатом качественного взаимовлияния [у] и [а], так, приведенные слова писались тогда долоон, йороол. Эти старокалымские формы скорее являли собой качественно неустановившиеся еще долгие гласные, которые окончательно оформились лишь в современном состоянии исследуемого говора, как долгие [aa]. Эти долгие [oo] в старокалымской письменности, видимо, нельзя объяснять губной гармонией, ибо слово йороол первоначально содержал в первом слоге не [о], а [i], который в результате перелома, под влиянием промежуточного в процессе образования долгого гласного [oo] изменился в [о].

Гласный [у] сочетания Г+С+Г передавал свои основные качественные признаки долгому гласному также и в том случае, если первым гласным выступал [i] (*иди*), ср. монг. письм. *акидин* > торг. акуун "сухой, грубый, кругой (о еде)", а также в сочетании *ији*, где имеются [j] и [i], ср. монг. письм. *ижилзан* > торг. уульһа "круги, завихрения на воде". Однако в последнем случае под влиянием переднеязычного [l] слова могут произноситься в мягкорядном варианте, а иногда же и в том, и в другом, ср. монг. письм. *ижилур* > торг. ууһур ~ ууһер "уйгур". Оба эти варианта являются внутривидовыми, варианты же уутхен ~ уутхын "узкий, тесный" < монг. письм. *ижитаган* носят межговорный характер, мягкорядный относится к торгутскому говору, а твердорядный вариант - к дербетскому.

Гласный [а] в сочетаниях (аа, аја, җа, аји, җа) в большинстве случаев сохранил свои основные признаки, только сочетание җа в непервых слогах в старокалмыцкой (да и в совр. монг.) письменности образовало долгий [оо], который мы также склонны рассматривать как промежуточное явление качественно еще неустановившегося долгого гласного, который в современном торгутском говоре окончательно установился как долгий [аа], ср. монг. письм. *živida* > старокалм. джолоо, совр. монг. жолоо, торг., лит. жолаа "поводья, вожжи".

Процесс образования долгого гласного из җа был долгим и сложным, отражением чего и является старокалмыцкая письменная форма джолоо, в дальнейшем взаимовлиянии звуков одержал верх гласный [а], о чем свидетельствует современная торгутская (и вообще калмыцкая) форма жолаа "вожжи, поводья". Однако не исключена возможность, что в других монгольских языках может быть [оо].

Из сочетаний аји, җа образуются долгие гласные двух сингармонических рядов - долгий [аа] и долгий [ээ], ср. монг. письм. *tajilag* > торг. лит. таал'г "верблюд трех лет"; монг. письм. *kijaal* > торг., лит. каал = "крушить"; монг. письм. *dajisun* > торг., лит. дээсен "враг, противник, завоеватель"; монг. письм. *tagija* > торг., лит. тэрээн "посев". Сказать, какой из этих двух вариантов является более продуктивным, представляет определенную трудность, так как в исследуемом говоре встречается много слов как твердого, так и мягкого ряда с долгими гласными, образованными из этих сочетаний.

Долгий гласный [үү] образуется в основном из сочетаний *йрй, ерй, ирй, ири, ији, ији*. В сочетаниях *йрй, ирй, ији*

фонема [ü] сохраняет свои основные качественные признаки и в долгом гласном, ср. монг. письм. *ᠬᠣᠷᠭᠡ* > торг. лит. үүр "товарищ, друг"; монг. письм. *ᠴᠢᠷᠢᠮᠡᠭ* торг., лит. үүрмэг "мелкий": монг. письм. *sigü* = > торг., лит. шүү = "выбирать, педить".

Сочетания *igu, uji* хотя и содержат в себе одним из компонентов гласный [u] ([y]), однако под палатализирующим влиянием [i] образуют долгий гласный [yy] и поэтому попали в число комплексов, из которых впоследствии развился [yy].

Сочетание *eu* в образовании долгого [yy] в исследуемом говоре ничем не примечательно, однако не будет лишним упомянуть о том, что в старокалмыцкой письменности после исчезновения интервокального согласного, вместо ожидаемых *eu* фиксировались *öü*, что свидетельствует о качественном взаимовлиянии этих гласных в процессе образования долгого [yy] как в данном говоре, так и в калмыцком языке вообще.

Долгая фонема [æ] соответствует старокалмыцкой долгой [ǣ], которая по своему происхождению восходит к сочетаниям *iöe, eji, eöe, ije, üöe*, последние встречались в непервых слогах слова. Ср. монг. письм. *emeöel* > старокалм. эмёл > торг., лит. эмәл "седло"; монг. письм. *emije* = > старокалм. эмә* > торг., лит. эмәе = "стесняться"; монг. письм. *eᠭbeji* = > старокалм. эрб̄ = > торг., лит. эрвәе = "поправляться" и т.д.

С развитием языка сфера употребления гласных [э], [э̄] ([e], [ē]) ограничилась только первым слогом слова, все же долгие [э̄] непервых слогов заменились в [э̄]. Так, указанные примеры в исследуемом говоре (да и калм. языке вообще) произносятся как: эмәл, эмәке, эрвәке.

Кроме этого, данный говор знает долгий [э̄], происшедший из

сочетаний *aji*, *ija*, ср. монг. письм. *baγijaγ* > торг., лит. бэрээн "арест": монг. письм. *γivtaji* > торг., лит. хилмээ = "быть гладким, блестящим".

Интересно отметить, что долгий [ээ] в непервых слогах образуется так же из комплекса *йде*, что в других монгольских языках дает долгие [өө], [ээ], которые в исследуемом говоре изменились в [өө], ср. монг. письм. *öγōide* > монг. ергөө, бур. үргөө, торг., лит. ергэе "дворец, палата": монг. письм. *öγōdesiin* > монг. ерөөсөн, бур. үрөөн(н), торг., лит. ерөөсен "один, непарный", монг. письм. *üdügeγi* > монг. үдээр, бур. үдөөри, торг. калм. үдөөре "ременное крепление решетки врат"; монг. письм. *ükügeγi* > монг. үхээр, бур. үхээр, торг., лит. үхөөре "групп, могила, кладбище".

Долгий [ии] образуется из сочетаний *iγi*, *iji*, *iji*, *iji*, *iji*, где краткий [i], сочетаясь со всеми гласными мягкого ряда, составляет второй компонент комплекса Г+С+Г и сохраняет качественные признаки краткого [i]. Следует отметить, что комплексы *iγi*, *iji*, *iji* дают долгий [ии] во всех позициях слова. Комплексы же *iji*, *iji* - только в первом слоге слова.

Долгий [ээ] встречается только в первых слогах и образуется из комплексов *еде*, *ебе*, *иде*, из которых два последних являются очень непродуктивными.

Из всего сказанного об образовании долгих гласных с исчезновением интервокальных согласных явствует, что основную роль в образовании долгих гласных в комплексах играют вторые гласные. Из качественных признаков гласных, входящих в комплекс, передается долгому гласному, в первую очередь, огублен-

ность одного из них, тем более, если этим огубленным являются [o],[ə], затем [y],[ʏ]. По степени удаления, вернее, в зависимости от удаленности данного комплекса от начала слова, влияние огубленности уменьшается. Так, долгие [oo],[əə] в исследуемом говоре, как и во всем калмыцком языке, встречаются только в первых слогах. Долгие [yy],[ʏʏ] хотя и встречаются в непервых слогах, но частота употребления их по сравнению с первым слогом несколько падает, эти гласные соответственно часто переходят в [aa],[əə],[ii].

Из двух огубленных гласных доминирующее влияние оказывает тот гласный, который является более открытым, а такими среди губных являются [o],[ə], однако речь идет о первоначальных [o],[ə], а не о промежуточных сочетаниях огубленных, появившихся в процессе образования долгих гласных типа: eɣʏven > eʏʏʏʏʏʏ > yʏʏʏʏʏʏ "облако".

Степень открытости играет важную роль также при сочетании неогубленных гласных. Однако могут быть исключения из этого положения, когда качество образовавшегося из сочетания долгого гласного, соответствует качеству менее открытого гласного. Такие исключения чаще всего бывают, если менее открытый гласный является ведущим, т.е. вторым.

Здесь в основном говорилось об образовании долгих гласных в первых слогах и только изредка о долгих в непервых слогах. Дело в том, что принцип образования их, конечно, один и тот же, только следует отметить, что в непервых слогах действуют различные фонетические явления: употребительность - неупотребительность гласных в непервых слогах, закон губного притяжения, закон сингармонизма, характер проявления которого

в разных монгольских языках и диалектах мог вызвать к жизни разные долгие гласные, увеличив тем самым диалектные их различия.

Кроме такого способа образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г, т.е. образования указанных гласных в результате редуциции и исчезновения интервокального согласного, в исследуемом говоре наблюдаются случаи образования долгих гласных в результате метатезы интервокального согласного с одним из гласных (чаще с первым) комплекса. Вследствие метатезы оказывались рядом два гласных, которые затем сливались в один долгий гласный. Интервокальный согласный, уйдя со слабой для него (интервокальной) позиции, сохранял основные свои качества. Образование долгих гласных в данном случае происходило при сохранившемся интервокальном согласном. Одним из наглядных примеров образования долгих гласных подобным образом является торг. гуа ~ гаа, дерб. гоа ~ гоо "нет", которое встречается наряду с формой уга (<угей>). История развития этого слова может быть представлена в следующем виде: торг. (<угей>) уга > гуа > г^аа > г^уа > г^уа: > гаа "нет"; дерб. (<угей>) уга > гуа > г^аа > го^а > гоо "нет". Ср. монг. х. те джургуне мудем гу^а, мошегуне де мудем гу^а "он не умеет ни писать, ни читать".¹

Однако, кроме этого слова, различные формы которого одновременно наблюдаются в современных говорах: торг. уга ~ гуа ~ гаа (- гаа), дерб. уга-гоа-гоо (-гоо), можно привести и другие примеры, в которых процесс образования долгих гласных к настоящему времени уже завершился, ср. монг. письм. *ibegel* "взаимосоотношение годов рождения жениха и невесты" > торг. ивгээл; монг. письм. *ibegε* = "посылать" > торг. илгээ; монг.

писм. *амидулар* "мир, спокойствие, счастье" > торг. амуулынг
амуулынг; русск. цыган > торг. циген ~ чиген ~ шиген ~ цийын;
русск. угореть > торг. гооридлехе; русск. очередь > торг.
чваруд, ср. дерб. луурдыг < русск. огурцы. Подобные примеры
также можно найти и в других монгольских языках и диалектах,
ср. монг. писм. *qəsiɣad* "по два, по двое" > халх. хонгоод ~
хошоод "по два", монг. писм. *niɣɣed* > халх. нижгээд ~
нижээд "по одному" и т.д.

Мысль об образовании долгих гласных в результате мета-
тезы впервые высказана проф. Г.Д.Санжеевым в его "Грамматике
калмыцкого языка", где он пишет, что "слово *soni* — ночь в ре-
зультате перехода гласного второго слога в первый слог приобрело вид *sōin*, слово **xonɪ* — овца в том же порядке приобрело вид **xōin*. А так как в калмыцком языке дифтонг *oi* первого слога во всех случаях превратился в долгий *ō*, то и *sōin* и *xōin* превратились в *sō̄* и *xō̄n*, история которых может быть представлена в следующем виде:

**soni* > *soin* > *sō̄*

**xonɪ* > *xōin* > *xō̄n*¹

Это явление находит известное подтверждение и в более поздних исследованиях лингвистов. Так, японский ученый Хаттори тоже признает роль метатезы в образовании долгих гласных, но и он, к сожалению, не придал этому должного значения, упомянув об этом лишь мимоходом.²

Следует отметить также еще один способ образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г. Этот способ довольно близок

Г.Д.Санжеев. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940, стр. 12-13.

2. См. Shiro Hattori. Указ. соч. стр. 46Г.

к только что описанному способу и называется количественной метатезой. В лингвистической литературе долгота гласных, образовавшаяся в результате количественной метатезы, чаще всего называется то "заместительной", то "компенсирующей". Мы же, исходя из особенностей гласных исследуемого говора (да и вообще монгольских языков): 1) быть "беглыми" (это относится к неясным гласным, 2) быть сверхдолгими или полудолгими (о долгих гласных) полагаем, что название "количественная метатеза" более соответствует действительности.

Образование долгих гласных способом количественной метатезы — есть удлиннение гласного (чаще первого слога), вследствие перехода количества произносительной энергии из одного слога в другой (чаще из непервого слога в первый), в результате начавшейся редукции гласных, последствием которого и является позиционная неустойчивость редуцированных гласных и способность их переходить из одного слога в другой. Ср. монг. письм. *bārga* "блоха" > торг., лит. *бургаг*; монг. письм. *gozi* = "течь" > торг., лит. *хоожи*; монг. письм. *ёё* "окончание исходного падежа" > старокалм. *ээце*, торг., лит. *-аас* (— *ээс*)
монг. письм. *mana* "ми" > дерб. *мааньр*
монг. письм. *taṅaṅ* "ве" > дерб. *тааньр*
монг. письм. *taṅaṅai* "редкий, жидкий (о волосах)" > торг. *тааржаа*
монг. письм. *maṅa* "марал" > торг., лит. *маарыл* ~ *марыл*
монг. письм. *šaṅṅabad* "нравственность; обет духовных лиц" > торг., лит. *шакшааньд*
турк. *qoṣiq* "лодка" > торг., лит. *хоошш*;
монг. письм. *ṣuṅa* "лац" > торг., лит. *цуувы*;
монг. письм. *sūve* ~ *subi* "совет" > торг., лит. *сүүве*;
монг. письм. *aṅṅaṅ* "промежность" > торг., лит. *аангг*;

монг. письм. тэле "вот, авот, вот столько" > торг., лит. миин "вот (столько, только) только что".

Мысль об образовании долгих гласных в результате перехода количества или количественной метатезы была впервые высказана Г.И.Рамstedтом. Он писал: "У" письменного языка (как основное, так и возникшее из "iγ", "iγ") в середине слова сократилось в *i* или *i̇*, а следующий за ним гласный удлинился".¹ Переход количества Г.И.Рамstedт с полным основанием считает распространенным и, "по-видимому, давним".

К сожалению, эту плодотворную мысль и Рамstedт, и некоторые другие исследователи высказали вскользь, не придавая ей должного значения.

Однако в тюркологии подобные явления чаще привлекали внимание учёных, но рассматривались под несколько иным углом зрения. Так, А.М.Щербак пишет, что односложным словам с долгими гласными тюркских языков соответствуют двусложные слова с общими гласными в монгольских языках, ср. тюрк. көк "небо", монг. письм. хёке < *кёкё; тюрк. аь "охота", монг. письм. аба.² Долготу этих гласных в тюркских языках К.Г.Менгес объяснял не как исконную, а как следствие количественной компенсации (подчеркнуто нами - Н.У.) конечного гласного.³ Марти Ряснен скорее склонен считать, что тюркские языки отражают здесь исконное положение и что, например, монгольские языки утратили

1. Г.И.Рамstedт. Введение в алтайское языковедение. М., 1957, с.30
2. А.М.Щербак. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках. - В Я, 1967, № 6, стр. 35-36.
3. К.Г. Menges. Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Turkmenischen. AO. N. 1. Praha, 1939, s. 19.

долготу. I

Однако ни в древнетюркских, ни в древнемонгольских языках в словах подобного типа, по всей вероятности, не было исходных долгих гласных. Долготу этих гласных можно объяснить только количественной метатезой, переходом количества гласного из одного слога в другой. Количественная метатеза, по нашему мнению, есть результат начавшегося одновременно в языках двух противоположных (а возможно и двуединого) процессов: процесса образования долгого гласного и процесса редуциции гласных. В том и в другом случае гласные теряют позиционную устойчивость и бывают готовы перейти в любой другой слог. В подтверждение высказанной мысли можно привести беглый характер редуцированных гласных, которые могут перейти из одного слога в другой, и неустойчивость длительности долгих гласных, которые могут выступать в полудолгих или, наоборот, в сверхдолгих оттенках. Если из двух долгих гласных в слове один произносится сверхдолго, то другой выступает в полудолгих оттенках, но если же в зависимости от говорных особенностей полудолгий произносится сверхдолго, то соседний, звучащий в другом говоре сверхдолгий, будет произноситься полудолго. Ср. торг. харада: "мачточка", дерб. хара: да. торг. хельмет ~ халмет "калык", но халемтин "калык".

Поэтому вряд ли случайно тюркологи связывают образование долгих гласных с редуцицией гласных и называют долготу то "заместительной", то "компенсирующей" и т.п. Однако термины "заместительный" или "компенсирующий" и т.п., по нашему мнению, не совсем точно отражают суть процесса и предполагают

механическое удлинение гласных, при котором не учитываются ни позиционная неустойчивость неясных гласных, ни нестабильная длительность долгих гласных и т.п.

Таким образом, в примерах, приведенных туркологами, конечные гласные, минуя согласные, стянулись с сильными, позиционно устойчивыми гласными первого слога и образовали с ними долгие гласные, которые мы видим в турецких примерах (к^ок, а^об). Там, где этого стяжения нет, нет и долгого, но сохранены редуцированные гласные (монг. коке, аба). Надо отметить, что в данных турецких примерах произошло полное стяжение. При неполном стяжении наряду с образовавшейся долготой может быть сохранен остаточный редуцированный гласный, например, монг. писем. Вигре "блота", калм. бүүрег. При этом редуцированный гласный с абсолютного конца перешел в середину слова.

Таким образом, так называемая "заместительная" или "компенсирующая" долгота есть не что иное, как долгота, образовавшаяся от стяжения двух дистантных гласных: гласного полного образования плюс ослабленный гласный, с сохранением бывшего интервокального согласного. В подобных случаях редуцированный гласный не просто выпал, а перешел в другой слог и образовал долготу. В словах, где есть что-то наподобие турецкой "заместительной" долготы, выпадение редуцированного гласного нет, а есть долгий гласный, образовавшийся от стяжения гласного полного образования плюс гласный с ослабленной позицией.

Таким образом, можно предположить, что закономерность возникновения долгих гласных под влиянием количественной

метатезы в целом ряде случаев свойственна не только монгольским, но и тюркским языкам.

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что процесс образования долгих гласных, возникнув под влиянием отмеченных нами явлений, вызвал в одних случаях выпадение интервокального согласного, а в других - перемену позиции этого согласного с одним из соседних гласных, между которыми он находился. При этом выпадение и метатеза интервокальных согласных оказывали прямое влияние на дальнейший процесс развития долгих гласных. Следовательно, образование долгих гласных в результате выпадения интервокальных согласных не есть единственный и обязательный путь, возможности его образования, как мы попытались показать выше, гораздо шире.

Сверхдлигие гласные

Степень длительности гласных в исследуемом говоре бывает различной и зависит от позиции их в слове. Долгота гласных зависит от количества слогов в слове, от стиля речи, от ее темпа, от открытости и закрытости слога, от качества согласных (смычность, щелинность), с которыми могут сочетаться долгие гласные.

Количественная характеристика гласных звуков исследуемого говора, как и качество звуков, носит фонематическое значение и позволяет различать гласные с большей длительностью от соответствующих им качественно гласных с меньшей длительностью

Однако это положение не относится к полудолгим и сверхдолгим вариантам долгих гласных, между которыми в калмыцком языке отсутствует противопоставление по длительности, хотя здесь имеет место разная степень длительности, которая зависит от фонетических условий. Притом слова, различающиеся разной степенью длительности полудолгих и сверхдолгих гласных, как правило, не ограничиваются указанными особенностями.

Различная степень длительности долгих гласных торгутского говора, да и в литературном языке, носит оттенокный характер; независимо от того, полудолгий ли это гласный или сверхдолгий носителями говора воспринимаются как долгий.

Следует отметить, что длительность гласных довольно относительна, ибо очень трудно провести четкую границу между различными степенями длительности, между полудолгими, нормально долгими, сверхдолгими гласными. Если б нам каким-то образом удалось установить такую границу, то она была бы

непостоянной, ибо долгота одних и тех же долгих гласных с изменением слова меняется. Так, в односложных словах, независимо от открытости и закрытости, долгие гласные создают эффект полудолгих гласных, иногда даже очень приближаются к кратким (нормальным) гласным. Например, слова мæ "сельдь", зæо "спина, хребет", хæон "озца", күүн "человек" при более дифференцированной передаче будут иметь следующий вид мæ°, зæ°, күү°н, или даже, если следовать норме современной орфографии, мæ, зæ, хон, күүн.

В двусложных словах с кратким (нормальным) гласным в первом слоге долгие гласные воспринимаются почти как краткие нормальные гласные. Так, слова: такаа "курица", нохаа "собака", амһаа "взнузданность", хараан "зрение, видимость", тæвæн "посев, хлеба", модаар "деревом", усаар "вожой", при более точной передаче эти слова будут иметь вид: така°, амһа°, хара°н, тæв°н, мода°р, уса°р.

В этих и приведенных выше словах длительность гласных носит межговорный характер. Так, в дербетском говоре указанные гласные произносятся как краткие (нормальные), в то время как в торгутском больше сохраняется историческая долгота и указанные гласные чаще носят нормально долгий характер и реже полудолгий.

В многосложных словах, имеющих два и более долгих гласных в непервых слогах, один из этих долгих гласных произносится дольше, остальные же долгие гласные сокращаются и принимают оттенок полудолгих. Какой из нескольких долгих гласных примет сверхдолготу зависит от индивида, его диалектной принадлежности. Так, слова: хараадаа "ласточка", санааттаа

"желаний что-либо", такатаа "кнеший курицу" и т.д. будут произноситься как хара: "да" ~ хара "да:", саяв: "та" ~ сана "та:", тага: "та" ~ тага "та:" .

В двух и более сложенных словах с долгими гласными в начальных слогах сверхдолгота образуется в первом слове, как в наиболее сильной позиции: например, дэ: "ресе" "сверху", сә: "нә-р" "хорошенько, по-хорошему", у: "йа" "круги, завихрения на воде", ду: "нә:сен" "от младшего", на: "эйа" "сорока", та: "ха" "лисий", дө: "влу:яхе" "покачивать, пошатывать". Сә: "ру:яхе" "улучшать". Второй же долгий гласный, как видно из этих примеров, звучит полудолго и даже кратко.

Если после второго долгого гласного в подобных словах имеется еще редуцированный гласный, то сокращение этого второго долгого звука бывает наименьший.

Сильными позициями для образования сверхдолготы являются не только соседство долгих гласных с долгими и краткими гласными, но и нахождение их перед редуцированными гласными. Например, бо: "хи" "завязывать", сә: "хе" "привязывать, выстамывать", то: "син" "пыль", ду: "сен" "сок", у: "рег" "вязанка", ду: "рег" "полный".

Если в многосложных словах за каждым долгим гласным следует редуцированный, то в слове будет столько сверхдолгих гласных, сколько было долгих. Например: ду: "нә:сен" "от младших", ку: "келә:сен" "от дочерей своих".

Долгие и редуцированные гласные, соседствующие со сверхдолгими гласными, бывают более краткими. Поэтому неспроста А.А. Павлов слова туулаа "заяц", бәләә "рукавички" пикиет без долготы на конце, а слова тәссин "пыль", нәссин "шерсть", күдсе "дверь" — без обозначения редуцированных гласных в

последнем слоге.¹ При этом автор утверждает, что на кимограмме слова тоосын он не обнаружил редуцированного гласного звука. Во-первых, это могло зависеть от стиля произношения, во-вторых, это свидетельствует о том, насколько сильна редукция гласных, находящихся в соседстве со сверхдолгими гласными, насколько отбирают у них и так уж "пошатанную" длительность сверхдолгие гласные.

Не обнаружив редуцированную гласную, Д.А.Павлов пришел к выводу, что "появление редуцированного гласного в указанной позиции - явление факультативное, т.е. необязательное", с чем согласиться трудно. Сильная редукция гласных в данной позиции есть (результат) последствие образования сверхдолготы. Сверхдолгота чаще всего образуется за счет долгих и редуцированных гласных. Краткие же гласные первого слова, как гласные позиционно устойчивые, можно сказать, не удлиняют, не образуют сверхдолготу, например, долаан "семь", улаан "красный".

Однако долгий гласный первого слога в исследуемом говоре, да и в калмыцком языке вообще, в двух - и более сложных словах всегда звучит сверхдолго: напр., у:~лы "гора", по:~хыр "лестный", ху:~ча:р "по-старому".

Сверхдолгие гласные, как и полудолгие, будучи последствием качественно-количественного и позиционного ослабления, сами страдают некоторой позиционной количественной неустойчивостью. Возможность орфоэпических вариантов хара:~да~ хара:да:; сана:~та~ сана:та:, така:~та~ така:та: говорит о подвижном, не стабильном характере сверхдолготы.

¹ Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1968, стр. 44.

В данных орфоэпических вариантах следует отметить, что сверхдолгота предпоследнего слога отлична от сверхдолготы последнего. Если сверхдолгота предпоследнего слога ничем не примечательна и не отличается от обычной сверхдолготы, то следует отметить, что сверхдолгий гласный последнего слога несколько короче и произносится с несколько большей силой и энергичностью. Поэтому такой конечный гласный, по-нашему мнению, является не просто сверхдолгим, а ударным. Соответственно с этим вышеприведенные слова, в зависимости от языковых особенностей, можно передать как: харада́ "ласточка", саната́ "имеющий намерения", таката́ "имеющий курицу".

Д.А.Павлов, говоря об ударении в калмыцком языке, пишет что "в двухсложном слове хада́ "гвоздь" ударение падает на последний слог, а в трехсложном слове харада́ "ласточка" -- на предпоследнем слоге, а четырехсложном -- тоже на предпоследнем слоге: харада́:дь "ласточке".¹

Первое положение автора (о слове хада) исключительно правильное и оно применимо ко всем без исключения словам, в том числе и к приведенным нами выше. В остальных же положениях автор простую долготу (сверхдолготу) принимает за ударение, вернее, он не отличает долготу от ударения и в слове харада́:дь "ласточке" обозначает и долготу, и ударение одновременно.

Однако мы отклонились и должны вернуться к сверхдолгим гласным, которые являются ничем иным, как позиционными вариантами долгих гласных. Долгие гласные открытого слога произносятся сверхдолго, если этот слог предшествует слогу

1. Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык, стр.194.

с долгими или редуцированными гласными. Например, ту:ла: "заяц", бе:ла: "перчатка", малта:ри "пройма, вырез", чама:си "от тебя", чирэ:де "на лице".

Сверхдолгие гласные встречаются во всех слогах, кроме последнего, включая словоизменительные, словообразовательные аффиксы и слитные морфемы, и никакой фонематической роли, отличной от долгих, не играют. Например:

кере:д	"мерзнуть"	кере:де	"пийи"
шире:д	"стелая"	шире:де	"в столе"
бу:д	"ружьа"	бу:ди	"ружьа"

Эти примеры наглядно показывают, что здесь основную фонематическую нагрузку несут на себе не только сверхдолгие, но и редуцированные гласные, которые являются одним из необходимых условий существования сверхдолгих гласных. Ср. кее "саха", кеед "сахи" (мн.ч.) кееде "сахе" (дат.падеж).

Сверхдолгие гласные — это варианты долгих гласных в неограниченных слогах и образование их ничем не отличается от образования долгих гласных, только сверхдолгие гласные, кроме всего прочего, питаются за счет прокносительной энергии соседних (чаще последующих) долгих или редуцированных гласных. Другими словами, это те же долгие гласные плюс переход количества из других слогов, как это имеет место при образовании долгих гласных способом количественной метатезы.

Полудолгие гласные

Полудолгие гласные в качественном отношении ничем не отличаются от соответствующих кратких /нормальных/, сверхдолгих гласных, в количественном отношении эти гласные занимают промежуточное положение между краткими /нормальными/ и долгими

гласными, о чем свидетельствует сам термин "полудолгие".
Например: к у · н "человек", х е · н "овца", бу · "ружье", зо ·
"хребет, спина", м е · "сельдь", ү · р "товарищ, друг".¹

Полудолгие гласные — не что иное как варианты долгих
гласных, которые соответствуют в старописьменном монгольском
сочетаниям Г+С+Г и дифтонгам. Для наглядности приводим те же
примеры: монг. письм. *kū mīn* > старокалм. к у н, торг. к у · н,
лит. к у н "человек"; монг. письм. *qolin* > старокалм. х е н,
торг. х е · н, лит. х е н "овца"; старокалм. буу, торг. бу · лит.
бу "ружье"; старокалм. зоо, торг. зо ·, лит. зо "хребет,
спина"; монг. письм. *mai* > старокалм. май, торг. м е ·, лит. м е
"сельдь", монг. письм. *üür* > старокалм. ү р, торг. ү · р,
лит. ү р "товарищ, товарищество, друг".

Полудолгие гласные отличаются количественным непостоян-
ством, т.е. они могут сокращаться /несколько реже в торгутс-
ком и почти всегда в дербетском/ до кратких /нормальных/
гласных или, наоборот, удлиняться до уровня сверхдолгих
гласных /во всех говорах/.

Сокращение долгих гласных в словах типа к у · н, х е · н, бу ·,
т.е. в односложных словах, видимо, надо объяснять, во-первых,
отсутствием в калмыцком языке противопоставления долгих
гласных кратким, т.е. длительность гласных односложных слов
не имеет фонематического значения. Мы не найдем в данном
говоре двух одинаковых односложных слов, которые бы отлича-
лись краткостью или долготой своих гласных. Во-вторых, как

1. Для точности передачи полудолгие гласные мы передаем
здесь соответствующими знаками с точкой, напр.: ү ·,
о ·.

мы уже отметили, слова указанного типа является односложными, т.е. не имеют вторых, третьих слогов, из которых долгие /в данном случае полудолгие/ гласные обычно черпают долготу и силу звучания. В силу этого долгие гласные последнего слога всех слов всегда звучат полудолго.

Стоит подобным словам измениться, принять какой-либо аффикс и стать двусложными, как полудолгие,

иногда уже ставшие краткими /особенно в дербетском говоре/, гласные приобретают полную долготу и даже сверхдолготу. Возьмем такие примеры: кʉːв - кʉː : нэː "человека (род.пад.)" хэːн хэːːнэː "овцы", хэːːге "овцу", буː - буːːгы "ружье", сукаː "тамариск" - сукаːːды.

Сокращение долгих гласных последнего слога многосложных слов не имеет межговорного значения и проявляется во всех говорах одинаково.

Если же многосложное слово с полудолгим гласным последнего слога принимает аффикс со сверхдолгим гласным, удлинения этого полудолгого гласного не происходит, ибо вся пронаосительная энергия слова концентрируется на этом сверхдолгом гласном. Ср. нохаː "собака" - нохаːнаːːсе "от собаки", чирэː "лицо" - чирэːнаːːсе "от лица".

В заключении следует отметить, что полудолгие гласные, как и сверхдолгие, являясь вариантами долгих гласных, фонематической роли, отличной от долгих, не играют.

Редуцированные гласные

В исследуемом говоре имеются также редуцированные гласные, которые представляют собой звуки неполного образования и произносятся не совсем ясно. Они встречаются в непервых

слогах слова, напр.: хоты "пища, продовольствие", хулсын "камыш", гелме "сеть", шорьылжн "муравей", кегелдер "голубь", хурьын "ягненок".

Исторически редуцированные гласные соответствуют ясным гласным непервых слогов монгольского письменного языка, например, монг. письм. *тиган* "мясо", торг. махын; монг. письм. *тагад* "определенность, известность", торг. маьнд; монг. письм. *сүнесэн* "дух, душа", торг. сумсен; монг. письм. *тана* "перламутр", торг. таны.

Начало редукции ясных гласных, по всей видимости, относится к XIII-XIV вв. и, возможно, даже к более раннему периоду (к периоду начала образования долгих гласных), ибо появление неясных гласных и образование долгих гласных, по нашему мнению, взаимосвязаны и следует их рассматривать в комплексе. То, что не все сочетания Г+С+Г дали долгий гласный, видимо, следует объяснять влиянием уже начавшегося процесса редукции гласных в этих сочетаниях. К этому, примерно, периоду относят появление неясных гласных Г.Д.Санжеев¹. Б.Я.Владимирцов также утверждает, что "в древне-монгольском, монгольско-письменном имелись уже краткие редуцированные гласные и что редукция гласных непервых слогов началась уже в XIII-XIV вв."²

Данные гласные являются одним из тех вопросов монголистики и, в частности, калмыковедения, которые чаще всего привлекают внимание исследователей.

Вопрос о редуцированных гласных находит освещение в работах всех известных монголоведов: А.Бобровникова, Г.И.Рамstedта, В.Л.Котвича, Б.Я.Владимирцова, Г.Д.Санжеева, Т.А.Бертагаева,

1. См. Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 73-74.

2. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч. стр. 312-313.

и др. Эти гласные также находят освещение в трудах калмыковедов Ц.-Д.Номинханова, А.Ш.Кичикова, Д.А.Павлова, П.Ц.Биткеева и др.

Благодаря общим усилиям всех исследователей определены основные параметры редуцированных гласных, т.е. качественные, количественные, артикуляционные и т.п. характеристики. Однако некоторые вопросы указанных гласных все еще продолжают оставаться неясными. Еще Ц.-Д.Номинханов отмечал, что калмыцкая филология вопрос о значении неясных гласных для калмыцкого литературного языка никогда не снимала с повестки дня, что он оставался и остается открытым до наших дней.

В своей работе "К вопросу о неясных гласных калмыцкого литературного языка" Ц.-Д.Номинханов в основном преследовал практическую цель - разработку вопроса обозначения редуцированных гласных на письме. Предлагая обозначать эти гласные знаками, передавшими гласные полного образования, автор приводит обширный список слов, словообразовательных и словоизменительных аффиксов, в которых наглядно показывает, где и как нужно их обозначать. С этой точки зрения, данная работа Номинханова может оказать немалую услугу, если мы будем отражать на письме редуцированные гласные.

В своей работе Ц.-Д.Номинханов также касается вопроса их происхождения. Ослабление гласных полного образования до их редукции Ц.-Д.Номинханов, вслед за Б.Я.Владимирцовым, объясняет неударностью слога. Он говорит, что в "калмыцком и халха-монгольском" языках ударение падает на первый слог слова и вызывает ослабление других гласных того же слова... В русском языке, где ударение свободное, оно может падать на любом слоге слова и вызвать те же ослабления гласных, только в ином нап-

равлении".¹

Возможно, какая-то связь ударения с редуцированными гласными и есть. Только ударение в монгольских языках и ударение в русском языке выполняют, видимо, неодинаковые функции и обладают разными выразительными средствами.

Характеризуя качество редуцированных гласных, или, как их еще называют, "ненапряженных гласных", Л.В.Щерба пишет, что при произношении "ненапряженных" - качество гласного как-то скрадывается, и они звучат до некоторой степени безразлично".² Такую неясность произношения объясняет он ненапряженностью мускул артикулирующих частей и стенок резонатора.³

К тому же мнению пришел Д.А.Павлов который пишет, что редуцированные гласные "произносятся при очень слабом мускульном напряжении стенок резонирующей полости, отсюда получается нечеткий акустический эффект по сравнению с эффектом гласных первых слогов".⁴

П.Ц.Биткеев в своей работе пишет, что "с качественной стороны неясные гласные характеризуются очень слабой по сравнению с ясными напряженностью, потому что они не имеют четко выдержанной артикуляции, как ясные гласные, чтобы можно было более или менее определенно описать положение языка".⁵

1. Ц-Д.Номинханов. К вопросу о неясных гласных калмыцкого литературного языка, стр. 13-14.

2. А.В.Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Спб., 1912, стр. 76.

3. См. там же.

4. Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1968, стр. 52.

5. Биткеев П.Ц. Неясные гласные калмыцкого языка. Зап. Калм. НИИЯЛИ вып.3, серия филолог. Элиста, 1964, стр. 74

Редукция гласных имеет разную степень проявления и представляет целую нисходящую гамму переходов, вплоть до полного выпадения гласного. Поэтому многие монголисты и калмыковеды прибегают к различным знакам для передачи этих гласных и степени их редукции. Так, для обозначения редуцированных гласных применяется знак [^] над соответствующей буквой: *ă, ă, ŷ, ă, ă, ŷ, ă* и т.д. Иногда применяют надстрочные буквы *a, o,* и т.д. или же соответствующие перевернутые буквы: *ə, ə* и т.д. Применение того или иного знака зависит от степени редукции гласных.^I

Редуцированные гласные исследуемого говора и калмыцкого литературного языка вообще характеризуются позиционной неустойчивостью. Они выпадают в одних формах слова и появляются в других, т.е. обладают способностью быть беглыми.

Выпадение в основном наблюдается в середине трехсложных слов, в результате чего в исследуемом говоре подобные слова выступают как двусложные. Например:

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
<i>qulusun</i>	хулсын	"камыш"
<i>ebüdüg</i>	евдэг	"колѐно"
<i>qumusun</i>	хумсын	"ноготь"
<i>sarisun</i>	сѐрсен	"плева"

О выпадении редуцированных гласных писал еще в прошлом столетии А.Бобровников: "беглое произношение, а в разговоре выбрасывание гласных, бывает в коротких средних слогах, когда перед гласною и после нее до ближайших гласных нако-

^I См. Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков.

дится только по одной согласной. Например: тама уа > тамуа "печать", голо уой > тол уой "голова".¹

Об исчезновении указанных гласных писал так же Вл. Котвич, называя его одним из "важнейших отличий" современного произношения калмыков от того, что имеется в старых книгах, относящихся ко времени Зая-Пандиты.²

Что касается выпадения редуцированных гласных в последних слогах, то следует сказать, что в этой позиции неясные гласные выпадают менее всего. Особый интерес представляет в исследуемом говоре выпадение редуцированного гласного [i]. Выпадение гласного [i] вызвало изменение всего фонетического состава слова, так слова из твердого ряда стали переходить в мягкий ряд, например:

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
баги-	б _е ре-	"держи"
qalimaq	хэлмег	"калмык"
qalisun	хэлсен	"кожура, гора"
дорби	б _е рве	"сухожилие"
морин	м _е рен	"лошадь"
qubi	х _у ве	"доля, счастье"

Такой переход слов из твердого ряда в мягкий, являясь одним из характерных признаков торгутского говора, наблюдается также и в дербетском. Но такой дифференцирующей роли это уже не играет. В противовес этому в дербетском говоре в приведенных и подобных им словах наблюдается мягкость согласных, стоящих перед выпавшим редуцированным [i].

1. А. Бобровников. Грамматика монгольского языка. Казань, 1849, стр. 36

2. См. Вл. Котвич. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Спб., 1915, стр. 8

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>дерб.</u>	
qalimaq	халмыг	"калмык"
qalisun	халсын	"кора, кожура"
taniqu	танхн	"узнавать"

Таким образом, выпадение гласной [i] в исследуемом говоре и вообще в калмыцком языке, повлекло за собой, во-первых, смягчение гласных и переход слова из твердого ряда в мягкий. Об этом же говорит Г.Д.Санжеев. Он пишет, что гласный [i] "с одной стороны, подвергся различной ассимиляции, с другой - сам подвергался различной ассимиляции прочие гласные и сильно влиял и на эволюцию согласных... Благодаря этой эволюции гласного, особенно в ойратских диалектах, многие слова из заднего ряда попали в передний".¹

Во-вторых, выпадение редуцированного гласного [ɨ] не повлекло за собой депалатализацию предшествующих мягких согласных, которые и после [ɨ] сохранили свою мягкость. А.Бобровников писал, что, если выбрасывается гласная [ɨ] согласные буквы удерживают свое мягкое произношение.²

В результате выпадения гласного [i] в калмыцком языке и отчасти в исследуемом говоре совершился качественный скачок: твердость и мягкость согласных полностью превратились в качество самостоятельное, безусловленное позицией. Именно после выпадения редуцированного [ɨ] появились твердые и мягкие согласные, например, торг. салькен - сэлкен, дерб. салькын "ветер", торг. сальхе ~ сэлхе, дерб. сольхн "менять". Твердость и мягкость согласных полностью освободились от позиционных условий и стали одной из дифференциальных при-

1. Г.Д.Санжеев. Указ. соч., стр. 75.

2. А.Бобровников. Указ. соч., стр. 36.

наков калмыцких говоров.

А. Бобровников рассматривает редуцированные гласные в зависимости от разных условий: последний ли это гласный в слове, имеет ли перед собой сочетание двух согласных, образует ли с предшествующим согласным сочетание га, гэ, имеет ли после себя согласный \int /нг/, имеет ли перед собой [ч] или [х], является ли редуцированным гласный [и] или какой-то другой гласный и т.д. и т.п.

В зависимости от этих условий он определял качество редуцированных гласных и передавал их русскими буквами н, а, ь, и ¹.

Вл. Котвич при передаче калмыцких слов русскими буквами для редуцированных гласных, которые, как он говорит, теперь всею произносятся одинаково, применил одну букву - е ².

Вл. Котвич в русском алфавите не нашел для него соответствующего знака.

Не смог найти знака также Д.А. Павлов и передал их одним знаком - ь /твердым знаком/, хотя правильно установил, что редуцированные гласные "в составе слов с гласными заднего ряда произносятся несколько тверже, приблизительно как н-образный звук, а в словах с гласными любых рядов после ч, х и с гласными переднего ряда несколько мягче, приблизительно как и - образный звук, а отчасти некий э - образный звук". ³

1. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 34-35.
2. Вл. Котвич. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Праги, 1929, стр. 4.
3. Д.А. Павлов. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, 1963, стр. 51.

Указанные гласные А.Ш.Кичиков передает тремя знаками - и / твердый ряд /, э /мягкий ряд /, ь /нейтральный ряд /. При этом он впервые в калмыковедении дает артикуляционно-акустическую характеристику этим гласным как самостоятельным фонемам и в то же время возводит их к гласным полного образования /и < а, о, у; э < э, ы, е, и, е/¹ П.Ц.Биткеев на основе экспериментального исследования пришел к выводу, что редуцированные гласные являются самостоятельными фонемами. Характерной особенностью и фонематическим качеством их он считает слабую напряженность артикулирующих органов. Установив три редуцированных гласных, автор, к сожалению, передает их двумя знаками: ь, е.²

Дело в том, что при редукции кратких гласных непервых слогов меняются основные артикуляционные особенности этих гласных. Так [а], например, утратил свою открытость, перешел в узкий неогубленный слабый звук. Средний огубленный [о] твердого ряда делабиализовался, перешел в узкий неогубленный слабый звук. Узкий лабиальный гласный [у] твердого ряда также утрачивает огубленность, переходит в узкий неогубленный твердого ряда слабый звук.

Все гласные твердого ряда утрачивают, как уже было сказано, все основные, характеризующие каждый гласный в отдельности, артикуляционные признаки, приобретают общие для [а], [о], [у] особенности и переходят в средний твер-

1. А.Ш.Кичиков. Дербетский говор. Элиста, 1969, стр. 8-11.

2. П.Ц.Биткеев. Проблемы графики и орфографии современного калмыцкого языка. Элиста, 1969, стр. 10, 27.

порядный узкий неогубленный слабый [ы].

О качестве редуцированных гласных калмыцкого языка еще в XIX веке говорил А. Бобровников: "Последняя гласная слова, если она короткая, несмотря на повышение тона, произносится бегло и сжато, так что почти теряет свойственный себе звук и слышится как русское и. Например, слова "старший брат", "дерево", "господин", "глаз" произносятся как ахы, модынь, эзынь, нидынь; только букву ы в этом случае должно произносить как можно быстрее."¹

Определение А. Бобровниковым качества редуцированных гласных остается верным до сих пор, особенно это касается гласных твердого ряда. Только следует добавить, что редуцированный гласный [ы] калмыцкого языка отличается от русского [ы] краткостью и слабостью напряжения стенок артикуляционного аппарата.

Гласные мягкого ряда также утрачивают свои основные, характеризующие каждый гласный в отдельности, артикуляционные признаки. Так, средний огубленный гласный мягкого ряда [ё] утрачивает огубленность и переходит в средний неогубленный слабый [э] - образный гласный.

Узкий огубленный гласный [ү] теряет огубленность, расширяется и переходит в средний неогубленный слабый [э] - образный гласный.

Средний неогубленный гласный [э] при редукации утрачивает напряженность и переходит в средний неогубленный слабый [э]-образный гласный.

Таким образом, все гласные мягкого ряда редуцируясь, сходятся в средний неогубленный слабый мягкорядный [э]-

образный звук, который нами передается знаком е.

Несколько иначе происходит редукция гласного [и], который по своей артикуляции является узким переднеязычным неогубленным напряженным гласным.

Данный гласный, как и все переднеязычные гласные, утрачивает основные артикуляционные признаки - узость и напряженность, т.е. переходит в средний нелабиализованный, ненапряженный гласный, например, мэрен "лошадь" < монг. письм. *morin* тэвен "пятьдесят" < монг. письм. *tabin*; дэре "порох" < монг. письм. *dari*

В словах твердого ряда после мягких согласных редуцированный гласный [и] звучит то как [e], то как [i]: сурһууле ~ сурһуули "учеба" < монг. письм. *surgaduli*; Тоті "попугай" < монг. письм. *toti*; суле - сули "овес" < монг. письм. *suvi*

После мягких аффрикат [ж], [ч] гласный [и] менее всего утрачивает свои основные качества, например,

араалжин	"паук"	монг. письм. <i>aragaljin</i>
элдиген	"осел"	монг. письм. <i>elzigen</i>
һучин	"тридцать"	монг. письм. <i>guchin</i>
адуучи	"табунщик"	монг. письм. <i>aduchi</i>
ээжи	"матушка"	монг. письм. <i>eji</i>

Об этих качествах редуцированного гласного [и] еще А. Бобровников в XIX веке отмечал, что "при согласных ч и дж, также как и при двух согласных, буква и произносится ясно".^I

Артикуляционно-акустические изменения нередко ведут к изменению сингармонической рядности редуцированных гласных. Особенно это наблюдается в словах, в которых исторически

имелся неоднородный в синтагматическом отношении состав гласных. Например, монг. письм. *inav* "друг, приятель, любимый" > торг. *инэв*; дерб. *ин'иг*; монг. письм. *мигсан* "тысяча" > торг. *мэн'иен*, дерб. *миц'иен*; монг. письм. *салкин* "ветер" > торг. *селкен*, дерб. *салькин*.

Акад. Л. В. Щерба пишет: "...что касается причины изменения качества гласных в неударенных слогах, то его ставят обыкновенно в связь с их слабостью. Я полагаю однако, что связь эта не непосредственная. В самом деле, я могу как угодно слабо произнести любой гласный в любом слоге и все-таки сохранить все его качества: тихо (но не шепотом) и громко сказанное слово *годь*, например, не меняет качеств своего *о*.

Другое дело количество гласного: малое количество непосредственно влияет на качество, так как органы речи, не успевая занять положения, необходимого для произведения данного определенного качества, остаются, так сказать, на полпути, а если и успевают, то слишком на короткое время, чтобы произвести впечатление на наш слух...

Таким образом, непосредственной причиной качественного изменения наших неударенных гласных является их количественная редукция".¹ Это положение Л. В. Щербы возможно и применимо в исследуемом говоре, да и в калмыцком языке вообще, но только в отношении тех гласных, которые в результате сильной редукции подверглись выпадению, где налицо и качественная и количественная редукция гласных. Например, *хумсын* "ноготь" < *qu' misyn*, *ботхын* "верблюденок" < *botidan*. Экспериментальные исследования показывают, что длительность редуцированных гласных не так уж мала — она даже больше длительности кратких

1. Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 103-104.

(нормальных) гласных первого слога.¹ Поэтому качественную редукцию гласных как в исследуемом говоре, так и в калмыцком языке, видимо, нельзя объяснить только с позиции количественной редукции. Эти две категории в калмыцком языке проявляют некоторую самостоятельность по отношению друг к другу.

Поэтому качественную редукцию гласных в торгутском говоре, и вообще в калмыцком языке, видимо, правильнее было бы объяснять не только и не столько ненапряженностью артикуляционного аппарата, а явлением иного порядка.

Дело в том, что почти все исследователи вслед за Л.В.Шербой ограничивали объяснение данного явления "ненапряженностью" артикуляционного аппарата.

Однако исследователи не задают себе вопроса: почему происходит расслабление артикулирующего органа именно в тот момент, когда надо произносить гласные непервых слогов, т.е. редуцированные гласные? Ослабление стенок резонирующей полости, по-видимому, не есть первопричина появления редуцированных гласных. Ослабление само является следствием какой-то другой причины.

В русском языке, в отличие от калмыцкого, любой гласный в слове может следовать за любым гласным. Поэтому в речевой цепи по предыдущему гласному невозможно угадать, какой будет следующий гласный.

Несколько иначе обстоит дело в исследуемом говоре, да и вообще монгольских языках, включая также и монгольский письменный язык. В монгольском письменном языке, где процесс

1. См. Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык. Злиста, 1968. 54-55 и след. П.Ц.Биткеев. Указ. соч.

редукции берет свое начало, вся система гласных по закону сингармонизма распадалась на небольшие несочетаемые между собой группы:

а) твердорядных: а , о , и

б) мягкорядных: ё , ѝ , е

в) нейтральнорядных: і

Однако если учесть тот факт, что не все гласные каждого ряда употреблялись в непервых слогах, где происходит редукция, то и так уж ограниченное число гласных, употребляемых в каждом ряде в непервых слогах, станет еще меньше.

Таким образом, в непервых слогах употреблялись следующие гласные:

а) в твердорядных словах: а , и

б) в мягкорядных словах: ѝ , е

Притом следует отметить, что в одном слове сочетание гласных разных рядов исключается. Минимальное число гласных, встречающихся в непервых слогах, не требовало от носителей языка четкого и ясного их произношения. Было ясно, что если слово твердого ряда, то в непервых слогах обязательно должно быть или [а], или [и], или вернее, [а] - образный или [и] -образный гласные. Язык стремился к экономии энергии на произношение того или иного звука, усилия большего не тратилось на произношение этих гласных, в результате чего ослабевал артикулирующий аппарат, что отрицательно сказывалось на качестве звука. Прав Л.В.Щерба, когда говорит, что "я могу как угодно слабо произнести любой гласный в любом слове и все - таки сохранить все его качества".¹

1. Л.В.Щерба. Указ. соч., стр. 103.

Но в исследуемом говоре, да и вообще в монгольских языках, не было большой необходимости сохранять качество гласного — не от чего было их этим качеством отличать, потому что число гласных в непервых слогах в каждом сингармоническом ряде было минимальным. Это облегчало как произношение, так и восприятие речи. Качественная характеристика кратких гласных в непервых слогах стала утрачивать смысло-различительную функцию. Для языка стало неважным, какой в непервых слогах стоит гласный [а] или [у], важно, что наличествует какой-то неопределенный гласный. И.Д. Буряев отмечает, что намеренно ясное подчеркнутое произношение редуцированных гласных не будет отражаться на смысловой стороне слова.¹

По утверждению Г.Д. Санжеева "гласные первого слога всегда находятся в релевантном положении, тогда как они в непервых слогах при известных условиях часто могут оказаться полностью нейтрализованными, т.е. лишенными фонематического значения, например, алас ~ алас "дальний" улус ~ улус "страна" (чередование в монгольском языке гласных у ~ а или а ~ у в непервых слогах не влияет на значение приведенных слов, тогда как изменения этих же гласных в первых слогах дают разные по значению слова).²

Такое объяснение причин редукации гласных непервых слогов. Только, видимо, нельзя отрицать фонематического значения гласных непервого слога (в данном случае: редуцированных гласных), а следует несколько уточнить, что лишились фонематичес-

1. И.Д. Буряев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 126.

2. Г.Д. Санжеев. Старописьменный монгольский язык. М., 1964, стр. 29.

кого значения не сами гласные непрерывных слогов как таковые, а их качественная сторона. Что касается количественной стороны этих гласных, то, как у нас отмечалось, во многих случаях (особенно в последних слогах) они длительнее кратких (нормальных) гласных первого слога.

Таким образом, редуцированные гласные хотя и являются таковыми в результате ослабления артикуляторных органов речи, на самом деле имеют более глубокие причины, которые связаны с внутренними фонематическими законами языка, а именно: сингармонизмом, разбившим систему гласных на небольшие несочетаемые между собой группы.

Являются ли редуцированные гласные фонемами или оттенками фонем — на сегодняшний день вопрос довольно-таки сложный.

Разная степень редукции, историческая соотнесенность редуцированных гласных с гласными полного образования в монгольском письменном языке, по-видимому, дают некоторым монголоведам /Г.Санжеев, И.Бураев, Д.А.Павлов/ основание считать указанные гласные оттенками гласных полного образования.

С другой стороны, казалось бы, можно выделить в синхронии отдельную фонетическую группу редуцированных гласных, как это мы наблюдаем в трудах современных калмыковедов /А.Ш.Кичиков, П.Ц.Биткеев и др./ Тем более, выше нами описано изменение артикуляций этих гласных и приобретение ими новых артикуляторных признаков. Все редуцированные гласные, как говорит И.Д.Бураев, "близки между собой в том смысле, что звучат неотчетливо, грубо говоря, объединяются качеством неопределенности их акустического эффекта".¹ Неопределенно-

1. И.Д.Бураев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 126.

сть их стала произносительной нормой современного калмыц -
кого языка.

Решение вопроса об этих гласных, как об оттенках, может
увести нас слишком далеко. Дело в том, что, чтобы определить,
оттенком какой фонемы является тот или иной редуцированный
гласный, надо будет обращаться к монгольскому письменному
языку. Поскольку у нас нет преемственной связи ни с орфо-
графией монгольского письменного языка, ни с орфографией ста-
рокалмыцкого языка, то подобный историзм вряд ли будет
понятным.

Поэтому мы склонны рассматривать их в синхронии как са-
мостоятельные фонемы. Так, в непервых слогах твердорядных
слов наблюдается краткая неогубленная верхнего подъема фо-
нема [ы]: зурмын "суслик", хурмын "лоскут войлока", ху-
дыг "колодец". В непервых слогах мягкорядных слов наблюдается
краткая неогубленная среднего подъема фонема [е]: бэрген
"старшая сноха", тэрэе "окно", күрен "дойдя", күрне "хорь".
Помимо этих кратких гласных фонем в обоих сингармонических
рядах после мягких аффрикат [ж], [ч], иногда и после других
мягких согласных, наблюдается краткая неогубленная верхнего
подъема фонема [й]: тэмэлжйрһен "стрекоза", бөгжй "скоба",
сэм жйн "сальник", буулймжй "хвала", босхымжй "восстанов-
ление".

Казалось бы, что на этом можно и закончить вопрос о
неясных гласных. Однако вызывает некоторый интерес неясные
гласные последнего слога, которые редуцировавшись качествен-
но, количественно звучат гораздо длительнее ясных гласных
первого слога. Видимо, это можно объяснить тем, что здесь,

кроме редукции, действует еще другой фонетический процесс или другое фонетическое явление, а именно, ударение.

Вслед за А. Бобровниковым, мы склонны считать, что ударение в исследуемом говоре, как и в калмыцком литературном языке, падает на последний слог, независимо от характера, качества и длительности находящегося там гласного. Ударение в монгольских языках, в частности, в калмыцком, видимо, появилось позже начала редукции гласных, по крайней мере, в той позиции, куда оно падает в современном состоянии калмыцкого языка. Поэтому оно не смогло сохранить качество гласного ударного последнего слога, но сумело сохранить только длительность редуцированного гласного последнего слога, чем и объясняется относительная длительность этих гласных по сравнению с длительностью краткого (нормального) гласного первого слога.

С и н гар м он и з м

Для торгутского говора характерна только одна разновидность сингармонизма - небный. Губной же сингармонизм или, как еще называют, закон губного притяжения совершенно не свойствен данному говору. Первый слог с гласными [o], [e] не оказывает влияния на гласные последующих слогов независимо от того, относятся ли эти слоги к корню или аффиксу, открыты они или закрыты, например, один "звезда", тошихе "лосниться", селихе "коесться", жораалхы "идти иноходью".

Исследуемый говор, как и весь калмыцкий язык, не терпит в непервых слогах гласных [o], [e] и тем самым устраняет всякие возможности проявления губного притяжения указанных гласных.

Однако за гласными [y], [ʏ] первого слога иногда наблюдаются долгие огубленные гласные, например, түрүүн "первый", шүрүүн "резкий", бүлүү "точило, брусок", буруу "неправильно, несправедливо", сурууа "чубук, мундштук". Эти огубленные гласные непервых слогов не есть результат губной гармонии, точно так же как не есть результат губной гармонии гласные [uu], [yy] в словах типа: сэруун "прохладно", бэртүүа "ручка, черенок", сэвүүр "оп^ахало, веник". Для большей убедительности, что в словах типа түрүүн, шүрүүн, бүлүү и т.д. нет губной гармонии, приведем соответственно монгольскую письменную форму их: *terigün, siregün, bilgedü...*

Монгольский письменный язык тоже не знал отражения закона губного притяжения и также, как исследуемый говор, не знал гласных [o], [ø] в непервых слогах.

Об этом также говорит Б.Я.Владимирцов. Он пишет, что монгольское квадратное письмо и ойратская письменность свидетельствуют о том, что даже в XIII-XIV вв. и в XVII в. в непервых слогах всегда имелись только и и й, а не о и ö, за исключением случаев появления о и ö во втором слоге под лабиализующим влиянием о и ö первого слога. По мнению Б.Я.Владимирцова, наиболее показательными оказываются данные, представляемые ойратскими говорами. По его словам в большинстве ойратских диалектов встречаются долгие гласные $\bar{a} < *u\bar{a}$ и $\bar{ä} < *ü\bar{e}$ после о и ö в первом слоге. Далее он отмечает, что наречия торгутов астраханских и торгутов алтайских не знают лабиализации гласных под влиянием о первого слога также, как и монгольско-письменный язык.^I

^I См. Б.Я.Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 316.

В письменных же памятниках старокалмыцкого языка, относящихся к ХУП-ХУШ вв., мы наблюдаем отражение закона губного притяжения на письме, например, долсон "семь", олон "много", одон "звезда", модон "дерево".

Проявление губной гармонии в словах типа олон Г.Д.Санжеев объясняет неясностью произношения указанных гласных, вынужденностью писать по первому слогу.¹ Но следует отметить, что степень редукции гласных в 17 столетии была не столько сильной, чтобы ориентироваться по первому слогу. К тому же, всем хорошо известно появление тогда же в непервых слогах огубленных широких долгих гласных, которых "обвинить" в неясности было нельзя. Поэтому, надо думать, в старокалмыцком языке в период всеобщего ослабления гласных непервых слогов действовал закон губного притяжения, т.е. огубленные гласные первого слога, как сильной позиции, влияли на огубленность гласных последующих слогов.

Однако эти средние огубленные гласные, как правильно заметил в свое время Б.Я.Владимирцов, не распространились далее второго слога. Это положение подтверждается данными уральского, оренбургского подговоров.² В указанных подговорах средние [o] и [e] сохранились в непервых слогах, но не далее второго слога. Ср. торг., лит. ойраал, урал. йорол "дно",

1. См. Г.Д.Санжеев. Старописьменный монгольский язык, М., 1964, стр. 35.

2. Хотя исследователи в отношении указанных языковых подразделений пользуются термином говор, они являются подговором торгутского говора.

торг., лит. нокеэдер, урал. некедер "послезавтра": торг., лит. койуурин, урал. хойорин "оба", торг., лит. кеке "синий", урал. кеке.¹

Действие закона губного притяжения в этих подговорах ограничивается рамками основы. Ограниченность этого закона рамками основы в письменных памятниках последнего периода свидетельствует о позднем появлении губного притяжения в падежных аффиксах.

Созсом по иному обстоят дело с другой разновидностью сингармонизма — с небной гармонией гласных. Согласно этому закону гласные одного ряда не могут сочетаться в одном слове с гласными другого ряда. Исключение составляют гласные [и], [й], которые могут находиться как в слогах мягкого ряда, так и в словах твердого ряда и составляющие поэтому нейтральный ряд. Например, эргул "здоров, здоровый, трезвый", бернее "детская распашонка", кеэнее "привязь, веревка для привязи ягненка", гамаа "круп", манча "караул, пост, вахта", сацнаа "челка", тошмике "лосниться", бирчиике "морщиться", герин "дома", ахиин "брата".

Т.А.Бертагаев считает сингармонизм явлением "весьма древним", но не изначальным, а появившимся на какой-то определенной стадии развития языка.² Надо сказать, что в монго-

1. См. А.Ш.Кичиков. Об оренбургском говоре калмыцкого языка. — Записки (Калмыцкого НИИЛИИ при Сов.Мин.КАССР), выпуск 2, 1962, стр. 210. Д.А.Павлов. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка. — Записки (Налм.НИИЛИИ при Сов.Мин.КАССР), вып. 3, серия филолог., Элиста, 1964, стр. 49.

2. См. Т.А.Бертагаев. Чередование фонем и сингармонизм. — Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965, стр. 137.

льском письменном языке отражается только небная гармония. Однако, несмотря на древность, сингармонизм в монгольском письменном языке еще не успел распространиться на словоизменительные аффиксы. Об этом свидетельствуют падежные аффиксы - бер, - жег, - есе и др., которые употреблялись со всеми словами независимо от их сингармонической рядности. Такое ограничение сингармонизма, по-видимому, обуславливалось тем и тем, что аффиксы писались и, надо полагать, произносились отдельно от изменяемого слова. Только в старокалмыцкой письменности мы наблюдаем, да и то не всегда, слитное написание падежных аффиксов и распространение на них законов сингармонизма. Например, Жичигэсе "из письма", хүмүүсэ "с Кумы (реки)", хаанаас "от хана", хобоноос "с Кубани".¹

Сингармонические ряды

Твердый и мягкий сингармонические ряды представляют собой ряды гласных фонем, классифицированные по степени их сочетаемости в пределах одного слова: Исторически эти ряды претерпели некоторые изменения: если в древнем языке сингармонические ряды составляли строгую и последовательную систему, состоящую из одних только кратких (нормальных) гласных: гласные мягкого ряда [e], [ö], [ü], [i] гласные твердого ряда [a], [o], [u], [ü], то в торгутском говоре в связи с образованием долгих и редуцированных гласных и образованием гласных [э], [ээ] расширился состав гласных, входящих в тот или иной ряд, например:

гласные мягкого ряда э, е, у, и, ө, ээ, еэ, үү, ии, ээ, е

1. См. Н.Н. Убушаев. Деловые бумаги на старокалмыцкой письменности как источник изучения истории калмыцкого языка, - В сб. 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970, стр. 122-123.

гласные твердого ряда а, о, у, аа, оо, уу, ы.

Нейтральный ряд, как сингармонический, выделился гораздо позже.

Своим появлением он обязан слиянию твердого и мягкого оттенков гласного [i]. Объясняя появление нейтрального гласного Б.Я.Владимирцов писал, что "стройная система гласных древнего монгольского письменного языка, с правильным делением на два ряда... просуществовала сравнительно недолго. Залог ее разложения лежал в ней самой. По этой системе два гласных, чрезвычайно близких друг другу, \ddot{i} и \dot{i} относились к двум различным рядам. В монгольско-письменном языке еще в очень раннее время произошло сближение этих двух фонем, выразившееся в том, что \ddot{i} перестал отличаться от \dot{i} . На месте двух гласных оказался только один: стройная система деления на два ряда была нарушена. По-видимому, уже в половине XIII в. монголы перестали различать \ddot{i} от \dot{i} ... Звук \ddot{i} исчез совершенно и \dot{i} появился на его месте, даже в словах заднего ряда".¹

Таким образом, в результате слияния двух различных [i] образовался нейтральный гласный. Затем в результате образования долгих и редуцированных гласных в первых слогах образовался сингармонический ряд нейтральных гласных, состоящий из [и], [ии], [ī]. Первый из этих гласных - краткий (нормальный) гласный [и] встречается в первом слове обоих рядов; [ии] долгий гласный встречается в любой позиции слов обоих рядов; третий [ī] ослабленный гласный, встречающийся в первых слогах после среднеязычных, переднеязычных мягких согласных и заднеязычных согласных [г], [к]. Такой вид

¹ Б.Я.Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л. 1929, стр. 119-120, 122.

имел сингармонический ряд нейтральных гласных в старокалмыцкой письменности.

В торгутском говоре нейтральный ряд содержит всего два гласных звука - это долгий [и] и редуцированный гласный [ʏ]. Что касается краткого (нормального) гласного [и], встречающегося обычно в первых слогах, то в исследуемом говоре он выступает как гласный мягкого ряда и встречается только с гласными мягкого ряда и не является нейтральнорядным, например, иицкэеке "ржать", Гилэен - имя, Гиляна.

В отличие от торгутского, в дербетском говоре нейтральный ряд состоит из следующих гласных: [и], [и], [ʏ], [ээ], последний из которых является мягкорядным развитием конечного дифтонга ай. Появление нового нейтрального гласного [ээ] в дербетском говоре, по всей вероятности, объясняется ослаблением закона сингармонизма.

В торгутском же говоре закон сингармонизма строго соблюдается.

Г.Д.Санжеев отмечал, что "прежняя система вокализма или, точнее, сингармонизма, как бы сохраняется в диалектах калмыцкого типа в том смысле, что лабиализованные гласные о и ъ могут быть только в первом слове"...¹

Следует отметить, что в исследуемом говоре наряду с формами болжаана, олжаана, худжаана встречаются варианты: боджэене "хватит", оджэенее "найдет, находит", худжэенее "продает". Здесь мы имеем дело нес нейтральнорядными [ээ], а скорее с синтетическими формами сложных глаголов: боджэ

¹ Г.Д.Санжеев. Старописьменный монгольский язык. стр. 35.

бээнэе, олж^Ү бэенее, худж^Ү бэенээ. Несмотря на то, что произошло слияние двух слов в одно, однако это еще не привело к разрушению сингармонизма одного из компонентов и образования сингармонизма общего для обоих компонентов сложного слова, как это мы наблюдаем в словах типа: муултаа "несчастный" < муу + тултаа.¹

В исследуемом говоре сингармонизм или гармония гласных распространяется не только на корневую морфему, но и на словоизменятельные и словообразовательные аффиксы. Поэтому указанные аффиксы, аффиксы падежей, содержащие в себе гласные, кроме [и], всегда имеют твердоярдный и мягкорядный варианты. Например: поля "река" - холмууд "реки", гер "дом" гермууд "дома", холас "из (с) реки" (исх.пад.) герес "из дома" (исх.пад.), ахы "старший" - ахныр "старшие", дуг "младший" - дугнер "младшие".

Изменения - гласных

В торгутском говоре можно отметить некоторые фонетические изменения гласных. Одним из фонетических особенностей гласных следует считать переход мягкорядного среднего [э] в широкий [эа]. Переход долготного [ээ] в [эа] в основном происходит в непервых слогах, например, монг. письм. емере? "седло", старокалм. тежээл, лит. торг. тежээл. Такой переход [ээ] в [эа], по-видимому, объясняется неупотребительностью гласной [ээ] в непервых слогах.

1. О другом способе образования общего сингармонизма в сложных словах см. ниже.

Не поддаются объяснению переходы [э] в [ә] в первых слогах двухсложных слов типа: оэке ~ сэке "открывай", тэке ~ тэке "козел". Подобных примеров немного. Переходы же [э] в [ә] в первых слогах слов типа: темээн "верблюд", эмээл "седло" в темээн, эмээл являются переходами ассимилятивного порядка и носят спорадический характер.

Изменения в сторону расширения и делябиализации подвергся средний лабиальный ее непервых слогов старокалмыцкого языка, например, старокалм. йереед "благопожелание", торг., лит. йереед: старокалм. дерее, торг., лит. дерее "стрема"; старокалм. ергее "ставка, дворец", торг., лит. ергее. Подобные изменения наблюдаются и в словах твердого ряда. Так, лабиальный среднего подъема [оо] непервых слогов старокалмыцкой письменности перешел в широкий [аа]. Например, старокалм. долоон "семь", торг., лит. долаан: старокалм. ироод ~ йороод "дно", торг., лит. йораал; старокалм. жоосо "вожди", торг., лит. жолаа.

Изменения гласных [ее], [оо] в [әә], [аа] опять-таки связаны с неупотребительностью этих гласных в непервых слогах.

Долгие [оо], [ее] непервых слогов старокалмыцкой письменности, видимо, являлись одним из этапов образования долгих гласных из комплекса уга ~ уһа, үге и др. В исследуемом говоре все долгие средние огубленные гласные непервых слогов изменялись соответственно сингармоническим рядам в [аа], [әә]. Процесс образования долгих гласных из указанных комплексов завершился полностью. Теперь средние огубленные долгие гласные в исследуемом говоре в непервых слогах, как в древнем монгольском письменном языке, не встречаются.

Если эти изменения наблюдаются во всех калмыцких говорах и никаких диалектных различий не вызывают, то изменения, происшедшие в результате взаимовлияния [a] и [y], [э] и [ү] стоят на уровне дифференциальных признаков калмыцких говоров. Например, монг. письм. *qubcasun* "одежда", торг. хувцын, дерб. ховцын; монг. письм. *qiwataq* "священник", торг. хуврыг, дерб. ховрыг; монг. письм. *sübe* "совет", торг. сүве, дерб. севе; монг. письм. *ütüger* "узкий, стянувшийся", торг. үмгер, дерб. эмгер; монг. письм. *emüskeel* "подарок одеждой", торг. үмекел-үмекүүл, дерб. емескел.

Как видно из приведенных примеров, торгутский говор, следуя в основном за монгольским письменным языком, сохраняет узкие огубленные гласные (хувцын, сүве, һулымта), в то время как в дербетском говоре наблюдаются изменения в сторону расширения указанных гласных, т.е. переход узких [y], [ү] в средние [o], [e] (ховцын, һолымты, севе).

Различия в употреблении [o], [y], [e], [ү] в калмыцких говорах, надо думать, не были исконными, ибо средние гласные дербетского говора [o], [e] вполне объяснимы влиянием соседних, более широких гласных [a] [э]. Или же, что почти одно и то же, обусловлены тенденцией к сохранению качества соседней, более широкой гласной, торг. һурвын "три", дерб. һорвын < монг. письм. *olᠦᠪᠠᠨ*. В торгутском же говоре влияние этих гласных не было настолько сильным. К тому же эти отличия в основном имеют место в положении перед губными [m], [b] (<b)¹ которые способствовали узкому развитию указанных гласных.

...

1. См. А.Ш.Кичиков. Дербетский говор. Элиста, 1963, стр.4.

Д.А.Павлов соответствия торгутских [y] дербетским [o] относит к "общеиранскому, возможно, и несколько более раннему периоду" ¹ и отмечает, что "это составляло, видимо, тогда основное различие в языке торгутов и дербетов. Слов, с подобными различиями вначале, видимо, было незначительное количество".² Тем, что оканье (эканье) тогда не было распространенным, свидетельствуют письменные памятники на старокалмыцкой письменности, которые более придерживаются узких губных гласных и проявляют в этом отношении довольно устойчивую последовательность. Например: старокалм. үбүл "зима", үмүскү "одеваться", һурбан "три".³

Эти соответствия (торг. [y], [y], дерб. [o], [e]) по своему происхождению являются более поздними, хотя, возможно, были такие-то более древние тенденции одних калмыцких говоров - к проявлению более открытых огубленных гласных, других - к более закрытым, которые, возможно, в какой-то степени влияли на развитие губных гласных в калмыцких говорах.

Причину двойного (широкого и узкого) развития гласных [э] под влиянием соседнего губного [y] в слове эбул > үбүл ⁴

Д.А.Павлов объясняет степень редукции этой губной гласной, степень его способности оказывать влияние на предыдущее [э]. Этим он определяет период, когда [э] развился в [y] до редукции [y] или после.

1. Д.А.Павлов. Исследования по калмыцкому языку и письменности. Доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук. Алма-Ата. 1971, стр. 15.

2. Там же. См. также стр. 16.

3. Близость орфографии старокалмыцкой письменности к тогдашнему разговорному языку общеизвестна.

4. Д.А.Павлов. Там же. См. также стр. 16.

Конечно, трудно согласиться с этим положением, и в подтверждение своего возражения приводим пример: ср.

монг. письм. <i>kebere</i>	/	торг., лит. <i>күүрег</i> "хрупкий, ломкий"
		торг., лит. <i>көверке</i> "обессилеть, быть бессильным".
		торг., лит. <i>көвердег</i> "тело, корпус, фигура".

Трудно здесь определить, когда произошла лабиализация гласного первого слога до редукции [b], после, или во время. Возможно, здесь по разному проявляет себя древняя тенденция, однако, что бы там ни было... если в слове редуцируется какой-либо гласный (или согласный), то оставшиеся гласные (особенно гласный первого слога) стараются перенять и сохранить некоторые недостающие у себя, но бывшие у редуцированной гласной, качества. Так можно объяснить дерб. *Һорвн*, *евл*, соответствующие монгольскому письменному *qutbaŋ* "три", *ebül* "зима".

В калмыцком языке нет такого фонетического изменения, которое было бы свойственно только одному какому-либо говору. Точно также и эти фонетические изменения [o], [e] не являются чисто дербетскими, как [y], [ɣ] - варианты не являются чисто торгутскими особенностями. Так, в торгутском говоре встречаются слова, в которых взаимодействие [ə] и [ɣ] дало [e], например, монг. письм. *ebüger* "старик", торг. *евген*; монг. письм. *ebüsün* "трава", торг. *евсен*.

Палатализация гласных

В торгутском говоре наблюдаются изменения гласных твердого ряда [a], [o], [y] в гласные мягкого ряда [ə], [e], [ɣ]. Например, *ежмен* "яблоко", *енес~енс* "замок", *мелее* "кнут", *хөлмег*

"калык", тургелке "течь", ср. соответственно дерб. алмын, он'с, калаа, калыг, тургылы. Изменения твердорядных гласных в мягкорядные обусловлены палатализирующим влиянием исторического гласного [i], например, монг. письм. talki, торг. талке "скула", монг. письм. tanil "знакомый", торг. тенел, монг. письм. sabidur "светлый, светло-серый", торг. цевдер.

Палатализация гласных в торгутском говоре — одна из основных дифференциальных признаков этого говора, в то время как палатализация согласных является одной из дифференциальных признаков дербетского. Различие говоров калмыцкого языка по твердости и мягкости гласных или по наличию твердорядных и мягкорядных лексических параллелей явление позднего происхождения. Даже старокалмыцкая письменность, известная своей приближенностью к разговорной речи, не сохраняет данные, указывающие на существование сингармонических параллелей.

Хотя дербетский говор также знает палатализацию гласных и переход слов из твердого ряда в мягкий, как например, монг. письм. bagi "держки", торг. дерб. берхе "держать"; монг. письм. sarisun "плева, тонкая кожа", торг., дерб. сарсен, монг. письм. targin "тонкий, утонченный, сложный", торг., дерб. нерен, наряду с этим палатализация бывает не по линии гласных, а по линии согласных, и тогда перехода слова в другой сингармонический ряд уже не наблюдается. Например, монг. письм. salkin "ветер", дерб. салкын; монг. письм. aliman "яблоко", дерб. алмын; монг. письм. aligan "ладонь", дерб. алкын, монг. письм. tanil "знакомый", дерб. таң'ыл. Палатализация согласных в дербетском говоре является одним из дифференциальных признаков этого говора, в противовес палатализации гласных в торгутском.

В словах же, исторически содержащих в первом слоге сочетания $\Gamma+(g)j+\Gamma$, которые в процессе образования долгих гласных получили палатализацию гласных и всего слова, говоры калмыцкого языка также испытывают некоторые различия, например, монг. письм. *ujitagan* "узкий, тесный", торг. утхен, дерб. уутхын; монг. письм. *ujidburi* "тоска, скука", торг. уудвер, дерб. уудыр; монг. письм. *agali* "характер, нрав", торг. ээле ~ ээл', дерб. аал'.

В торгутском говоре имеются также слова, отличающиеся отсутствием палатализации, например, дакаад "затем, потом, еще", таким "коленный стиб", такырхи "стянуться, скричиться (о конечностях)", тамкы "табак", закурхи "успокоить, приструнить", маңырсын "лук", но они не всегда последовательно выступают в твердорядном варианте и некоторые из них, в зависимости от местных подговоров, могут выступать в обоих сингармонических рядах, например таким ~ төкем, акрымдыхи ~ экрем-дехе, тамкы ~ төмке, макур ~ мөкер, такырхи ~ төкерхе. Несмотря на внутриворонные параллелизмы, твердорядные варианты подобных слов являются одним из дифференциальных признаков торгутского говора, потому что в дербетском говоре и его подговорах встречаются только мягкорядные варианты, например, дэкаэд, төмке, ээргүүлхе и т.д. Подобные лексические параллели, видимо, объясняются вариативностью старописьменного монгольского [i], т.е. зависели от того, произносился ли в подобных словах [i] или [i̥].

Следует отметить, что одним из отличительных особенностей между калмыцкими говорами является различное развитие

дифтонга -ай в конце калмыцких слов. В торгутском говоре этот дифтонг развился в долгий гласный твердого ряда [aa], а в дербетском - в мягкий [ээ]. Например, монг. письм. *погаi* "собака", старописьм. калм. *нохой*, торг. *нохаа*, дерб. *нохэа* монг. письм. *малагаi* "малахай, шапка", торг. *махлаа*, дерб. *махлэа*; монг. письм. *тагнаi* "лоб, чело", торг. *магнаа*, дерб. *магнаэ*. В дербетском говоре этот конечный [ээ], встречаясь в словах твердого ряда, не оказывает палатализирующего влияния на другие гласные и выступает как нейтральный гласный. Однако конечный -ай (ой) двух, - и более сложных слов старокалмыцкой письменности не всегда дают в торгутском долгий [aa], а в дербетском нейтральный [ээ]. Исключения составляют некоторые слова, встречающиеся в цаатанском и других подговорах торгутского говора, а также в бузавском, икидербетском подговорах дербетского говора, в которых дифтонг -ай, развившись в долгий мягкий [ээ], повлиял на мягкость всего слова. В результате слова из твердого ряда перешли в мягкий ряд, например, монг. письм. *такiја* "курица", старокалм. *такай*, цаат. *тэкэе*, буз. *тэкэе*; монг. письм. *загаi* "свинья", старокалм. *хахай*, цаат. *хэхэе*, буз. *хахаа*; монг. письм. *тагаi* "наш", торг., буз. *манаа*, дерб. *манэе*, икидерб. *менэе*.

Представляет интерес палатализация заимствованных слов, которые иногда употребляются наряду с собственными словами, например, *тэрлек*, "тарелка". *тэтрээд* "тетрадь", *бээн* "баня", *кэвээргер* ~ *кэвээртр* "квартира", *зэрнэе* "зерно", *пэтер* "фатера, квартира", *эвтэек* ~ *эвтэек* "аптека".

Палатализация вокализма этих слов произошла под влиянием различных условий. Так, например, слова *тэрлек*, *зэрнэе*, *пэтер*, *эвтэек* перешли в мягкий ряд под палатализирующим влиянием мягко-

рядной фонемы [e]. Слово бээн "баня", сюда же можно отнести слово тегрээд "тетрадь", палатализовалось под влиянием мягких согласных н', д'. Слово же кэвээртер ~ кэвээртр "квартира" -- под влиянием гласной [и].

Д е л а б и а л и з а ц и я. Исследуемому говору также известны некоторые случаи делабиализации, то есть ослабления или утраты огубленности. Изменения гласных по линии ослабления губной работы больше всего характерны для средних [оо], [өө] непервых слогов. Например, старокалм. долоон "семь", торг. долаан, старокалм. долоо "возжи", торг. жолаа, старокалм. дөрөө "стрема", торг. дөрөө.

Средние огубленные гласные первого слога не подвергаются делабиализации и сохраняют свое основное качество.

Не в пример средним гласным, узкий [y] первого слога может часто утрачивать огубленность и переходить в узкий нелабиальный [и], например, бус ~ бис "пояс, ремень", бурчиихе ~ бирчиихе "морщиться".

В отношении делабиализации гласного [y] и перехода его в [и] торгутский говор сохраняет особенности монгольского письменного языка, который знал делабиализацию узкого гласного [ü].

Следует также отметить делабиализацию узкой гласной [ü] ([ö]) в сочетаниях *kyi (öji)* в процессе образования долгих гласных, например, монг. письм. *kijitan* "холод, мороз", торг. киитен, монг. письм. *kijisün* "пупок", торг. киисен; монг. письм. *kijileg* "рубашка", торг. киилег. Представляет интерес также делабиализация вопросительной частицы уу (үү), иуу, например, иовлуу ~ иовлии? "ушел ли?",

ирлүү ~ ирли "пришел ли?", йовх йуу ~ йовх йий? "пойдет ли?" ирх йуу ~ ирх йий? "придет ли?".

Также наблюдается делябиализация гласной уу (үү) в утвердительно-усилительной частице -уус (-үүс), соответствующей русской частице же. Например, авлуус ~ авлиш "взял же", брал же", келлүүс ~ келлиш "говорил же".

СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Система согласных торгутского говора имеет следующие фонемы: [б, в, г, һ, д, ж, з, й, к, л, м, н, ң, п, р, с, т, х, ц, ч, ш]

Система согласных фонем исследуемого говора по участию активных органов речи распадается на следующие группы :

1. Губные согласные: б, в, м, п

2. Языковые:

а/ переднеязычные: [д, з, л, н, р, с, т, ц, ш]

б/ среднеязычные: [ж, й, ч]

в/ заднеязычные: [г, к, х, ң]

3. Язычковые /увулярные/: [һ]

В зависимости от того, какое участие принимает голос или шум в образовании звуков, согласные делятся на сонорные: [й, л, м, н, р] и шумные, которые, в свою очередь, делятся на глухие: [к, п, о, т, х, ц, ч, ш] и звонкие: [б, в, г, һ, д, ж, з].

Характеристика согласных.

Губные согласные.

[б] - является губно-губным звонким смычным. В начальном положении слов, слога она бывает взрывной, отчетливо звонкой, например, бадыр "метис", бодды "сталь", ботаахаа "судак", бурмы "мост", бэрне "ладь, клавиатура". В середине слова встречается в сочетании мб, бб /бб/ в словах типа: домбы "кувшин" Замбаа - имя Замба, аббаа ~ авбаа "взял". В конце слова может встречаться как остаточное явление от исторического глагола би "есть", например, камб ~ кэмб "кто?", йумб ~ йумб "что?". В цаатанском подговоре также встречается в конце слова в качестве личной местоименной частицы

при спряжении глаголов, например, кремб ~ крембѵ "я пришел", одымб ~ одымбѵ "я пошел, я пришел туда", егемб ~ егембе "я дал", где м - видоизмененный аффикс глагола прошедшего времени - в - б (-бе, -бы) - это местоименная частица первого лица единственного числа, ср. лит. ирвев "я пришел", где первый -в- соответствует цаат. -м-, а второй -в- - цаатанскому -б.

В звукоподражательных словах конечный [б] сохраняет свои основные качества, хотя нередко переходит в [в], например, шоб-шав (шав-шав), шоб-шоб (шов-шов), чиб-чиб (чив-чив) - подражания звукам капли.

В уральском, оренбургском подговорах исследуемого говора конечный [б] сохранился и в других категориях слов, например, урал., оренб. аб "возьми", ср. торг., лит. ав: урал., оренб. даб "перевал", ср. торг., лит. дав: урал. тэб, оренб. тэб= "положить", ср. торг., лит. тэв ~ тэвев

Исторически эта фонема соответствует монгольскому письменному взрывному звонкому [b], которая, в зависимости от позиционных и комбинаторных условий, могла быть, видимо, и глухим, и смычным, и целевым. В интервокальной позиции, в сочетании с сонорными согласными, эта фонема переходила в [м] и [в], например,

монг. письм.

arbiŋ

niŋbu =

abdaga

babaga

кеве =

торг.

эрмег ~ эрвегг "жир на животе"

нудме = "плевать (ся)"

авдыр "сундук"

бавдыр "лохматый"

кэве = "жевать"

В результате исторического развития согласного [б] в исследуемом говоре, как и в калмыцком литературном языке, поя-

виделись согласные [п], [в], [м].

монг. письм.

qubi

nilbusun

küb

торг.

хуве "часть, доля, счастье"

нүлемсен "слезы"

күв "большой ушат, маслбойка"

[п] - губно-губной смычный глухой согласный, встречается в начале слова или слога. Например, пид-пид гихе "шлепать, издавать звуки падения чего-либо мокрого", пуускыхы "хвалиться", паанцгыды "валить (о дыме)", пив-пив гихе "издавать звуки лопания, взрыва чего-либо".

В данном говоре, как и во всем калмыцком языке, [п] является фонемой позднего происхождения и имеет весьма ограниченное употребление, да и то в основном встречается в изобразительных и оноματοпоэтических словах. Монгольский письменный язык не знал фонемы [п]. Те слова, в которых наблюдается эта фонема, соответствуют старописьменным словам с [б].

Однако в уральском, оренбургском подговорах встречается частое употребление губно-губного глухого [п]. Чаще всего он бывает в конечной позиции слова и в середине перед глухими согласными, ср. урал. хорыпчй "наперсток", торг., лит. хурывчй; оренб. апчй каад "вязь", торг., лит. авчй каад; урал. хопцын "одежда", кэпте "лежи", торг., лит. хувцын, кэвте.

Употребление глухого [п] сближает указанные подговоры с икидербетским и бузавским подговорами дербетского говора. Возможно, это результат взаимовлияния всех указанных языковых подразделений, так как известно, что в первые годы Советской власти в Калмыкии носители первых и других подговорцов переселившись на территорию, где проживали носители вторых, смешались с последними.

Однако, несмотря ни на что, следует отметить, что губно-губной глухой [п] перед глухими согласными в конце слова является остаточным от старописьменного монгольского [b]. При этом глухой [п] носителями торгутского говора и литературного языка вообще воспринимается не как вариант [б], а как вариант щелевого [в], ибо в исследуемом говоре и литературном языке в указанных позициях наблюдается только [в].

[в] — губно-губной звонкий щелевой согласный, встречающийся в середине и в конце слов, например, таваа "сковорода", тавыг "ступня", товруун "мелкие, сапожные гвозди", довыгг "бугорок, холмик", йовуу "ракушка, раковина", ирвэ ~ ирвэ ~ ирвээ "пришел", одвы ~ одвы ~ одваа "пошел, ушел".

В начале слова эта фонема не встречается. В заимствованных словах в инициальной позиции произносится как [б]. Например, Бааля "Валя (имя)", Болодь "Володя (имя)", баал'ыгг "валенки".

В монгольском письменном языке фонемы [в] не было. Об этом свидетельствует тот факт, что старомонгольская письменность не имела специального знака для передачи этой фонемы. Не имела своего графического знака эта фонема и в более усовершенствованной старокалмыцкой (заяпандитской) письменности, за исключением галика для заимствованных слов. Поэтому современный [в] соответствует монгольскому письменному [b] в интервокальной позиции. Будучи щелевым вариантом [b] в интервокальной позиции, эта фонема не имела различительной функции, но с началом редукции последующих гласных этот вариант вылился в самостоятельную фонему и приобрел фонематическое значение. Сравните:

МОНГ. ПИСЬМ.

dabusag
debisker
debei
ebüdüg

ТОРГ.

давоыг "мочевой пузырь"
дэвескер "подстилка"
дэвөө "луг"
эвдег "колено"

В очень редких случаях [в] из [b] развился, т.е. ослабился до полного выпадения и последующего образования долгих гласных как, например, монг. письм. *kebeli* "живот", "утроба", торг., лит. кээле; монг. письм. *debel*, торг., лит. дэвел "шуоа", монг. дээл; монг. письм. *kebe* = "жевать", торг., лит. кэве =

Исследуемый говор, кроме гуоно-губного [в], имеет также губно-зубной согласный [в]. Это, видимо, объясняется тем, что калмыцкое население повсеместно владеет русским языком, поэтому артикуляционные навыки русского языка начинают применяться параллельно с артикуляционной базой родного языка в калмыцкой речи. Утверждение Д.А.Павлова о том, что в окружении сонорных и звонких согласных "фонема в приобретает губно-зубной оттенок"¹ вызывает сомнение; ибо, насколько известно, нет ни одного губно-зубного сонорного, могущего повлиять на [в]. Что касается звонких согласных, то они ни по способу, ни по месту образования не тождественны губно-зубному [в], чтобы оказать на него какое-то влияние в том смысле, чтобы губно-губной звук стал губно-зубным.

В позиции перед глухими согласными этот губно-зубной, иногда губно-зубной [в], очень часто выступает в глухом варианте и звучит как [ф]. Ср., кэвтхе "лежать", дефтхе "размокать", дэфхе "пинать", дофтылхы "скакать", шуфтылхы "сдирать".

1. Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста, 1968, стр. 97.

[м] - губно-губной смычной носовой сонат, встречается во всех позициях слова: в начале, в середине и в конце, например, медден "тысяча", нулемсен "слына", тээрэм "мельница", мөөлхө "блеять", экем "моя мать", эрдэм "специальность".

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [m].

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>
semežin	сэмжйн "сальник"
namirra	намйрһн "иней"
neteg	нэмер "затишье", "укрытие"
temege	тэмээн "верблюд"
eretdeg	эредег "изъян, недостаток".

Исследуемый говор знает также [м] более позднего происхождения, исторически соответствующий губно-губному смычному [b] монгольского письменного языка. Например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>
naβci	намчй "лист, листва"
βecin	мөчйн "обезьяна"
teβene	тэмье "иголица, большая игла"

Кроме этих губных согласных в исследуемом говоре, правда, очень редко, но встречается губно-губной щелевой согласный [ф], который наблюдается в основном в конце слова в междометиях: пуф - пуф "фу-фу (при запахе, пыли)", в образительных словах: пуф - пуф гих "бахвалиться", но все заимствованные губно-зубные [ф] заменяются [п], например, Пээдер "Федор (имя)", кспчи "кофе", пунт "фунт".

Я з ы к о в ы е согласные

Переднеязычный [д] - смычковый звсиккий согласный, встречается

во всех позициях слова, например, доцндаан "крик, пенге (гусей, лебедей)", дацдаар "займы, в долг", дорвы "кожаная сумка, сумка", ондаан "другой", манаад "охраняя", ирээд "придя".

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [d], который также употреблялся во всех позициях слова, например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>
dolugan	долаан "семь"
budag	будыг "краска"
degere	дэвэре "наверху"
ködege	код өө "степь"

В исследуемом говоре эта фонема не зависит от фонетического окружения, никогда не встречается в мягком варианте, ср. димии "так, просто, зря", диилхе "победить".

Однако в этом говоре (особенно в подговоре цаатанов) наблюдается мягкий палатальный вариант [d'], который является результатом деаффрикатизации мягкой аффрикаты [ʃ], например: долаа "возжи", келдц' "сказав", дулаа "плиточный чай", дахыр "якорь", даалыг "сом", дулвы "жолоб", но этот мягкий вариант [d'] воспринимается носителями говора как аффриката [ʃ], и вышеприведенные и им подобные слова произносятся то с [ʃ], то с [d'], а иногда и вовсе трудно разобрать [ʃ] или [d]. Палатальный [d'] фонематической роли не играет.

[з] - целевой звонкий согласный, встречается в начальной и срединной позиции слова. Например, зузаан "толстый", зорхын "барсук", зуузаа "задник", (обуви)", зэнкер "медный купорос", базныр "свойки".

Эта фонема соответствует монгольской письменной аффрикате [ʃ] перед всеми гласными, кроме [i].

МОНГ. ПИСЬМ.

ᠵᠠᠷᠯᠢᠭ
ᠻᠠᠵᠠᠭᠠᠳᠠᠭ
ᠠᠵᠠᠳ
ᠵᠠᠳᠠᠭᠲᠠᠳ

ТОРГ.

зэрлᠢᠭ "приказ, указ, изречение"
хазаар "узда"
азды "дерзкий, наглый, нахальный"
заᠶᠢᠷмыг "виски, волосы на висках"

В положении перед гласным [i] согласный [ᠵ] развился в данном говоре в [ж], но благодаря перелому гласного [i] в некоторых случаях сохранился как [з]. Например.

МОНГ. ПИСЬМ.

ᠵᠢᠷᠢᠭ
ᠵᠢᠳᠠᠰᠢᠨ
ᠵᠢᠳᠠᠨ
ᠵᠢᠵᠡᠭᠢᠨ
ᠵᠢᠪᠡ

ТОРГ.

зурыг "рисунок, картинка"
захсын "рыба"
заан "слон"
зэкуун "прохладно, холодно"
зэве "ржавчина"

Следует отметить также, что в данном говоре наблюдаются некоторые чередования [з] ([с])//[д], например, цаат, һазыр "наружный, наружность, внешность, верх, корка, переплет", торг. һадыр; торг. дойᠢᠭ "выкуп", эмен дойᠢᠭ кээᠶᠢкке "сделать, внести выкуп за (свою) жизнь", но ср. сөххе "менять".

Также встречается парное выражение селээд~делээд "менять, обменивать". Кроме того, что эти и подобные им чередования носят функциональный характер, они еще имеют значение межговорного отличия. Хотя в исследуемом говоре встречаются выражения селээд~делээд "менять, обменивать", дойᠢᠭ "выкуп", однако в разговоре чаще всего употребляется форма сөххе, а в

1. О чередованиях см. Т.А.Бертагаев. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., "Наука", 1969.

Г.Ц.Пюрбеев. Функциональное чередование звуков в монгольских языках - ВЯ, 1971, № 3.

дербетском же говоре - форма долхы.

[л] - переднеязычный щелевой звонкий сонант, встречается в любой позиции слова: в начале, в середине, и в конце, например, лоңхи "флакон, банка", лавшг "ряса, монашеское одеяние", худсын "камыш", чолуун "камень", арһууд "тихо, медленно", сурууд "чубук, мундштук для трубки". Кроме такого [л] исследуемый говор знает также мягкий [л'], который встречается в словах мягкого ряда, например, хите "календарь", күргүтүе "доставка", күрел "бронза", зэмбел "корзина, сумка", а также [л] встречается в словах, которые исторически содержали в себе гласный [i]. Причем мягкость [л'] не зависит от дальнейшей судьбы этой гласной. Независимо от того, редуцировалась эта гласная или вовсе выпала, [л'] всегда удерживает свою мягкость. Например,

МОНГ. ПИСЬМ.

milaga

aliman

aligan

ТОРГ.

мэлэе "плеть, нагайка"

элмен "яблоко"

элхен "ладонь"

Также [л'] встречается в положении перед согласными [ж, ч, ш], например, далчй "гвоздика" (пряность)", болжй "хватит", болшгаа "не получится", булчнр "мускулы". На основе этих примеров можно сказать, что мягкий [л'] не что иной как комбинаторный вариант твердого [л]. Б.Я.Владимирцов также склонен был видеть в монгольском письменном языке "два различных звука" [л], но фонема была одна. В торгутском говоре мягкий [л'] не является самостоятельной фонемой, потому что не имеет смысловозначительной функции. Слова: буул = "прорвать, проколоть", бууль = "хваля", тууль = "брыкаться, подп-

рыгивать", туул = "поносить", написанные в соответствии с нормой современной орфографии, не составляет минимальную фонематическую пару, так как не отражает единое произношение, которое можно передать так: буулы=, буулы', туулы =, туулы =.

Таким образом, [л] и [л'] — два варианта одной фонемы [л]. Надо думать, что [л'] не составляет самостоятельной смысловоразличительной фонемы и в дербетском говоре. Таким образом, оба варианта [л] торгутского говора соответствует монгольскому письменному [л], для обозначения которого имелся всего один знак.

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
адула	уулы	"гора"
гегел	гэрел	"свет"
qajila-	хөөле-	"таять, плавиться"
саqал	сахыл	"борода"
өлзөи	өлзөө	"счастье"

В исследуемом говоре, особенно в воюго-каспийском и цаганском подговорах, фонема [л] очень часто, особенно в начальной позиции слова, чередуется с сонорным смычным носовым согласным [н]. Например, ношкы "колышка" (вм. лошкы), Нижи́ - иня (вм. Лижи́), нацы "сургуч" (вм. лацы), теене "звездочка, пятно на лбу, прижигание" (вм. тееле), кэрендехе "ругать" (ся)" (вм. кэрендехе), сэрежэ́н "марля, тель", (вм. сэрежэ́н). Чередование [л] // [л'] было свойственно и монгольскому письменному языку. Например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
телекеи ~ телекеи	мэклээ	"лягушка"
таплай ~ тапнай	маннаа	"лоб"
таплай ~ тапнай	таднаа	"небо"

В монгольском письменном языке, кроме подверженности палатализации и чередованию, известны были случаи исчезновения фонемы л. ¹ Подобное же явление наблюдается и в торгутском говоре. Например, болшйгаам ср. дерб. болшйгоолим "не получится же" бөөнем "есть же, ведь есть же" ср. дерб. бөөнээлем, хааһаатаа "закрыто" ср. дерб. хааһаатаа.

[н]- смычный звонкий носовой сонант, встречается во всех позициях слова. Например, нонуун "приторный", Нимгер - няя, наццых "дядя", нанды "мне", заан "слоя", санаан "дума, мысль", таны "перламутр".

Эта фонема соответствует согласному [п]монгольского письменного языка, например,

<u>монг. письм.</u>	<u>торг.</u>
пайтан	наэмен "восемь"
петпей	нэмнээ "попона"
сумин	сумын "стрела"
тинган	мэинген "тысяча"

В исследуемом говоре конечный [н] характеризуется некоторой неустойчивостью и в положении перед словообразовательными, словоизменительными аффиксами часто выпадает, например, мерен "лошадь", мердгд - мерчй, шовуун "птица" -- шовууд, модын "дерево" - модтаа, тосын "масло", - тостаа, ямаан "коза" - яма (вин.пад.) хөөн "овца" - хөө (вин.пад.). В положении перед губными [б] и [м] переходит в губно-губной [м]. Например кен + би > кембй ~ кемб "кто?", йун + би > йумбй ~ йумб "что?", ахин + мини > ахими ~ ахиминй "моего брата, братнин".

1. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 36.

Кроме такого твердого [н], в торгутском говоре встречается иногда мягкий, *палатализованный* [н']. Палатализованный [н'] соответствует в монгольском письменном [н] в положении перед гласным [i], например,

моыг. письм.

торг.

sunija =

сунаахи ~ сун^аахи "потягиваться"

инин

ун^ин "шесть"

инижар

унаар "марено"

инижэдүн

инээдэн ~ ин^ээдэн "смех"

қанижэдүн

хэнээдэн ~ хэн^ээдэн "кашель"

Первый и последние примеры, в основном, встречаются в говоре эркетенов. Наличие палатализованного [н] в торгутском говоре лишний раз подтверждает слова А. Бобровникова, который отмечал еще в XIX в. что, "если выбрасывается гласная и, согласные буквы удерживают свое мягкое произношение. Например, халиху "летать", хальху; алибулаху "шалить", альбууху."¹

Таким образом, торгутскому говору известна не только палатализация гласных под влиянием [i] и переход слов из твердого ряда в мягкий, но и палатализация согласных, считающаяся одной из дифференциальных признаков дербетского говора. Следует отметить, что ни одно фонетическое изменение не происходит только в одном говоре, не касаясь других. Эти изменения происходят во всех говорах, только в разной степени.

Палатализованный [н] встречается также в положении перед среднеязычными согласными [ч, ж], например, ун^чхи "висеть, болтаться", ен^чн "сирота", ун^жаархи "быть тягучим, медлительным", ен^жхе "чередоваться".

1. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 36.

[p] - звонкий дрожащий сонант, употребляется в середине и в конце слова. Например, аршаан "святая вода", карааг "щеголь, щеголеватый", авдыр "сундук", гэдгер "прогнутый, с откинутой назад головой", карамаа "палки для езды на санях, лыжные палки", хормаа "подошвы, полы". Эта фонема соответствует согласному [p] монгольского письменного языка.

МОНГ. ПИСЬМ.

qabaduᠭи

sonuᠭ

seriᠭᠠᠨ

torᠭᠠᠨ

ТОРГ.

хавдыр "опухоль"

сонур "чуткий"

сэрүүн "свежий, прохладный"

торһнн "шея"

Фонема [p] также отличается своей неустойчивостью. Если в слове имеется два или несколько [p], то второй из них часто переходит в [x]. Например, күркере~күркеле="рычать" < монг. письм. *kurkire*= ; оркыры~оркылы~өркеле="реветь, кричать" монг. письм. *orkira*= ; баркыры~баркылы~бөркеле="кричать, вопить" < монг. письм. *barkira*= ; иркере~иркеле="стонать" < монг. письм. *irkire*= . Наблюдается также выпадение фонемы [p], например, оркы~оркы="положить", монг. письм. *orki*=; ути "длинный" < монг. письм. *urtu* .

Фонема [p] в начале слова не встречается, поэтому в заимствованных словах перед начальным [p] ставится такой же гласный, какой следует за [p] в заимствованном слове, например, араам "рама", арабоот "работа" или же часто происходит перестановка начального [p]. Например, эрбоот "ребята", арбоот "работа".

[c] - щелевой глухой звук, употребляется во всех позициях слова, например, селеве="перекрещивать", сожй "выдающийся", сиичй="резать, изрезать", садһсын "экскремент", насын "лета, годы, жизнь", мис "кошка", чис~чисе "мест".

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [s] во всех позициях, за исключением случая, когда монгольский письменный [s] находится в положении перед гласным [i]. Например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>
sonin	сенен "новость"
sön	сөңг "лед, ледяные горы, айсберги".
küsel	күсел "желание, стремление"
tusa	тусь "полезьа, полезность"
tengis	тэңгес "море"

Фонема [s] в сочетании с гласным [i] соответствует в исследуемом говоре промежуточному звену [ш].

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>
iskir'e-	иштер= "свистеть"
esile-	ишле= "насаживать на черенок"
isipe	ишке "козленок"
sirkeg	ширкег "щетина, хвоя"

Все [ш], образовавшиеся из [s] в положении перед [i], в торгутском говоре сохраняются независимо от дальнейшей судьбы гласного [i], независимо от выпадения или перелома гласного [и].

Исследуемый говор знает также и мягкий, палатализованный [с'], который встречается в словах мягкого ряда и напоминает собой русский [с'] в словах сено, Сибирь, например, сикке "себяги", семжэн "сальник", сэджел "душа", Сэаклеэ - имя, но этот палатализованный [с'] выступает как вариант [с], и никакой фонематической роли не играет.

[т]- глухой смачный согласный, употребляется во всех позициях в слове, за исключением абсолютного конца слова, например, точаа "волчок", токуут "привески для волос", тотхы "верхний

косяк двери", ботаахаа "судак", тутырһы "рис".

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [t], например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
taŋɔɕin	таңһчй	"народ"
tabaɔ	тавыг	"чаша"
ɔtiigen	эткен	"густой"
niɕug~niɕug	нутык	"родина, владение"
tataɕur	татуур	"поддруга"

Монгольский письменный [t] был очень близок с [d] и при их обозначении на письме никакого различия между ними не проводилось. По-видимому, к этому периоду относятся чередования [t]//[d] в современном калмыцком языке в словах типа торг. тошыхы "скользить, кататься" и дерб. дошыхы.

[ɕ] — глухая смично-щелевая аффриката, встречается в начале и в середине слова, например, цэвер "чистый", цээр "карантин; запрет", цацуу "ровный, равный", цекце "чарка", цокты "тело, фигура, рост", оцлы "хромой".

Фонема [ɕ] торгутского говора соответствует в монгольском письменном [ɕ], который, по словам Б.Я. Владимирцова, "приближался к айратскому ч и был аффрикатом, произносимым с легким придыханием".¹ Например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
ɕalma	цалмы	"лассо, аркан"
ɕaldar	цалдыг	"неаккуратный, неосторожный"
ɔnɕug	энцег	"угол (напужный)"
ɔnɕa	энцэ	"отдельно"

1. См. Б.Я. Владимирцов. Узв. соч., стр. 405.

Как можно заметить из этих примеров [ц] соответствует [с'] в положении перед всеми гласными, кроме [i]. Шипящая аффриката [с'] в позиции перед [i] сохраняет свое основное качество, но в связи с выпадением гласного [i] или переломом гласного, согласный [с'] иногда переходит в [ц], например, монг. письм. *šisun*, торг. цусун "кровь"; монг. письм. *šidqitaš* "сплав, слиток", торг. цутхмыр; монг. письм. *šiduɮ* "собирать(ся)", торг. цутлы.

[ш] - целерой глухой согласный, встречается во всех позициях слова, например, шигшг "конусообразно сложенный камыш", шаршг "дикий гусь", шальшг "лямка", шомша "чих (игра)", шойны "болтать, бормотать (о детах)", хаш-хаш "отрада, твор", хаша "сарай, скотная база".

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [š], например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>
<i>šalaqa</i>	шаннэ "полсвник, поварешка"
<i>bugaš</i>	буныш ~ бухыш "кувшин, кринка"
<i>šor</i>	шор "штык, острое"
<i>šatu</i>	шаты "сруб"

Также фонема [ш] соответствует монгольскому письменному [s] перед гласным [i], например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>
<i>sibagun</i>	шовуун "птица"
<i>siba-</i>	шавы- "мазать, замазывать"
<i>singun</i>	шонхыр "сокол"
<i>sibagun</i>	шовыр "острый, остроконечный"

Исследуемому говору известен также [ш], соответствующий в

других говорах [ч] перед [и], например, шитвер "рогожа", дерб. читвер, талкыны = "тремь, прохотать", дерб. тачкыны; шитлег "бундук, орех", дерб. читлег. Иногда наблюдается [ш], соответствующий даже [ц], ср. шииген ~ чииген ~ цикиген "цыган" нэмеш "немец". Последние особенно наблюдаются в говоре цаатанов и приволжских торгутов.

Среднеязычные

[й] – среднеязычный целевой звонкий сонант, встречается, в основном, в середине и начале слова, например, йалмын "тушканыч", йасен "кость, род, происхождение", дайдыл = "махать:махать", найын "восемьдесят", уйдыл "шов, строчка", сайн "миллион".

Фонема [й] торгутского говора соответствует монгольскому письменному [j], который встречался во всех позициях слова, например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>
tajaз	тайыг "палка, посох, трость"
josun ^{ноён}	байыг "богатый"
суузу	сойае "клык, бивень"
josun	йосын "закон, обычай, нравы, традиция".

Что касается конечного [j] монгольского письменного языка, то он в торгутском говоре, как и вообще в калмыцком языке, слился с предыдущим гласным, образовав долгий гласный, например, монг. письм. тогай "змея", торг. тогаа, монг. письм. тогай "локоть, изгиб, излучина", торг. тогаа, монг. письм. тогай "лаворонок", торг. тогаа, монг. письм. сугай "тымарск, гребенчук, изюминник", торг. сугаа, монг. письм. кёндэй "полый, пустой, просторный", торг. кёндэе.

Также наблюдается в торгутском говоре выпадение монгольского письменного [j] в середине слова в сочетаниях гласный плюс [j] плюс гласный (Г+ j +Г). Исчезновение [j] сопровождается образованием долгих гласных. Такой [j] соответствует интервокальным [a, o, u] и является одним из ступеней развития этих звуков, так, например, монг. письм. qajircaq ~ qajircaq "ящик, сундук, ларец" > торг. хээ рцег; монг. письм. айца ~ айца "вык, груз, бремя" > торг. ацаа ~ ацаа. Иногда наблюдается выпадение [j] в начальной позиции слова, например, монг. письм. жеке "большой", торг., дерб. ике, монг. письм. жеги "вообще, обыкновенно", торг. йирин, икидерб. ирин. В торгутском говоре, наряду с утратой более древнего [j], наблюдается сохранение [j] более позднего периода, соответствующего гласному [i] в начале слова, например,

МОНГ. ПИСЬМ.

imaqan
ibaqi
ižaqir
irügel

ТОРГ.

йимаан "коза"
йовуу "ракушка, раковина"
йовуур "род, происхождение, корень"
йерезя "тост, благопожелание".

По-видимому, этот [j] является остаточным явлением после перелома гласного [i]. Примером такого полного и частичного перелома может служить монг. письм. ižaqir "корень, род, происхождение", развившийся в торгутском и дербетском в "конец, вершина, острое", и в торг., дерб. йовуур "корень, род, происхождение".

Следует также отметить о том, что в результате отпадения конечных гласных в торгутском говоре [ʒ] ([ij]) стал появляться и в

конце слова. Например, йовийаа ~ йовий "пойдем", келийэе келий "скажем".

[ч] - среднеазиатский глухой смычнощелевой согласный, употребляется в начале и в середине слова, например, чисе "шесть", чирхээт "прямой, стройный; жердь", ч өчү - "вздрогнуть от неожиданности", отчү "костоправ", чолуун "камень", чоны "волк".

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [č] в положении перед гласным [i], например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
čirig	ЧИГ	"влага, сырость"
čirigad	ЧИРЕГ	"сильный, крепкий"
ičir	ИЧҮР	"стыд, совесть"
ičigen	ИЧЭН	"спячка"

В результате перелома гласного [i] фонема [ч], оказавшись перед другими гласными, в большинстве случаев сохраняет свою палатальность, например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
čilarun	ЧОЛУУН	"камень"
čičirür	ЧӨЧҮҮР	"лом, пешня"
čidür	Ч ӨДӨР	"тренога, кандалы"
činli a	ЧОНЫ	"волк"

В торгутском говоре иногда наблюдаются случаи перехода [ч] в [ц], в результате выпадения или перелома последующего гласного [i] например, монг. письм. čičiqital "сплав, слиток", торг. цуткымыр; монг. письм. čiqul = "собираться", торг. цутлы -

В цаатанском подговоре, отличающемся чаканьем, перехода [ч] в [ц] не наблюдается, несмотря на перелом следующего за [ч] гласного [i], ср. цаат. чэекен "немногочисленный",

торг., лит. цэекен ; цаат. чалмы "аркан , лассо", торг., лит. цалмы; цаат. бучулы= "кипеть", торг., лит. буслы; цаат. ча хаан "белый", торг., лит. цахаан.

Как было сказано, [ч] встречается только в середине и начале слова. Исключением составляет местоименная частица - ч , выступающая как аффикс второго лица единственного числа при спряжении глаголов, например, дуулич, ингем, дуулы "пой, друг мой, пой!", бэрич "держи, держи-ка".

[ж] - среднеязычный звонкий смичнощелевой согласный, встречается только в начале и в середине слова, например, жикшээн "омерзение, отвращение", жалаа "слизь", жидит "маленький, хилый, слаборазвитый", шогжі "маленький нож", жэ дилхе "жевать".

Фонема [ж] торгутского говора, как и других калмыцких говоров, соответствует монгольскому письменному [ж], для которой характерной позицией было положение перед гласным [i], например,

МОНГ. ПИСЬМ.

ТОРГ.

жimes

жимес "фрукты, овощи"

жилуга

жолаа "вожжи, повод"

живир

живер "крыло"

дегүжиле=

дудиле= "вешать, подвешивать"

Фонема [ж], соответствующая монгольской письменной [ж] перед [i], в результате выпадения или перелома этого гласного, оказавшись перед другими гласными, в большинстве случаев сохраняет свое основное качество - палатальность, например, монг. письм. жилвуга= "облазить, линять", торг. жулвуга; монг. письм. жилуга "вожжи", торг. жолаа; монг. письм. жигуга "иноходь, иноходец", торг. жораа. Но также немало

примеров, свидетельствующих о переходе [д] в [з] в результате перелома последующего гласного [i], например, монг. письм.

ᠵᠢᠭᠳᠢᠭᠠᠨ "шесть", торг. зурһаан, монг. письм. ʒiᠭᠳᠠᠭᠢᠨ
"рыба", торг. заһсын ~ йаһсин; монг. письм. ʒiᠳᠠ = "показывать, указывать", торг. заа =

Заднеязычные

[г]- заднеязычный звонкий смычный согласный, употребляется во всех позициях в слове, например, гэдэртгээн "назад, обратно", гэрде- "отрицать, отказываться, отпираться", чимег "украшение", гилгер "гладкий", гоогаа "ребенок, дитя (детский яз.)", бариг "волкодав; дворняга".

Исторически эта фонема соответствует монгольскому письменному [ᠭ], который употребляется во всех позициях мягкорядных слов, например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
ᠭᠡᠷᠭᠡᠨ	гэргээн	"жена, женщина"
ᠭᠡᠷᠡᠮᠳᠡᠭ	эремдэг	"изъян, недостаток"
ᠪᠡᠷᠭᠡᠨ	бэргэн	"тетя, старшая сноха"
ᠪᠡᠯᠡᠭ	бзлег	"борожба, гадажке"

В словах же твердого ряда заднеязычный смычный [ᠭ] встречается большей частью в конце и в середине слова и реже в начале, например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
ᠪᠢᠯᠠᠭ	булыг	"родник, источник"
ᠪᠣᠯᠵᠠᠭ	болзыг	"срок, пора"
ᠪᠠᠭᠯᠠ =	баглы =	"связывать, группировать"
ᠪᠢᠯᠠᠮᠠᠭ	булмыг	"салма"

Эта фонема в зависимости от сингармонической рядности

может быть разноместной. В мягкорядных словах бывает более продвинутой вперед, чуть ли не до зоны средняязычных звуков. В словах же твердого ряда — более отодвинутым назад.

При изменении слова, при наращении словоизменительных, словообразовательных аффиксов, конечный согласный [г], оказавшись в середине слова, в основном сохраняет свой смысловый характер, но встречаются случаи перехода в проточный звонкий [h]. Он чаще наблюдается в дербетском говоре, где процесс этот не зависит от того, к какому ряду относится слово. В торгутском же говоре такой переход еще не завершен, существуют лишь варианты со смычным [г] и с проточным [h], но в торгутском говоре процесс развивается именно в этом направлении. Например, торг. бэегээд ~ бээһээд "бывши (ср. дерб. бөөһөөд), торг. гүүгээд ~ гүүһээд "заставивши бежать" (ср. дерб. гүүһөөд), торг. суугаад ~ сууһаад "севши, сидя", (ср. дерб. сууһаад), торг. кэээнеэгээ ~ кэээнеёһөө "в древности" (ср. дерб. кэээнеёһөө).

Эта особенность согласного [г] нашла свое отражение в орфографии старокалмыцкой (заяпадлитской) письменности, когда этот звук перед согласными и в конце заднерядных слов передавался знаком *г*, но стоило слову измениться и согласному [г] оказаться перед гласными, как он писался уже как [h] *а* например, *цаг* "время" > *цаһаас*.

[к] — заднеязычный смычный глухой согласный, встречается в начале и в середине слова. В зависимости от артикуляционных условий эта фонема может выступать как в палатальных, так и непалатальных оттенках. Например, кишйг "счастье", кэрсен "корка, кожура", күшел "крыса", коруу "иной", котруун "складка

на верхнем веке глаза", кооная ~коонная "коньки".

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [k], который встречался в соседстве с мягкими гласными, особенно с гласным [i].

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
eke	эке	"мать"
sedkil	седкал	"мысль, душа"
kiragi	куруу	"иней"
kiijleg	киилег	"рубашка"

По-видимому, Б.Я.Владимирцов имел в виду также и торгутский говор, когда, характеризуя монгольский письменный [k], писал, что "монгольско-письменный k был меднопалатальным, как это наблюдается и теперь в ойратских говорах.¹

В старописьменном монгольском языке [k] встречался в основном в мягкорядных словах. В твердорядных словах [k] встречался только в сочетании с гласным [i].

В торгутском же говоре эта фонема может употребляться в сочетании со всеми гласными, т.е. как в словах мягкого ряда, так и в словах твердого ряда, например, кийтен "холод, холодно", керее "пила", карааг "манерный", Коокуу - собственное имя, кэде = "говорить".

Употребление заднеязычного [k] с гласными твердого ряда объясняется переломом гласного [i] в сочетаниях ki, ср. монг. письм. kiragi "иней" > торг. кооруу; монг. письм. kij а "ады-тант" > торг., лит. каа; монг. письм. kij ал = "разгромить, истребить" > торг., лит. каалы =; монг. письм. kiru = "резать, шинковать" > торг., лит. кури . Там, где такого перелома нет, слова под

1. Б.Я.Владимирцов. Указ. соч., стр. 404.

влиянием гласного [i] из твердого ряда, как известно, часто переходили в мягкий ряд. Однако, в подговоре цаатанов наблюдается редукция [i] без большого изменения слова, ср. монг. письм. *tamaki* "табак" > торг., лит. тамке, цаат. тамкен; монг. письм. *takira* = "сводить, стягивать (о судорге)" > торг., лит. тэкрет цаат. такры=; монг. письм. *takim* "подколенный стиб" > торг., лит. тэкем, цаат. такым.

Это, видимо, объясняется тем, что монгольский письменный [i] под влиянием твердого окружения в цаатанском подговоре в подобных словах провозносился в твердых оттенках. Возможно, это отражение древнего твердоязычного [i], еще не слившегося с мягкорядным [i].^I

Следует отметить также, что в торгутском говоре встречаются случаи перехода [к] в [х], какие мы наблюдаем в других монгольских языках и говорах, например, монг. письм. *qajikira* "кричать" > торг. хэекере~хэехере; монг. письм. *geki* = "кивать" > торг. гэкеед~гэхэед "кивая".

По степени употребления [к] и [х] говор приволжских торгутов (бывш. Бага-Цохуровский улус, ныне Истинский район и торгуты в Астраханской области) можно назвать [к]-говором, по мере удаления от Волги и углубления в степь начинает превалировать употребление [х] вместо [к]. Различие [к] и [х] наблюдается в основном в аффиксе принадлежности -кен (кы) ~ -хен (хы), например, манаакы~манаахы "наши, наинские", элестикен~элестихен "элистинские, элистинцы".

[х]- заднеязычный целевой глухой звук. Употребляется в середине и в начале слова. Например: холууы "поплавок",

I. См. Б.Я. Владимирцов. Указ.соч., стр. II9-II20, I22.

хорди "пеликан", хотхнр "низина, внемка", хавхи "кашкан", бота-
ахаа "судак", х_оо_ове "весло", ху_трээ "сухой", х_ол_ое = "смотреть"
тохи = "седлать", босхи = "ставить, ставить на ноги".

Как все заднеязычные согласные звуки, эта фонема отличается
большой подвижностью по горизонтальной линии "переднеязычный-
заднеязычный", которая зависит от того, к какому ряду относит-
ся слово. В словах мягкого ряда эта фонема бывает сильно прод-
винутся вперед, например, ху_трээ "напильник", хур_ме "пир, сла-
дба", х_оормег "кефир", х_оо_ое = "таять, плавиться". В словах же
твердого ряда наблюдается более заднеязычные оттенки, например,
хорин "яд, отравя", хуур "скрепка", хоол "пищевод", хатууч_и
"скупой", хаалхи "дорога", хамхуул "колочка, перекачи-поле".

Следует отметить, что граница движения по горизонтальной
линии довольно-таки большая. Эта подвижность вызывает для учас-
тия в артикуляции этого звука, разные активные органы: сближение
задней части спинки языка с границей твердого и мягкого нёба;
сближение задней части спинки языка с мягким нёбом и язычком;
сближение задней части спинки языка с язычком. В зависимости
от стиля речи, от особенностей говорящего эта фонема в твер-
доязычных словах может быть то заднеязычной, то увулярной, то
промежуточной, т.е. заднеязычно-увулярной. Поэтому, видимо, будут
правы и те, кто относит эту фонему к заднеязычным, и те, кто
относит ее к увулярным.

Исторически эта фонема соответствует монгольскому письмен-
ному веларно-заднеязычному смичному [q], который употребляется
в словах твердого ряда, например,

МОНГ. ПИСЬМ.

ГОРГ.

qabur

хавыр

"весна"

qojag

хойвр

"два"

qoŋqa	хонхы	"колокольчик"
qoŋiqa	хораа	"комната"

В торгутском говоре фонема [x] может встречаться и в словах мягкого ряда. Наличие [x] в мягкорядных словах объясняется переходом слов из твердого ряда в мягкий, в результате палатализирующего влияния гласного [i] на состав гласных всего слова, например, монг. письм. qalimaŋ "галмык", торг. хэлмег ~ хэлмег; монг. письм. qatagi "чирей, фурункул", торг. хэтэг; монг. письм. qai "хай, крик", торг. хее (уу - хее болхы) "поднять хай, поднять плач и крик"; монг. письм. qajisi "ножницы", торг. хээчи .

Г.Д. Санжеев вполне справедливо отмечает, что в "торгутском диалекте имеется звук h - звонкий гортанный спирант, напоминающий немецкий глухой h в слове haben - иметь (По определению *Sivers'sa*, немецкий h - звонкий). Появился этот спирант x в положении перед гласными o, в свою очередь находящимся перед слогом, в котором имеется или, точнее, имелся гласный [i], претерпел изменение. Процесс происходил следующим образом: гласный заднего ряда o в положении перед слогом с i перешел в передний ряд и превратился в гласный ö, а так как согласный h не встречается в словах переднего ряда, то он и превратился в гортанный спирант h, например,

хогил → хөрйи → һөрйи - двадцать
 хогл → хөрл → һөрл - запретить
 хонил → хөйи → һөн - овца.

Следует оговориться, что в торгутском диалекте h не является самостоятельной фонемой и оказывается лишь комбинаторным вариантом спиранта же [x] в случаях, только что нами отмечен-

ных".¹

Надо отметить, что этот гортанный спирант [h]² перестал быть чисто торгутской особенностью, ибо сфера его употребления на сегодня очень расширилась. Во-первых, этот спирант уже не является особенностью того или иного говора, а свойствен всему калмыцкому языку. Во-вторых, он может встречаться не только с позиции перед [e], но и перед [a, э, ү, о, у].

Артикуляционный диапазон этого спиранта довольно широк как по щелиности, напряженности и ненапряженности, так и по месту образования. Ср. *Һойр* "два", *Һоосин* "пустой, порожний", *Һавдыр* "опухоль", *Һур* "дождь": *Һээр* "мелкий, неглубокий", *Һүүрээ* "сухой".

Объяснение Г.Д.Санжеевым причины фарингализации несочетаемостью [x] и [o] для того времени, возможно, было правильным, но в наше время, когда наблюдается фарингализация [x] и с другими гласными и даже гласными заднего ряда, с которыми [x] исторически сочетался, надо думать, не совсем правомысленно.

В разговорной речи под влиянием последующих гласных или вокализации (тем более, что артикуляция фрикативного [x] не противоречит одновременному произношению следующего гласного) происходит расширение щели, что вызывает ослабление (редукции) [x] и переход его в [h].

Вполне возможно, что со временем этот [h] совсем исчезнет как некогда исчезли старомонгольские начальные фарингальные. Если этого не случится, то только лишь благодаря письменности.

1. Г.Д.Санжеев. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., АН СССР, 1940, стр. 17.

2. Здесь мы пользуемся знаком цитируемой литературы.

[ң] — заднеязычно-увулярный смычный носовой звонкий согласный, встречается в середине слова перед согласными [г, к, х, һ] и реже перед согласными [ш, н, с, з, д] и другими и в конце слова. Например: маңдырси "лук", саңсырһы "копоть", заңһы "журавль, подъемник, кран", моңдыт "глупый", саңһаа "челка", саңһаа (һаа) "давеча", маңһым "порода диких гусей", аңзыры = "рассыпаться, разваливаться".

В зависимости от последующих согласных фонема [ң] может принимать различные оттенки. Так, в положении перед согласными [г] и [к] выступает с заднеязычным оттенком, например: чоңһы "клевать", цоңһыт ~ цоңһаат "затылочная яма", Гонһааһыма, ангиһы "звериний".

В положении перед переднеязычными согласными [ш, с, н, з, д] и другими эта фонема бывает продвинутой вперед, например, маңһаа "лоб", соңһы = "слушать", аңһаа = "быть треснутым, потрескиваться", шоңһыкыр "остроносый, выживающий", онһаан "другой", цоңһааһы "высовываться, приподнимать голову". Представляет интерес слово һаңһы = "визжать, скулить", где, несмотря на последующий мягкий [һ], [ң] звучит как в положении перед заднеязычно-увулярным [һ]. Это, видимо, объясняется предыдущим [һ] (гармония согласных). Особенно, даже очень продвинутой вперед, эта фонема бывает в мягкорядных словах как, например, сәңһен "чашка", мәңһеке "охотиться, промышлять", тәңһеке = "окрепнуть, развиваться", гәңһәә "гәһыт, поп", сәңһелке "отрывать".

Глубоко-заднеязычный и увулярный оттенки проявляются в позиции перед согласными [х], [һ], например, дарыңһы "противоположные", хоңһы "колокол", тоңһаа "задняя часть телеги",

солнцнм "радужное сияние", хоцнрыг "сухой овечий помет". Исторически эта фонема соответствует монгольскому письменному [ŋ], например, монг. письм. соу "тост", торг. сөцг; монг. письм. *sihɣag* "провода", торг. сундууг; монг. письм. *konkegeɮ* "пещера, грот", торг. кәңгәәд; монг. письм. *saɣasun* "птичий помет, экскремент", торг. саңснн.

В старокалмыцкой письменности эта фонема передается сочетанием двух знаков (знака для [н] и знака для обозначения [г]) знаком ζ , что наталкивает на мысль о сложности старописьменного [ŋ]. Таким же сложным знаком обозначалась эта фонема и в старокалмыцкой (заянцунтской) письменности.

В торгутском говоре эта фонема также представляет сложный звук, составные части которой, по нашему мнению, лучше передать как [н.] плюс [г] (или в зависимости от последующих звуков будут оттенки [h, x, k] и др.) Произносится при смыкании задней части спинки языка с мягким небом или увулой при опущенной небной занавеске, в результате чего воздух проходит через полость носа. В конце слова или в положении перед согласными [г, к, h, x] и гласными небная занавеска после небольшой выдержки снова поднимается, выключая носовой резонатор. Воздух идет уже не через полость носа, а через полость рта и размыкает сомкнутые органы речи, в результате создается дополнительный эффект заднеязычного согласного [г], например, анг "зверь", шаңг "казна, государство", теңг "коленная чашка", сөңг "не парный, один", тунгнн "корня", ангнн "зверя, звериний".

Таким образом, торгутская фонема [н.] имеет эксплозивный отступ. В дербетском же говоре такой эксплозии нет и небная занавеска не поднимается до тех пор, пока не прекращается

поток воздуха. Поэтому дербетская фонема [н] в отличие от торгутской, произносится без дополнительного эффекта [г] и носит чисто носовой характер, например, аң "зверь", шаң "казна, государство", тең "коленная чашка". Исключение составляет положение перед гласными, где появляется в дербетском говоре дополнительный эффект согласного [г] и фонема [н] становится назально-ротовым, например, дерб. уң "корень", но уңгин "корня", тең "коленная чашка", но теңгин. Что касается положения перед переднеязычными согласными, то эксплозии не бывает, язык после смычки принимает положение, необходимое для произношения переднеязычных звуков. Здесь говоры калмыцкого языка друг от друга не отличаются.

Как можно было заметить из сказанного, в исследуемом говоре наблюдаются случаи употребления [н] с согласным [г] и без него. В связи с этим следует отметить также употребление [г] вместо [н]. По нашему мнению, здесь произошло что-то наподобие деаффрикатизации, утраты носовой части согласного [н], например, хорж'гны- "храпеть, хрикать", ем. ожидаемого хорж'нны; курж'гне- "греметь", ем. курж'нне; тарж'гны- "тархтеть" ем. тарж'нны. Здесь мы замечаем, что утрата первой носовой части и появление [г] вместо [н] наблюдается даже в такой позиции, как перед переднеязычными согласными, где менее всего улавливалась вторая часть [г] фонемы [н].

Б.Я. Владимирцов отмечал, что на "халхаской почве монг. письм. ng перед следующим n развилось в $г$. В данном случае в халхаском наблюдается не ассимиляция, а наоборот, диссимиляция: \dot{n} (ng) теряет свой назальный элемент перед следующими носовыми и превращается в заднеязычный смычный $г$." I.

I. Б.Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 348.

В торгутском говоре, как и во всем калмыцком языке, наблюдается переход переднеязычного [h] в заднеязычный [h], например, монг. письм. *senis* = "слышать", торг. соңсы, торг. уны = "падать", но уңһаа = "валить, ронять", торг. суны = "вытягиваться, протягиваться", но суңһууг "провода".

Язычковые (увулярные)

[h] – увулярный смычный звонкий согласный звук, встречается в начальной позиции слова. В середине же слова эта фонема встречается только после заднеязычно-увулярного носового [ŋ]. В конечной позиции эта фонема может встречаться в звукоподражательных словах. Ср. һурхлуу "овраг, ложбина", һуужимли "птенчик", һасни "коя", һаңһы "зной", һаңһыр – һуңһыр "разговор, беседа", маңһаар "похмелье", һааһ-һааһ – звукоподражание (гусь), бөөһ – бөөһ – звукоподражание (вороне).

Эта фонема соответствует монгольскому письменному [ɣ], который встречался в словах твердого ряда, и, по предположениям Б.Я. Владимирцова, передавал велярно-заднеязычный смычный и велярно-заднеязычный проточный звуки, например,

<u>МОНГ. ПИСЬМ.</u>	<u>ТОРГ.</u>	
дoлґаi	һолһаа	"кишка, шланг"
дaсiдuп	һаһуун	"горький"
дuгbалдu	һурвылһы	"сова"
дaнґа	һанзы	"трубка (курит)".

В торгутском говоре также наблюдается смычный и проточный варианты этой фонемы. Проточный вариант обычно встречается в середине слова в интервокальном и предвокальном положении, например, торһаа "жаворонок", шаазһаа "сорока", шаһаа "альчик", буһһын "соболь", һолһаа "кишка, шланг", торһын "шелк".

Если в середине слова гласный, следующий за этой фонемой, в результате каких-либо причин, выпадает, то эта фонема, оказавшись в положении перед согласными, особенно перед глухими, переходит в глухой проточный х например, арыхсын (~ арыхсын) "аргал, кизяк", захсын (~ захсын) "рыба", балыхсын (~ балыхсын) "город".

Проточный вариант фонемы [h], по-видимому, имелся также в старокалмыцком языке, потому что в старокалмыцкой письменности знак [ɣ], передающий звуки [г] и [к] в конце и в середине слова перед согласными, оказавшись в положении перед гласными, заменялся знаком [ɣ̣], который передавал звук [h]. Таким образом, и в старокалмыцком языке существовали смычный и проточный варианты фонемы [h], как это наблюдаем в торгутском говоре. Проточный вариант никакой фонематической роли не играет. Надо полагать, что этим качеством он не обладал и в старокалмыцкой письменности. По всей вероятности, именно этим можно объяснить отсутствие специального знака для него.

Долгие согласные

В исследуемом говоре наблюдаются двойные согласные, которые образовались в результате различных фонетических изменений.

Во-первых, в результате выпадения редуцированного гласного между двумя переднеязычными смычными носовыми согласными [н]. Ср., хунн "трехлетний", монг. письм. *ɣунап* ; тун "правда", "истина", монг. письм. *инел* ; денн "четырёхлетний", монг. письм. *dönen* ; санн "решив, подумав", монг. письм. *сапап* , унн "улав", монг. письм. *ипап* ; манн "карауля", монг. письм. *тапап* .

В зависимости от степени редукции неясного гласного подоби-

ные слова произносятся двояко: һунн - һунни, унн - унен, денн - денен и т.д. В первых случаях, когда наблюдается полное исчезновение неясных гласных, образовались двойные согласные. При артикуляции этих согласных смычка кончика языка с передними зубами бывает более длительной, чем при кратком /нормальном/ согласном. При этом где-то на стыке согласных происходит неполное приподнимание небной завязки /которая при артикуляции [н] бывает обычно опущенной/, что прерывает работы голосовых связок или вызывает еле уловимое интонационное варьирование, что показывает неполное слияние этих согласных. Совершенно иная картина, если за этим двойным [ни] следует гласный. Ср., санная "думает" < саны+наа; унная "упадет" < уны+наа; зацная "капризничает" < зацны+наа; шарццнная "бренчит" < шарццны+наа и т.д. Здесь мы наблюдаем полное слияние согласных.

Во-вторых, встречается геминация других близких или одинаковых согласных, чаще на стыке, если корень /основа/ оканчивается на согласный, а следующий за ним аффикс начинается с согласного. Зачастую конечный согласный корня /основы/ имеет после себя редуцированный гласный. Но этот гласный никакого препятствия образованию двойных согласных не оказывает, например, харсы+сын > харсыснн "защитивший", тосы+сын > тоссык "встречавший", хаты+цыг > хаттыг "осыхающийся", мæдæ+дæг > мæддæг "знающий", гилевке+хе > гилевкке "сверкать", морге+хе морекке "бодаться", муутхы+хы > мууттыккы "заловаться", нæатхе +хе > нæатхекке "чихать", он'н ы+хы > он'ндыккы "обратить внимание".

Двойные согласные образуются также при сочетании совершенно разных согласных - переднеязычных смычных [т, д] с аффри-

катами [ж, ч]. Такое сочетание в основном наблюдается на стыке основы, оканчивающейся на указанные согласные, и аффикса - жĭ, - чĭ. Согласный [т] в положении перед звонким палатальным [ж] переходит в мягкий [тʲ], но, в свою очередь, влияет на [ж] по глухости, в результате чего [ж] изменяется в глухую аффрикату [ч]. Затем палатализованный [тʲ], сливаясь со смычной частью [ч] /тʲч/, создает долгую смычку [ч:] Признав долгую смычку за основной признак долгой аффрикаты [ч:], мы передаем это сочетание знаком [ч:] Примеры:

хач:ĭ /хатʲ:чĭ/ < хаты+жĭ "высох, засох"
 шач:ĭ /шатʲ:чĭ/ < шаты+жĭ "горел"
 дѣфч:ĭ /дѣфтʲ:чĭ/ < дѣвте+жĭ "размок, размокнул"
 шафч:ĭ /шафтʲ:чĭ/ < шавты+жĭ "ранен"

Согласный [д] основы под влиянием палатальной аффрикаты [ж] переходит в мягкий [дʲ] и, сливаясь с начальной смычной частью аффрикаты [ж] /дж/, образует долгую аффрикату [ж:], например,

мѣж:ĭ /мѣдʲ:жĭ/ < мѣде+жĭ "узнав, узнал"
 сѣж:ĭ /сѣдʲ:жĭ/ < сѣде+жĭ "думаю, желаю"
 иж:ĭ /идʲ:жĭ/ < иде+жĭ "кушал, ел"
 куж:ĭ /кудʲ:жĭ/ < куды+жĭ "наворотил, натворил"

Аффриката [ж] в положении перед согласным [д] утрачивает свою целевую часть и переходит в [д /дʲ/]/дезаффрикатизация/, который с последующим [д] образует долгий [д:], ср., ундĭ+дыг > ундʲдыг ~ унд:ыг "вислящий", эжĭ+дѣен > эждѣен ~ эд:ѣен "своей бабушке".

Сочетания аффрикат жж, чж, шж, чч по причине сложности их артикуляций не могут слиться в один долгий [ж:] или [ч:] и т.д. Поэтому первые согласные этих сочетаний утрачивают

свои щелевые части и переходят в смычные [д],[т], которые со смычной частью вторых согласных /аффрикат/ образуют долгие аффрикаты [ж:], [ч:] и т.д. Ср.,

бичй+жй	>	бит':чээнээ~бич:ээнээ	"пишет"
мааж +жй	>	маад':жй ~ мааж:й	"царапая"
саж +жй	>	сад':жй ~ саж:й	"тряся, вытряхая"
керчй+жй	>	керт':чй ~ керч:й	"резал"

Глухой ффрикативный [с] при сочетании с предшествующими переднеязычными смычными [т],[д] приобретает узкощелевое и даже смычное начало. Такое смычное начало, сливаясь со смычными [т],[д], последний из которых сразу оглушается перед глухим [с] и переходит в глухой смычный [т], образует долгий [т:], а все сочетание смычного долгого [т:] и смычно-начального щелевого [с] образует долгую аффрикату [ц:], например,

хац:ян	<	хаты+сын	"засохший"
уц:ян	<	ути+сын	"выкуривавший"
оц:ян	<	оды+сын	"ходивший"
мерц:ен	<	мерде+сен	"выследивший"

Все перечисленные выше и другие случаи геминации являются продуктом прогрессивной или регрессивной ассимиляции в результате стечения согласных, которым, на наш взгляд, более соответствует термин "двойные согласные".

В исследуемом говоре также встречаются, правда, не часто, геминаты, образованные не в результате скопления согласных, а в результате позиционного удлинения обычного согласного, и наблюдаются, в основном, в интервокальном положении как в корневых, так и в некорневых слогах. Ср., Чоппаа - собственное имя, Кокка - собственное имя, Саккаа - собственное

имя, Бадда - собственное имя, һашпааш-кашпааш "маленький, низкорослый", зашпуу "фартук, передник", чашпуур "цапля", гагтаа "красивый, нарядный" "детское слово", еэгтаа "неопасно, нестрашно", чоббаан /эрт/ "чабан", коппы "кофе", аккаад "удивительно, интересный", люббой "любой", одлууд "звезды", моддууд "деревья" и т.д.

Геминацию в указанной позиции, видимо, необходимо рассматривать в связи с процессом образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г, в связи с историей сочетания Г+С+Г, ибо долгие гласные, как и любое изменение, причины которого лежат в артикуляции, встречают противодействие, вызванное консервативностью языка, стремлением к сохранению существующей формы слова, а в конечном итоге - стремлением к сохранению информации. Как известно, интервокальное положение для согласных является слабой позицией. Согласные в указанной позиции более всего подвержены ослаблению, редукции, утрате качественных признаков вплоть до полного исчезновения. Поэтому геминация интервокальных согласных, как противодействие долгим гласным, происходит по причине необходимости укрепить эти согласные, оградить их от редукции, ибо редукция и последующее исчезновение их создадут скопление гласных и в дальнейшем - образование долгих гласных.

Следует отметить, что исследуемый говор и калмыцкий язык в целом, не дают достаточного материала для более убедительного доказательства причины геминации, потому что они, как и другие монгольские языки и диалекты, будучи менее консервативными в отношении долгих гласных, не очень стремились к сохранению интервокальных согласных, к сохранению первонача-

льно созданной формы слова.

В тюркских языках, в которых образование долгих гласных не получило такого широкого развития, как в монгольских, и во многих из них еще нет долгих гласных, можно найти достаточно примеров геминации интервокальных согласных — одной из эффективных мер против редукции интервокальных согласных и образования долгих гласных. Однако в тюркологии вопрос геминации интервокальных согласных еще не получил своего решения. Один из крупнейших зарубежных тюркологов В. Банг писал: "... что касается удвоения звука, то оно является пока книгой за семью печатями".

Н.К. Дмитриев в своем исследовании двойных согласных в тюркских языках говорит, что "происхождение туркменских и кумыкских долгих согласных пока еще не объяснено".¹

Ф.А. Абдуллаев отмечает, что "причины, вызвавшие удвоение согласных /геминацию/, пока еще не выяснены".²

А.М. Щербак пишет, что "причины возникновения последнего типа геминации /имеется в виду геминация в интервокальном положении — Н.У./ или собственно геминации, остаются до сих пор неясными".³

1. Н.К. Дмитриев. Двойные согласные в тюркских языках. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. ч.1 Фонетика, М., АН СССР, 1955, стр. 262.

2. Ф.А. Абдуллаев. Указ. соч., стр. 125.

3. А.М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. П., "Наука", 1970 стр. 104.

Каждый из указанных исследователей пытался разрешить причину возникновения геминации согласных в интервокальной позиции. Однако вопрос так и оставался открытым, хотя некоторые из них были близки к решению этой проблемы.

Близко подошел к разрешению этого вопроса Ф.А.Абдуллаев, указывавший, что "генетически оба эти явления — долгота гласных и удвоение согласных — теснейшим образом связаны между собой и выполняют какую-то сходную функцию". ... Долгота гласных в огузском наречии нередко компенсируется в кипчакском удвоением согласных, но нередки и случаи, когда долгота гласных соответствует гласному обычной долготы: ог. и:ш, кипч. ыш "работа"; ог. а:д, кипч. ат "имя"; ог. ку:ръ, кипч. курь "сухой"; ог. до:ль, кипч. толь "полный" и т.д.¹

Далее автор отмечает, что в подавляющем большинстве случаев геминация происходит на стыке первого и второго слогов независимо от того, является ли второй слог корневым или он относится к аффиксу и объясняет это стремлением к укреплению первого слога, тенденцией к сохранению корневого вокализма. Однако затем автор пишет: "С точки зрения укрепления вокализма корня значительный интерес представляют приведенные из узбекского языка примеры в работах проф. А.Г.Гулямова: зўрраттан "насилу", қайтаттан "снова", бойаттан "с давних пор" и т.д. /здесь ссылка на докторскую диссертацию А.Г.Гулямова "Проблемы исторического словообразования в узбекском языке", 1958, стр. 126/. Нам кажется, что причины появления второго/т/ кроются в стремлении к укреплению корневого вокализма и в потребности грамматической дифференциации. Роль удвоения согласных в дифференциации значений весьма ощутима, ср. тапк. бошқадан

1. Ф.А.Абдуллаев. Указ. соч., стр. 130-131.

"от другого", бошқаттан "сначала", кипч. эль "его народ", эль "пятьдесят"; ог. эль и эль".¹

Стремления к сохранению корневого вокализма, конечно, отрицать нельзя, но в данных случаях прежде всего речь должна идти об укреплении /сохранении/ интервокального согласного, чтоб сохранить облик слова, информацию и, конечно, корневой вокализм.

Что касается смысловозначительной роли долгих согласных, то Ф.А.Абдуллаев, затем А.М.Щербак правильно это подметили, и в этом ничего особого нет, поскольку фонематичность долгих гласных является общепризнанным фактом. Точно также происходит фонологизация долгих согласных.

А.М.Щербак также справедливо предполагает, что геминация развилась как вспомогательное средство, обеспечивающее качественную устойчивость согласных в интервокальном положении, и является, таким образом, одной из форм выражения интенсивности: геминированные согласные более сильные и более устойчивые в качественном отношении, чем обычные согласные.

В отличие от Н.К.Дмитриева, справедливо утверждающего, что удвоенными согласными могут быть или сонорные или шумные глухие согласные, А.М.Щербак признает геминацию в основном за сильными шумными согласными, которые в интервокальном положении могут выступать "только в геминированном виде, при отсутствии же геминации происходит ослабление сильных согласных и частичное озвончение, ср. чуваш, шаппар ~ шабар "метла", вйттер ~ вйдер "сквозь".²

1. Ф.А.Абдуллаев. Указ. соч., стр. 135.

2. А.М.Щербак. Указ. соч., стр. 104.

Казалось бы, что А.М.Шербак должен рассматривать геминацию дальше в связи с историей интервокальных согласных, в связи с историей сочетания Г+С+Г, однако автор, вслед за К. Менгесом, несколько отклонился в сторону ударения и говорит о существовании корреляции разновершинных слогов, что в "слогах с вершиной на консонантической части оно обусловило появление геминат".¹

Двойные согласные отмечаются Н.К.Дмитриевым в корнях слов, ср., туркм. гарры "старый", гарры-мак "стареть", кумык. оччам "тмин", қаққаа "долина", балка, азерб. аддым "шаг", сагтыз "мастика", эшшак "осел", тур. каşşук "ложка", уйххик "кольцо", чуваш. аппа "старшая сестра", суккяр "слепой", чечче "оспа", шакка "стучи" и т.д.

Автор также отмечает процесс удлинения, помимо корней слов, в аффиксальных элементах и связывает геминацию с "определенными морфологическими категориями": склонением существительных, второй /субстантивной/ формой прилагательных, сравнительной степенью прилагательных, причастиями, наречиями, глаголами и т.д.

Во всех приведенных автором примерах процесс удлинения согласных происходит именно в интервокальной позиции и не зависит от того, корень это или аффикс.

В выше указанной статье Н.К.Дмитриев отмечает, что "автор лучшей грамматики турецкого языка Ж.Дени слова аппе "мама", уassi "плоский", issi "горячий" и несколько других связывает с особой экспрессией речи".

Проф. А.Г.Гулямов, Т.И.Гаджиев также склонны объяснять геминацию экспрессией речи. Следует признать, что в словах

1. А.М.Шербак. Указ. соч., стр. 137.

экспрессивно-оценочного характера, в словах, передающих интонационно-эмоциональные окраски, иногда действительно наблюдаются случаи удлинения звуков, ср. русск. большу-у-щий дом, хоро-о-ший парень, калм. ики-и тенде баене "там далеко находится", акка-а-д "удивительный, интересный", лубой / күүн авхи / русск. "любой / человек возьмёт/".

По этому вопросу достаточно будет привести слова Ф.А. Абдуллаева. Он говорит: "Не отрицая роли эмоциональной речи в возникновении геминат, ... мы вынуждены признать, что многочисленные факты из различных тюркских языков, так же как и материалы живых узбекских говоров, убеждают нас в том, что основные причины возникновения геминат кроются не в стремлении придать эмоциональность речи, ибо, если исходить только из психологического фактора, то мы не в состоянии объяснить случаи удвоения, например, в числительных /йетть, саккыз.../ а также в словах типа: гечъ "роза", саққал "борода"...¹

Т.И. Гаджиев, вслед за Н.К. Дмитриевым и Ф.А. Абдуллаевым, говорит, что слова с геминатой здесь... образовались в результате соответствующего морфологического развития. Далее он снова возвращается к этой мысли и говорит: "Нам представляется, что удвоение согласных в тюркских языках является морфологическим способом выражения грамматического значения. То есть в своих истоках тюркская гемината была равносильна грамматическому показателю".² Попытка грамматизации долгих согласных, видимо, не будет иметь под собой твердой почвы, потому что трудно сказать, какое грамматическое значение имеют долгие согласные, например, в следующих кипчакских и

1. Ф.А. Абдуллаев. Указ. соч., стр. 131.

2. Т.И. Гаджиев. О происхождении геминат в тюркских языках. — Совет. Тюркология, 1970, № 6, стр. 26-27.

хотя мы допускаем, что в древнетюркских письменных памятниках более позднего периода они могли иметь некоторое место. Ф.А. Абдуллаев также предполагает, что "такое удвоение согласных возникло гораздо позже",¹ хотя отмечает некоторое отражение их в письменных источниках XIII-XIV веков, что, на наш взгляд, вполне возможно, потому что образование долгих гласных из сочетаний Г+С+Г в монгольских языках, акад. Б.Я.Владимирцов, Г.Д.Санжеев и др. относят также к XIII-XIV векам.

Из всего сказанного следует, что геминация интервокальных согласных - это один из путей развития сочетания Г+С+Г. Если в монгольских языках это сочетание дало, в основном, образование долгих гласных, то в тюркских языках это сочетание /Г+С+Г/ развилось по-разному: в одних языках оно дало долгий гласный, в других - долгий согласный, в третьих - и то, и другое вместе.

Изменения согласных.

Изменения согласных в потоке речи торгутов не представляют больших различий от тех изменений, которые наблюдаются в калмыцком литературном языке, так и в другом говоре калмыцкого языка - дербетском.

Так, в исследуемом говоре можно встретить различные виды полной и частичной ассимиляции согласных (как прогрессивной, так и регрессивной), которые наиболее ярко проявляются при прибавлении к основам, оканчивающимся на согласные или редуцированные гласные, различных словообразовательных и словоизменительных аффиксов, начинающихся на согласный. Не исключена возможность взаимовлияния и изменения согласных не то-

1. Ф.А.Абдуллаев. Указ. соч., стр. 126.

лько при словоизменении и словообразовании, но и в основе слова, в результате выпадения и скольжения редуцированных гласных и стечения качественно разных согласных.

В основе подобных изменений согласных, т.е. ассимиляции, /уподобления согласных друг другу/, видимо, опять-таки лежит закон экономии энергии, чтобы в процессе речи переход от одного звука к другому происходил как можно легче. Заметим, что ассимиляция может происходить: или по способу, или по месту образования, или по звонкости и глухости, при этом ассимиляция чаще всего бывает частичной (неполной) и реже полной. Однако не исключается возможность уподобления согласных одновременно как по способу, так и по месту образования, и по звонкости и глухости. В этом случае ассимиляция чаще всего бывает полной и реже частичной (неполной). В результате частичной ассимиляции акустическое звучание соседних согласных бывает сходным в том или ином отношении. При полной же ассимиляции акустическое звучание согласных бывает совершенно одинаковым, т.е. из двух разных звуков получается два качественно одинаковых звука.

Обычно классификация ассимиляций проводится в зависимости от того, какой из двух согласных (предыдущий или последующий) больше оказывает влияние, т.е. рассматривает прогрессивную ассимиляцию, регрессивную, прогрессивно-регрессивную и т.п.

Однако в исследуемом говоре, как нам кажется, основную роль играет не направление развития ассимиляции, а то, что произошло в результате ассимиляции, необходимо обратить внимание на качество сочетающихся согласных, и, в первую очередь, нам хотелось выделить взаимовлияние согласных по звонкости и глухости. Для исследуемого говора более всего свойственна

ассимиляция по глухости или, другими словами, оглушение согласных.

Оглушение. Мы наблюдаем оглушение согласных [д, з, в] в сочетаниях тд, дт, зт, зс, вт, вс, вч, вц, в большинстве случаев это оглушение не зависит от того, есть ли в указанных сочетаниях неясный гласный или нет. Например,

унттыг < унты + дыг	"спящий"
дэфттег < дэвте + дег	"размокающий, мокнувший"
кевүүтгөөн < кевүүд + те + өөн	"своим ребятам"
гэрестен < гэрэе + тен	"ваше окно"
үстем < үеэ + тем	"смотрите"
гэкедсхе < гэкедзэ + хе	"кивать"
доһыдсхи < доһыдзы + хи	"хромать, прихрамивать"
жиредсхе < жиредзэ + хе	"мелькать"
зүфкы < зувкы	"веки (глаз)"
олдстми < олзы + тми	"ваша выгода"
үссен < үзе + сен	"видевший"
болдстын < болзы + тин	"назначьте срок"
хүфтгээ < хүвэ + тгээ	"счастливым"
сүфтгээ < сүвэ + тгээ	"находчивый"
шүфтырхи < шувтырхи	"слезать, соскальзывать"
өфсен < өвсен	"трава, сено"
сүфсыи < суасыи	"жемчуг"
өфче < өвче	"обдирать, разделять тушу"
өфчүүн < өвчүүн	"грудь, грудинка"
хүфции < хувции	"одежда"

Также происходит оглушение звонкой аффрикаты ж в сочетании с глухими [к, ж, в] и переход ее в [ч] ср.

тахынчаанаа < тахын + х ^й + бөөнөө	"привыкать, приобретать навык, опыт"
дэлсчөөнөө < дэлсэ + х ^й + бөөмөө	"развешаюся"
борыхынчаанаа < борыхын + х ^й + бөөнөө	"взрослеет, музает"
сэхч ^й < сэхэ + х ^й	"открыл"
закч ^й < заки + х ^й	"приказав, дав наказ"
кэлехч ^й < кэлэ - х ^й	"связав, нанизав"
тэсч ^й < тэсэ + х ^й	"выдержав, стерпев"
зүсч ^й < зүсэ + х ^й	"нарезав дольками"

При сочетании звонкого смичного [г] с глухим проточным [х] происходит оглушение [г] в [к], однако проточный [х] под влиянием [г] ([г]) также переходит в смичный [к], образовав, таким образом, два [к] — [кк]

екке < егэ + хэ	"дать"
дөккэ < дөгэ + хэ	"баловаться, шалить"
нэккен < нэгэ + хен	"один, единственный"
дэлккэ < дэлгэ + хэ	"стелить"
сүүккэ < сүүгэ + хэ	"дуть, сифонить"
үмеккэ < үмгэ + хэ	"мять, разминать"
дууккэ < дүүгэ + хэ	"шуметь, дудеть; дить весело, шумно"
күреккэ < күргэ + хэ	"доставить; коснуться чем-либо"

При сочетании глухого проточного [х] с глухим смичным [м], утрачивает свою проточность и переходит в смичный [х] ср.,

зоккы < зокы + хы	"идти, соответствовать, гармонировать"
бөккэ < бөкэ + хэ	"гаснуть, тухнуть (о лампаде, свечах)"
цоккы < цокы + хы	"бить"
заккы < заки + хы	"наказывать, давать наказ, поручение"
гилевккэ < гилевкэ + хэ	"блестеть, сверкать"

долыфжкы < долывки + хы

"быть вертлявым, суетливым"

В дербетском говоре среднеязычные аффрикаты [ч, ж], смычные переднеязычные согласные [т, д] и шелевые переднеязычные согласные [с, з] основы при слиянии с аффиксами, начинающимися шелевым глухим [ш], ассимилируются полностью, причем неясный гласный исхода основы исчезает, например,

оды+ш + уга > ошшуга	"не пойдёт"
дасы+ш + уга > дашшуга	"не выучит"
тзе+ш + уга > тшшуга	"не увидит"
кэрчй+ш + уга > кэрешшуга	"не будет резать"
телдй+ш + уга > телешшуга	"не будет развиваться". ¹

Подобные изменения также свойственны и для торгутского говора, только аффрикаты [ч, ж] не всегда полностью ассимилируются с последующим шелевым [ш]. Иногда указанные аффрикаты утрачивают свой шелевой компонент, а оставшаяся смычная часть бывает в палатализованных оттенках, согласные [т, д] в указанной позиции также палатализируются, ср.,

хооджй+ш + уга > хоодшшуга ~ хоошшуга	"не потечет"
бичй+ш + уга > битшшуга ~ бишшуга	"не напишет"
марты+ш + уга > мартшшуга ~ маршшуга	"не забудет"
оды+ш + уга > одшшуга ~ ошшуга	"не пойдет"

Палатализованные согласные

Согласные торгутского говора в зависимости от твердости и мягкости слова выступают в палатализованных и непалатализованных оттенках. Палатализованные согласные являются комбинаторными вариантами непалатализованных и не несут смысловозначительной функции и появились в результате палатализирующего

1. См. А.Ш.Кичиков. Дербетский говор. Элиста, 1963, стр. 16.

влияния соседних мягкорядных гласных, например,

дурé =	"положить, спрятать"
урé =	"портиться"
сурé	"мужество, величие"
бүүрᠢ	"место, местожительство"
темеэн	"верблюд"
дерее	"лесница"
хисе =	"ограничивать, укорачивать"
гасе =	"терпеть, выдержать"
бүлкен	"молы, жалы"
гуякур	"клуб"
бүлүүр	"мутовка"

Однако, кроме указанных палатализованных согласных, имеются согласные, носящие межговорный характер и являющиеся одним из отличительных особенностей калмыцких говоров. Эти особенности восходят своими корнями к исторически существовавшему гласному [i], который в своем развитии в основном влияет на мягкость гласных, и слова под его влиянием часто переходят из твердого ряда в мягкий, например, монг. письм. *bari* > торг., дерб. баре "держки", монг. письм. *zadagi* > торг., дерб. сээрэ "круп, крестец", монг. письм. *dag'i* > торг., дерб. дэре "порох", монг. письм. *zadugi* > торг., дерб. сүүре "сиденье, место".

Кроме этого, развитие монгольского письменного [i] шло по линии палатализации согласных, например, монг. письм. *toti* > торг., дерб. тот'и "попугай"
монг. письм. *boti* > торг., дерб. бот'и "том"
монг. письм. *unijar* > торг., дерб. унаар "мираж, марево".

Но развитие [i] не всегда шло одинаково во всех говорах

калмыцкого языка. Иногда одно и то же слово в разных говорах развивалось в разных направлениях, так, например, старокалм. *qalmaq* > торг. халмет ~ халмет, дерб. халмыг "калмык"; монг. письм. *saekin* > торг. салкен ~ салкен, дерб. салкын "ветер", монг. письм. *tani* > торг. тене-, дерб. тань="узнать".

Разное направление в развитии гласной [i] послужило причиной возникновения диалектных различий по палатальности и непалатальности согласных. И следует сказать, что это отличие калмыцких говоров относится к позднему периоду.

В связи с палатализацией согласных под влиянием мягкорядных гласных, следует отметить и палатализацию под влиянием мягких согласных [ж, ч, ш, н]. Особенно подвержен палатализации перед указанными согласными переднеязычный сонант [л].

Например,

салжй	"расставшись, разлучавшись"
селдескэе	"женка"
саалчй	"доярка"
олдй	"найдя"
дууэлй	"снег"
олнгаа	"не найдет"
буялйг	"полушка"
балчйг	"грязь, слякоть"
далчй	"хорица"
туулэйи	"пятилетняя (о самке животных)"
туһылчй	"телятница"
хелйи	"калач, белый хлеб"
булчйнг	"икры, мышцы"
малнй	"его скот"
дэвелнй	"его зуб"

Кроме этого, также наблюдается палатализация других согласных перед указанными мягкими согласными, например,

күсчй	"желая"
малт:чй	"копая"
бержй	"держа"
базнй	"его свояк"
однй	"его звезда"
гэргнй	"в его доме"
хееннй	"после"
дэншйг	"копейка (русск.денежки)"
денжйн	"четырёхгодовая (о самке животных)"
һунжйн	"трехгодовая (о самке животных)"
берднй	"его снохе"

Эти согласные носят комбинаторный характер и не выполняют смысловозначительной функции.

Дезаффрикатизация. Среднеязычная аффриката [ч] при сочетании с глухими переднеязычными согласными [т, с] в отличие от дербетского говора, в котором она в указанной позиции переходит в глухой целевой [ш]¹) или сохраняет свои качества, или опять утрачивает свой целевой компонент и переходит в палатальный [т'] например,

ачй + тын > ачтын (ср. дерб. аштын)	"грузите"
бичй + сен > бит:сен ~ бичсен (ср. дерб. бишсен)	"написанный"
ичй + сен > ит:сен ~ итцен	"постеснявшийся"

В последних двух примерах целевой огласный [с] в положении после смычного глухого [т] имеет смычноначальную артикуляцию и создает эффект образования аффрикаты [ц] или же смычное

1. Особенности дербетского говора в основном заимствованы из "Дербетского говора" А.Ш.Кичикова

начало, сливаясь со смычным [т], создает эффект долгого [т:], который с последующим [с] образует [ц] с долгой смычной частью, который лучше передать сочетанием тц или т:с.

Аффриката [ж] в положении перед согласными [т, с] также утрачивает целевой элемент и переходит в мягкий [д'], например,

мааж ^й + сын > маад ^с сын	"царапавший"
сэж ^й + сен > сэд ^с сен	"заподозривший"
саж ^й + тен > сад ^т тен	"вытряхивайте"
боож ^й + сын > боод ^с сын	"окрепший, выросший (о младенцах)"

В дербетском говоре (в отличие от торгутского) в указанной позиции аффриката [ж] переходит в глухой целевой [ш], например,

мааж ^й + сын > маш ^ш сын	"царапавший" и др.

Звонкая среднеязычная аффриката [ж] в положении перед смычным переднеязычным согласным [д] в дербетском говоре переходит в целевой звонкий [ж], например, унж^й + дыг > унждыг "висящий". В отличие от этого в исследуемом говоре мы наблюдаем дезаффрикатизацию, т.е. утрату целевой части и переход ее в смычный переднеязычный [д' (д)], который, сливаясь с последующим [д], образует долгий [д:]. Ср.,

унж ^й + дыг > унд ^д дыг ~ унд:дыг	"висящий"
ээж ^й + дөөн > ээд ^д дөөн ~ ээд:дөөн	"своей бабушке"

Аффрикаты [ч, к] в дербетском говоре при сочетании с переднеязычными смычными согласными [д, н, т] переходят в [ш],

[ж], например, экч ^й + нер > экешнер	"сестры"
күч ^й н + тее > күштее	"мощный, сильный"
хеач ^й + лөөд > хеешлөөд	"разрезая ножницами"
Лиж ^й + хее > Лижлее	"с Лиджи"

В исследуемом говоре аффриката [ч] в указанной позиции не изменяется, ср.,

экчй+нер > экчнер	"сестры"
хөөчй+лаад > хөөчйлаад	"разрезая ножницами"
күчйн + лаад > күчйлаад	"приложив усилия"
ачй + лаад > ачйлаад	"вознаградив"
күчйн + гээ > күчтээ	"сильный, мощный"
кет:чй+нер > кет:чйнер	"кочинеры (родовое название)"

Аффриката [ж] в исследуемом говоре в данных позициях, в отличие от дербетского говора, не изменяется в щелевой [ж], а наоборот, утрачивает щелинность и переходит в смычный переднеязычный [д' (д)], ср.

ээжй + нер > ээднер ~ ээднер	"бабушки, матери"
Лижй+лаа > Лижлаа ~ Лидлаа	"с Лиджи"
Лижй+гээ > Лидгээ ~ Лиггээ	"с Лиджи"
ээжй + гээ > ээдгээ ~ ээтгээ	"с бабушкой, с матерью"
ээжй+дээн > ээддээн ~ ээддээн	"своей бабушке, своей матери"

Сочетания чд, чч, жд, по причине сложности их артикуляций, не могут слиться в один долгий звук [ч:] или [ж:]. Поэтому первые согласные этих сочетаний утрачивают свою щелевую часть и переходят в смычные [т, д], которые, соединяясь со смычной частью вторых согласных, образуют долгую смычку, создавая эффект долгих [ч:, ж:], например,

бит:чээнээ < бичй+жй+бээнээ	"пишет"
иг:чээнээ < ичй + жй+бээнээ	"стыдится"
керт:чээнээ < керчй+жй+бээнээ	"режет"
сед:жээнээ < сехй+жй+бээнээ	"подозревает, думает"
унд:жй < унжй+жй	"висит"
маад:жй < маажй + жй	"царапая"
сад:жй ~ сэд:жй < сажй+жй ~ сөжй+жй	"тряса, вытряхивая"

Однако, несмотря на то, что здесь сочетания т:ч (т':ш), д:ж (д':ж) мы склонны видеть в них долгие [ч:] и [ж:], ибо это (долгая смычка смычной части) для аффрикат единственный способ проявлять себя в долгих оттенках. Поэтому, видимо, не совсем правомерна передача Д.А.Павловым аффрикат в словах: марччъ "забыл" < мартъ + ж, курччъ "хватило" < куртъ + ж, хатччъ "высох" < хать + ж¹. Как видим, долгую аффрикату он передает двойным чч (возможно, по аналогии с Пуччини) и даже тройным тчч, которые, конечно, не отражают истинное положение вещей.

Также следует отметить дезаффрикатизацию глухой аффрикаты [ц] в положении перед звонкой аффрикатой [ж]. Глухая аффриката [ц] утрачивает свой щелевой элемент и переходит в мягкий смычный [т'], причем звонкая аффриката [ж] оглушается и изменяется в [ч], затем смычный [т'], сливаясь с начальной смычной частью [ч], образует долгий [ч:], например, эце + ж' > эт:ч' ~ эч:ч' "похудел" эрце + ж' > эрт:ч' ~ эрч:ч' "не поладив"

Аффрикатизация. Глухой щелевой согласный [с] при сочетании с предшествующими смычными [т, д] приобретает узкощелевое и даже смычное начало. Это смычное начало, сливаясь со смычными [т] и [д] (последний из которых сразу оглушается перед глухим [с] и переходит в глухой смычный [т]), образует долгий [т:], а все сочетание смычного [т] и смычноначального щелевого [с] образует долгую аффрикату [ц:] например, хац:нн < хаты + сын "засохший"

уц:нн < уты + сын "выкуривший"

мерц:ен < мерде + сен "выследивший, отыскавший по следу"

1. Д.А.Павлов. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1968, стр. 173.

уц:нн < уты + сын (монг. письм. *uᠲᠤᠰᠢᠨ*) "нитка"

оц:нн < оды + сын "ходивший"

мэц:ен < мэде + сен "знавший"

Кроме перечисленных выше различных видов изменений следует также отметить ассимиляцию по смычности звонкого щелевого согласного [в] в положении перед смычным переднеязычным [н] и переход этого [в] в губно-губной смычный [м] например,

амнаа < авы + наа "берет"

дамнаа < давы + наа "усиливаться; наглеть"

йомнаа < йовы + наа "ходит, идет"

дамкоо < русск. давно

глами < русск. главный

Диссимиляция. В исследуемом говоре наблюдаются также процессы, обратные ассимиляции – процесс диссимиляция –расподобление, заключающееся в том, что из двух или нескольких одинаковых или близких по каким-либо признакам согласных, образуются разные или менее близкие согласные. Диссимиляции (как прогрессивные, так и регрессивные) одинаковых или подобных звуков бывают по разным признакам: по месту и способу образования и по звонкости и глухости. Процесс диссимиляции в исследуемом говоре не столь распространен, как это мы наблюдаем в отношении ассимиляции.

Одним из наиболее продуктивных видов диссимиляции следует отметить расподобление двух одинаковых щелевых глухих согласных [х] на стыке морфем, независимо от того, имеется между ними неясный гласный или нет. Причем второй [х] переходит в увулярный глухой смычный [к], который, чтобы отличить от заднеязычного смычного [к], лучше передать знаком [к]. Однако предшествующий заднеязычный щелевой [х] приобретает увулярный оттенок, при

артикуляции этого согласного постепенно сужается к концу и сливается с последующим увулярным глухим смычным [к], создавая, таким образом, долгий [к:], иногда же этот предшествующий щелевой [х] полностью переходит в увулярный глухой смычный [к] и образует с последующим [к] один долгий увулярный смычный [к:], который можно обозначить двойным образом, например,

- дасыккы ~ дасыккы < даскы + кы "учить"
атыхкы ~ атыккы < аткы + кы "сжать в кулаке"
муутыхкы ~ муутыккы < мууткы + кы "хулить, охаивать"
нойрыккы ~ нойрыккы < нойркы + кы "кличиться нойонством"
соңсыккы ~ соңсыккы < соңсы + кы + кы "доставить до слуха".

Щелевой увулярный звонкий [h] (основы при сочетании с щелевым глухим [х] аффикса оглушается в глухой смычный увулярный [к] или же приобретает глухой конец при сохранившемся звонком начале и, в свою очередь, ассимилирует [х] в увулярный смычный глухой [к], например,

- сундкы ~ сундкы < сунды + кы "выбирать, вытягивать"
савиилеңке ~ савиилекке < савиилеңке + ке "расклатать"
орыңкы ~ орыккы < орым + кы "убегать, совершать побег"
итүүлөңкө ~ итүүлөккө < итүүлөңкө + кө "переселить"
марыккы ~ марыккы < марыкы + кы "заключать пари"

Перечисленные выше изменения согласных являются сложными: расподобление с последующим уподоблением, однако мы по первоначальному изменению отнесли указанные примеры к диссимиляции.

К процессу диссимиляции также относятся расподобления аффрикат при сочетании аффрикатами, вернее, сочетаниями

чж, чч, цж, цч, жж. см. раздел "дезаффрикатизация".

Выпадение согласных. При словосложении, словообразовании, словоизменении, сопровождающихся иногда выпадением редуцированных гласных, находящихся в конце морфемы, основы или первой части сложного слова, может образоваться скопление двух и более согласных, которые, в свою очередь, стремятся упроститься. Одним из видов упрощения, кроме названных выше изменений (отлушение, деаффрикатизация и т.д.), является выпадение согласных. Так, выпадение начального [б] глагола бөөхе при образовании синтетической формы глагола из соединительного деепричастия и глагола бөөнөө, например,

зокысчаа ~ зокчаа < зокысч ^й + бөө	"постоял"
суждаа < сууж ^й + бөө	"посидел"
сурчаанаа ~ сурчөөнөө < сурч ^й + бөөнөө	"спрашивает"
кээдөөнөө < кээд ^й + бөөнөө	"говорит"

В разговорной речи выпадает аффикс соединительного деепричастия - ж^й, если за ним следует глагол чадхы, здесь происходит скопление двух аффрикат, произношение которых представляет для языка определенную трудность, ср.,

суучадхыш < сууж ^й + чадхыш	"не может сидеть"
орчадхыш < орж ^й + чадхыш	"не может войти"
кээчадхы < кээж ^й + чадхы	"сможет сделать"

Выпадает начальный среднеязычный [й] глагола йовна при сочетании указанного глагола с соединительным деепричастием, оканчивающимся на среднеязычный - ж (ч) (неясные гласные во внимание не берутся), ср.,

һарчомннаа < һарч ^й + йовнаа	"выходит"
очомнаа < оч ^й (< одж ^й) + йовнаа	"идет куда-то"
унжомнаа < унж ^й + йовнаа	"падает"

кэлдомнаа < кэлд^ү + йовная "говорит"

хэрдомнаа < хэрд^ү + йовная "идет домой"

Подобные словосложения, видимо, явление последнего времени, о чем свидетельствует неустановившаяся гармония гласных и употребление гласного [о] в непервых слогах.

Также подвержен частому выпадению согласный г :

кишгаа ~ кишег + гаа "вредный, нехороший, плохой"

кэрггаа ~ кэрег + гаа "не надо, не хочу, не нужно"

кэлдгаа ~ кэлдег + гаа "как раз, в самую пору, нечего говорить"

кэлдемен ~ кэлдем < кэлдег + мөн "имел обычай говорить, обычно говорил".

ирдемен ~ ирдем < ирдег + мөн "обычно приходил"

бичкиим ~ бичкиимин < бичкииге + мин (← мини)

"мое письмо, (вин. падеж)

бичкиич^ү ~ бичкиич^{йи} < бичкииге + чин "твое письмо, (вин. падеж)"

ахиим ~ ахиимин < ахииге + мин (мини) "моего брата, (вин. падеж)"

чамаа < чамааг ~ чамаагы "тебя, я тебя" (вин. падеж)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Современный калмыцкий язык в диалектном отношении состоит из двух говоров - торгутского и дербетского, которые в своем составе имеют более мелкие языковые подразделения - подговоры. В торгутский говор входят подговоры: волго-каспийский, цаатанский; подговоры уральских и оренбургских, герских и кумских калмыков, хотя последний подговор никем еще не описан, однако носители его являются выходцами из торгутов. В дербетский говор входят бузавский и икидербетский подговоры. Особенности дербетского говора нашли отражение в монографической работе А.Ш.Кичикова "Дербетский говор" (1963 г.)

Торгутский же говор не был предметом специального исследования, хотя некоторые особенности находили отражение в трудах монголоведов и калмыковедов.

2. Торгутский говор один из основных говоров, легших в основу калмыцкого литературного языка, имеет свою фонетическую систему, несколько отличающую ее от фонетики как современного литературного языка, так и от фонетики другого говора калмыцкого языка - дербетского.

3. Краткие гласные исследуемого говора почти полностью соответствуют гласным старописьменного монгольского языка [а, о, и, э, ү, е, і], исключение составляют гласные [а, о, и] старописьменного монгольского языка в позиции перед [і], которым в исследуемом говоре соответствуют [э, е, ү].

В торгутском говоре губные гласные строго дифференцированы, поэтому смешения [о] с [у], [е] с [ү] не наблюдается, что отмечалось еще Б.Я.Владимирцовым.

4. Если краткие гласные исследуемого говора более или менее соответствуют гласным старописьменного монгольского языка, то долгие гласные не имеют себе монофтонгического соответствия, им соответствуют в старописьменном монгольском целые сочетания Г+С+Г, в которых уже тогда намечалось образование долгих гласных.

а) Образование долгих гласных началось с редукции интервокального согласного и одновременной вокализации его последующим гласным, ибо артикуляция интервокального согласного не препятствовала одновременному произношению следующего гласного, в результате чего этот второй или следующий за интервокальным согласным гласный стал удлиняться, пока не вокализовал полностью интервокальный согласный и не слился с первой гласной сочетания.

б) Однако исчезновение интервокального согласного необязательно, хотя в большинстве случаев образование долгих гласных происходило именно так. Долгие гласные во многих случаях могут быть образованы также при сохранившихся интервокальных согласных (метатеза, перемещение согласного из интерпозиции).

Образование долгих гласных из сочетания Г+С+Г в результате исчезновения интервокальных согласных не есть единственный и обязательный путь, возможности их образования гораздо шире. Кроме этого вполне возможно образование долгого гласного из сочетания Г+С, или простое удлинение гласного в этом сочетании.

5. Длительность долгих гласных неустойчива. Долгие гласные могут выступать в полудолгих и сверхдолгих оттенках.

Полудолгие гласные, как видно из самого термина, звучат несколько короче долгих, доходя иногда по длительности до кратких гласных. Эти гласные являются позиционными вариантами долгих, и, как долгие гласные, не утрачивают своей фонематичности. Полудол-

гие варианты наблюдаются в односложных словах и в последнем слоге многосложных слов. Однако стоит только слову приобрести какой-нибудь аффикс, как долгота этих гласных сразу же восстанавливается и даже переходит в свою противоположность — в сверхдолготу.

6. Сверхдолгие гласные встречаются во всех слогах, кроме последнего, вернее, сверхдолгие гласные, варианты долгих требуют, чтоб после них всегда находился какой-либо слог, независимо какой в этом слоге гласный — долгий или редуцированный. Долгие гласные, следующие за сверхдолгим, звучат полудолго. Если в результате словоизменения, слово утрачивает слог, следующий за сверхдолгим гласным, то этот сверхдолгий гласный становится долгим или полудолгим.

Таким образом, долгие гласные зависят от следующего за ним слога, который служит источником длительности. Это явление еще раз свидетельствует о существовании перехода количества внутри слова.

7. Кроме кратких и долгих гласных в исследуемом говоре имеются также и редуцированные гласные. Степень редукции гласных может быть различной, составляя гамму переходов от кратких гласных до нуля звука. По своим качественным признакам эти гласные могут быть огубленными и неогубленными, широкими и узкими, твердыми и мягкими. Но эти качественные особенности не всегда улавливаются на слух и не выполняют фонематической функции.

До сих пор причины редукции гласных пытались объяснять ненапряженностью, расслабленностью артикулирующих органов, хотя никто не задавался вопросом: почему именно в момент произнесения редуцированных гласных расслабляется артикуляция.

Однако редуцированные гласные хотя и являются таковыми в результате ослабления артикуляторных органов речи, на самом деле имеют более глубокие причины, которые связаны с внутренними фонетическими законами языка, а именно: сингармонизмом, разбившим систему гласных на небольшие несочетаемые между собой группы.

В других монгольских языках, где не так последовательно придерживаются сингармонизма, где кроме этого действует губное притяжение, несколько разнообразившее гласных непервых слогов, редукция гласных не настолько сильна.

8. а) Для торгутского говора, как для калмыцкого литературного языка и монгольского письменного языка, характерна только одна разновидность сингармонизма - небный.

Губной же сингармонизм не свойствен для данного говора, хотя на определенной стадии его развития (XVI-XIII вв.) он не был чужд для него, как не чужд он для современных монгольского и бурятского языков.

б) Сингармонизм одна из древних особенностей монгольских языков не остался раз навсегда застывшим, он развивался и видоизменялся вместе с развитием фонетической системы. Первоначально (в монгольском письменном) было два сингармонических ряда, затем появился третий - нейтральный ряд. С образованием долгих гласных изменился состав гласных, входящих в тот или иной сингармонический ряд. Изменение состава рядов произошло также и за счет образования редуцированных гласных, которые первоначально хотя и выступали как варианты кратких гласных, но в исследуемом говоре и современном литературном языке выс-

падают как самостоятельные фонемы.

в) Нейтральный ряд старописьменного монгольского языка состоял из одной фонемы, в исследуемом говоре, как и в литературном языке, состоит из [и, i]. Гласный же [и], которому в старописьменном монгольском языке соответствовала фонема [i], перестала быть нейтральной. Все слова, содержащие в первом слоге гласный [i], палатализовались и перешли в мягкий ряд, [i] же, находящийся в непервых слогах, подвергся редукции и перешел в [y], однако при этом не утратил своей нейтральности.

Долгий гласный [и] первого слога выступает как мягкорядный гласный, но в непервых слогах — как нейтральнорядный. Итак, для фонем [и, ии] большую роль играют позиции, в зависимости от которой эти фонемы могут относиться то к мягкому, то к нейтральному ряду.

9. К изменениям гласных можно отнести: а) обязательный переход долгого среднего [ээ] непервых слогов в широкий [ээ];

б) расширение и деабиализацию средних лабиальных [еэ, оо] непервых слогов старокалмыцкого языка, которым в исследуемом говоре, как и в литературном языке, соответствуют [еэ, аа]. Эти изменения наблюдаются во всех калмыцких говорах и диалектных различиях не вызывают.

в) В противовес им, изменения, вызванные взаимодействием [а] и [у], [э] и [ү], стоят на уровне дифференциальных признаков калмыцких говоров. В данных изменениях торгутский говор, следуя в основном за старописьменным монгольским языком, сохраняет узкие огубленные гласные, в то время, как в дербетском говоре, наблюдаются расширения узких гласных [у, ү] в средних

[о, е] (хувцин ~ховцин, һудымты ~һоюымты .

г) Палатализация гласных - одно из основных признаков исследуемого говора, в то время как в дербетском говоре ей соответствует в основном палатализация согласных.

Делабиализация [y] и переход его в [и], которые мы наблюдаем в данном говоре, являются отражением особенностей старописьменного монгольского языка, который также знал делабиализацию узкого гласного [ii].

Согласные фонемы

1. Система согласных исследуемого говора соответствует системе согласных монгольского письменного языка.

Исключение составляют согласные фонемы [в], [ц], развившиеся из [б], [č] монгольского письменного языка.

2. Система согласных данного говора также соответствует таковой казымского литературного языка. Однако имеются некоторые особенности.

а) Так, в данном говоре, за исключением отдельных спорадических случаев, не имеется фонематичных палатальных согласных [т', д', л', н'].

б) В исследуемом говоре часто употребляется в интервокальной позиции смичный заднеязычный [г], который может быть не только в словах переднего ряда, но и заднего.

в) Данный говор, как и староказымская письменность, не знает сочетания [з] и [и]. Этим сочетанием знаков в старописьменном казымском передавался [жи]. Однако в дербетском сочетание "зи", правда в очень редких случаях, сохранилось без перехода [з] в аффрикату [ж].

г) Заднеязычный смичный носовой звонкий согласный [н] встречается в данном говоре в середине слова перед согласными

[ш, н, с, з, д] и др., произносится с опущенной небной занавеской и носит имплозивный характер. В данной позиции расхождения в употреблении этой фонемы в калмыцких говорах нет. Однако [ң] может быть заднеязычно-увулярным с дополнительными оттенками г-, к, х, һ - образности. Такой назально-ротовый оттенок наблюдается в конечной позиции слова, в положении перед гласными. Иногда этот оттенок обусловлен непосредственным употреблением [г, к, х, һ] после [ң].

Этот вариант [ң] лучше передавать сложным языком нг (ңд, ңх, ңк ...). Дополнительный эффект согласных (г, к, х, һ) носит межговорный характер. В дербетском говоре, кроме как перед гласными, такого эффекта нет.

Надо думать, что исследуемый говор следует за старописьменными монгольским и калмыцким языками, ибо в этих языках эта фонема передается сочетанием двух знаков знаком З, состоящим из элементов для [н] и [г]. О сложном составе [ң], вернее [ңг], свидетельствует тот факт, что в данном говоре наблюдается что-то наподобие дезаффрикации, утраты носовой части согласного и сохранения второй. Отсюда и чередование [ңг] и [г].

3. В торгутском говоре также отмечается переход заднеязычного щелевого глухого [х] в звонкий гортанный спирант [һ], напоминающий немецкий глухой [һ] в слове haben "иметь". Однако этот переход перестал быть чисто торгутским и в настоящее время свойствен всему калмыцкому языку.

Причины фарингализации, видимо, лучше объяснять влиянием последующих гласных или вокализации, что вызывает ослабление (редукцию) [х] и переход его в [һ].

4. Выше отмечалось, что торгутскому говору не свойственна фонологическая палатализация согласных, но фонетическая палатализация встречается довольно-таки часто и зависит от влияния соседних мягкорядных гласных, иногда же согласных [ж, ч, н].

5. Обычно рассматривают ассимиляцию в зависимости от направления - прогрессивной, регрессивной, прогрессивно-регрессивной и т.п. Однако мы обратили свое внимание на оглушение, как на результат ассимиляции. Оглушение согласных в исследуемом говоре, как и в литературном языке, явление прогрессирующее. Видимо, оно связано с девокализацией непрерывных слогов, вызванной редукцией гласных и искусственным усилением редукции современной орфографией.

6. Среднеязычные аффрикаты [ч, ж] при сочетании с глухими переднеязычными согласными [т, с] в отличие от дербетского говора, в котором они переходят в глухой щелевой [ш], или сохраняют свои качества, или утрачивают свои щелевые компоненты и соответственно переходят в палатальные [т', д'] - дезаффрикатизация. Дезаффрикатизация наблюдается только в сочетании аффрикатов [чд, чч, жд]. Обычно дезаффрикатизации подвергается предшествующая, которая утратив щелинность, со смычной частью последующей аффрикаты образует долгую аффрикату. Дезаффрикатизации также подвержена глухая аффриката [ц] в положении перед звонкой аффрикатой [ж] с последующим образованием новой долгой аффрикаты [ч:] .

7. Глухой щелевой согласный [с] при сочетании с предшествующими смычными [т, д] приобретает узкощелевое и даже смычное начало, которое, сливаясь со смычными [т, д], образует долгий [т:], а все сочетание смычного [т:] и смычнонача-

льного щелевого [с] образует долгую аффрикату [ц:] - аффриканизация.

8. Процесс диссимиляции в исследуемом говоре, как и в литературном языке, не столь распространен, как это мы наблюдаем в отношении ассимиляции. Одним из примеров диссимиляции можно назвать расподобление двух одинаковых заднеязычных щелевых [х] на стыке морфем независимо от того, имеется между этими двумя согласными неясный гласный или нет. Причем второй [х] переходит в увулярный глухой смычный [к]. Предшествующий щелевой [х] приобретает увулярный оттенок, при этом щель при артикуляции этого согласного постепенно сужается к концу и сливается с последующим уже увулярным смычным [к], создавая, таким образом, долгий [к:]. То же самое можно сказать и о проточном увулярном звонком [н] при сочетании с [х]. Конечно, эти изменения являются сложными: диссимиляция с последующей ассимиляцией.

9. В исследуемом говоре наблюдаются удвоенные согласные, которые образовались в результате различных фонетических изменений:

а) удвоенные согласные образовались в результате редукции гласных между двумя одинаковыми или близкими согласными как внутри основы - корня, так и на стыке морфем. Зачастую еще имеющийся между этими согласными редуцированный гласный не оказывает никакого препятствия образованию удвоенных согласных.

б) удвоенные согласные образуются также при сочетании совершенно разных согласных переднеязычных [т, д] с аффрикатами [к, ч]. Такое сочетание в основном наблюдается на стыке основы, оканчивающейся на указанные согласные, и аффикса - жи. При этом согласный [т] палатализуется в мягкий [т'], но, в свою очередь,

оглушает [ж] в [ч]. Затем палатализованный [т'] сливаясь с [ч (тн)] создает долгую аффрикату [ч:]. Согласный [д] также образует долгую аффрикату [ж:]. Подобные удвоения согласных в лингвистической литературе называют то "долгими", то "удвоенными согласными". Мы же остановились на термине "удвоенные согласные", ибо здесь происходит сложение согласных.

Близко к удвоенным согласным стоят долгие согласные, встречающиеся в интервокальном положении, но имеющие совершенно иное происхождение и которые, в отличие от удвоенных согласных, называются нами долгими. Долгие согласные рассматриваются нами в связи с процессом образования долгих гласных из комплекса Г+С+Г в связи с историей сочетания Г+С+Г.

Если в монгольских языках это сочетание дало в основном образование долгих гласных, то в тюркских языках это сочетание развилось по-разному: в одних языках оно дало долгий гласный, в других - долгий согласный, в третьих - и то, и другое вместе.

10. Изменение согласных в потоке речи не представляет больших различий от тех изменений, которые наблюдаются как в калмыцком литературном языке, так и в другом говоре калмыцкого языка - дербетском. К этим изменениям относятся: ассимиляция, диссимиляция, палатализация, аффрикатизация, дезаффрикатизация, выпадение согласных и т.д.

Из всех этих изменений мы бы хотели остановиться на одном частном вопросе ассимиляции - оглушении. Это оглушение согласных [д, з, в, н, ж] и других в сочетаниях [тд, дт, эт, зс, вт, вс, вч, вц, бц, кц, ск, шж, жд] и других. Утрата звонкости согласными в приведенных сочетаниях объясняется искусственным необозначением редуцированных гласных в действующей орфографии

современного калмыцкого литературного языка, сильным влиянием орфографии на орфоэпич.

Итак, из всего сказанного следует, что в исследуемом говоре, кроме общекалмыцких особенностей, соответствующих чертам старописьменного монгольского языка, как ограниченность употребления средних огубленных гласных [о, ө] первым слогом, наличие заднеязычного глухого смычного [к] и т.д. также наблюдаются:

- а) узкие огубленные гласные [у, ү] там, где в дербетском употребляются средние огубленные гласные [о, ө];
- б) узкий гласный [и] вместо узкого огубленного [ү] (бис "пояс", битүү "глухой, необитаемый"), который, видимо, является сохранившимся от общего тюрко-монгольского праязыка;
- в) сплошное чаханье в речи довольно большой группы торгутского населения - цаатанов (ср. монг. письм. бучила = "кипеть", цаат. бучдл^а);
- г) сохранение сингармонизма в том его виде, которое мы в основном наблюдаем в монгольском письменном языке;
- д) сохранение эксплозивного [нг], который в монгольском письменном и старокалмыцком языках передавался знаком \mathfrak{h} , т.е. сочетанием знаков для [н] и для [г];
- е) сохранение твердорядных лексических параллелей типа: дахаад "потом, затем", тамы "подколенный стиг", тамкы "табак" и т.п., по-видимому, надо объяснять наличием когда-то древнего заднерядного [i];
- ж) сохранение смычных заднеязычных [г] в интервокальной позиции суффиксированных слов (суужаагаад "сидя, посидев", келжээгаад "говоря, поговорив" и т.д.).

Также следует отметить, что современные калмыцкие говоры очень близки друг к другу как некогда ойратские говоры. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что создатели старе-калмыцкой письменности Зая-Пандите в довольно короткий срок удалось выработать нормы общекалмыцкого (общейратского) литературного языка, которые были приемлемы для всех ойратских говоров.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- письм. монг. - письменный монгольский язык
старописьм. калм. - старописьменный калмыцкий язык
торг. - торгутский говор калмыцкого языка
дерб. - дербетский говор калмыцкого языка
буз. - бузавский подговор дербетского говора
урал. - уральский подговор торгутского говора
оренб. - оренбургский подговор торгутского говора
цаатан. - цаатанский подговор торгутского говора

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- > развился в
< развился из
' ударение
~ чередуется: или
· полудолгий звук
: долгий звук
:· сверхдолгий звук
н - редуцированный гласный твердого ряда
е - редуцированный гласный мягкого ряда
ŷ - редуцированный гласный нейтрального ряда
' - палатализация

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И. О "фонетическом законе." Язык и мышление, I, М.-Л., 1933.
- Абдуллаев Ф.А. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1968.
- Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии, ч. I, М., Учпедгиз, 1949.
- Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., Изд-во МГУ, 1956.
- Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов Каб.-балк. языка. Черкесск, 1963.
- Алексеев Д.А. Диалекты бурят-монг. языка. Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та, №98, 1949.
- Арагачи З.Б. Тоджинский диалект. УЗНИИЯЛИ, вып. VIII, Кызыл, 1960.
- Аралбаев Ж.А. Вокализм казахского языка. А-Ата, 1970.
- Ахметьянов Р.Г. К вопросу о природе звуковых переходов в тюркских языках. - В. Я, №6, 1961.
- Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М. 1955.
- Баринова Г.А. Редукция и выпадение интервокальных согласных в разговорной речи. - В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Бартольд В.В. К вопросу о языках согдийском и тохарском. Иран, I, Л., 1927.
- Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка.

Б е р т а г а е в Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., "Наука", 1969.

Б е р т а г а е в Т.А. О внутренних законах развития языко-значимых слов.—Изв.АН СССР, вып.УІ, 1951.

Б е р т а г а е в Т.А. Словарные расхождения бурятских говоров.—Записки ГИЯЛИ, У.-Удэ, 1941.

Б е р т а г а е в Т.А. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках.

Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.

Б и т к е е в П.Ц. Квантитативные изменения гласных в монгольских языках. "Материалы по истории и филологии Центральной Азии", вып.У, У.-Удэ, 1970.

Б и т к е е в П.Ц. Неясные гласные калмыцкого языка.—Записки Калм.НИИЯЛИ вып.ІІІ, серия филолог., Элиста, 1964.

Б и т к е е в П.Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка. У.-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1965.

Б и т к е е в П.Ц. Твердорядный гласный в монгольском языке Тувы.—"Уч. записки Калм. НИИЯЛИ, вып.ХІ, серия филолог. Элиста, 1973.

Б и т к е е в П.Ц. Проблемы фонетики калмыцкого языка. Элиста, 1975.

Б о б р о в н и к о в А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

Б о г о р о д и ц к и й В.А. "Законы сингармонизма в тюркских языках."—Вестник науч. о-ва Татароведения Казань, 1927, №6.

- Бу л а н и н Л.Л. Фонетика современного русского языка, М., 1970.
- Бу р а е в И.Д. Звуковой состав бурятского языка. У-Удэ, 1959.
- В а н д у й Э. Дөрвэд аман аялгуу. Уланбаатар, Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэх үйлдвэр, 1965.
- Вероятностное прогнозирование в речи. Сб. ст. М., "Наука", 1971.
- В л а д и м и р ц о в Б.Я. О двух смешанных языках. Яфетич. сб., часть II, Петроград, 1923.
- В л а д и м и р ц о в В.Я. Отчет о командировке к Баидам Кобдоского округа. Изв. Русск. Ком. для изучения Средней и Восточной Азии, серия 2, №1. Спб. 1912
- В л а д и м и р ц о в В.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
- Вопросы русской диалектологии Волго-Камья. Казань. 1971.
- В н с о т с к и й С.С. Методы изучения диалектов. Доклады и сообщения ин-та языкознания II, М., 1954.
- Г в о з д е в А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963.
- Г в о з д е в А.Н. Обладают ли позиции различительной функцией? - ВЯ, №6, 1957.
- Г о р ш к о в а К.В. Историческая диалектология русского языка. М., "Просвещение," 1972.
- Г о р ш к о в а К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., изд. МГУ, 1968.

- Горшкова К.В. Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. №5, 1964.
- Грамматика русского языка т. I. Фонетика и морфология. М., АН СССР, 1960.
- Даль В.И. О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря. Спб., 1852.
- Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., "Наука", 1969.
- Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. М., "Наука", 1978.
- Жамьян Г. Обозначение долгих гласных в ойратском "ясном письме". - "Народы Азии и Африки", № 5, 1970.
- Житецкий И.А. Очерки быта Астаханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1888 гг. М., 1893.
- Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., ЛГУ, 1974
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка.
- Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.
- Зиндер Л.Р. О древней письменности. - "Вопр. теории и истории языка," 1963.
- Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. Развитие фонол. системы древнерусского языка в X-XII вв. М., 1968.
- Иванов В.В. Краткий очерк исторической фонетики русского языка. Изд. 2-ое. М., 1961.
- История русской диалектологии. М., 1961.

- Исхаков В.Г. Долгие гласные в тюркских языках. - "Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков", т. I, М., 1955.
- К а и з у н с к и . *Mongolische Elemente in der Iakutischen Sprache.* Warszawa, 1961.
- К а й д а р о в А. Уйгурско - монгольские языковые связи в области фонетики. - "Исследование по уйгурскому языку," вып. 2, А-Ата, 1970.
- К а т а н о в Н.О. Опыт исследования урянхайского языка. - Ученые записки Импер. казанск. универ., 1899-1903.
- К а с а т к и н Л.Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., "Наука", 1968.
- К и е к б а е в Д.Г. О передвижении гласных в башкирском языке. - Уч. зап. Башк. гос. пед. инстит., VIII, серия филологическая, 2, Уфа, 1956.
- К и ч и к о в А.Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963.
- К и ч и к о в А.Ш. Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка. - Уч. зап. Калм. НИИЯЛИ, №5, серия филолог. Элиста, 1967.
- К и ч и к о в А.Ш. Об оренбургском говоре калмыцкого языка. - Записки Калм. НИИЯЛИ, №2, Элиста, 1962.
- К и ч и к о в А.Ш. О говоре донских - бузава-калмыков. - Уч. зап. Калм. НИИЯЛИ, №5, сер. филолог., Элиста, 1967.
- К л и м о в Г.А. Фонема и морфема. К проблеме лингвист. единиц. М., "Наука" 1967.

- К о з и н С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника
1240 года. т. I, М.-Л., 1941.
- К о т в и ч В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
- К о т в и ч В.Л. Лекции по грамм. монг. языка, читанные в Спб.
университете. Спб., 1902.
- К о т в и ч В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного язы-
ка. Спб., 1915.
- К о т в и ч В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного язы-
ка. Ржевница, 1929.
- Лаборатория, эксперимент, фонетика и психология речи. М.,
Изд. Московского университета, 1950.
- Л е о н т ь е в А.А. Языкознание и психология. М., "Наука",
1966.
- Л е о н т ь е в А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Л и г е т и Л. Рецензия на "Сравнит. грамм. монг. языков" Санжее-
ва.- ВЯ, №5, 1953.
- Л ы т к и н Ю. Исторический очерк письменности монголов и
ойратов. Из монгольского сочинения Чжирукану-
-толта. Астрах. губ. Вед. № 32-33, 1859.
- М а р т и н е А. Принципы эконо. в фонетических изменениях.
М., 1960.
- М а т у с е в и ч М.И. Введение в общую фонетику. Л., 1948.
- М е л ь н и к о в Г.П. Анализ особенностей вокализма монголь-
ских языков. Конференция аспирантов и молодых
науч. работников -23-25 июня 1964.
Тезисы и планы докладов. М., "Наука", 1964.

Me nges K. C. Einige Bewerbungen zur vergleichenden Grammatik des Turkmenischen. A.O., XI, Praha, 1939.

На д е л я е в В.М. Проект фонетической транскрипции УУФТ. М.-Л., 1960.

На д е л я е в В.М. Состав фонем в звуковой системе совр. монг. языка. - "Вестник ЛГУ" №8, 1957.

Hattori Shir a The Length of Vowels in Proto - Mongol. Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 2-р давтэр, Уланбаатар, 1961.

Н е б о л ь с и н П. Очерки быта калмыков Хойбутовского улуса. Спб., 1852.

Н о м и н х а н о в Ц.-Д. К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках. - Записки вып.3, серия филолог., Элиста, 1964.

Н о м и н х а н о в Ц.-Д. О чередовании некоторых согласных в тюрко-монгольских языках. - Уч. записки Казах.ун-та, т. XIX, А-Ата, 1955.

О ч и р о в Н. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909. - Известия Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии №10. Спб., 1910.

О ч и р о в Н. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков. - Отчет Изв. Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. сер. II, №2, Спб., 1913.

- П а в л о в Д.А. Исследования по калмыцкому языку и письменности. Доклад об опубликованных и выполненных работах по калмыцкому языку и письменности, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. А-Ата, 1971.
- П а в л о в Д.А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по "Тодо бичиг."-Уч. зап.Калм. НИИЯЛИ, вып.7, серия филолог., Элиста,1969.
- П а в л о в Д.А. Некоторые вопросы языкового строительства в Калмыкии. - "За соц. культуру" №1, 1933.
- П а в л о в Д.А. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста, 1968.
- П а в л о в Д.А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетич. системы калмыцкого языка.- Записки Калм. НИИЯЛИ, вып.3, серия филолог. 1964.
- П а л ь м б а х А.А. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. М., 1955.
- П а н о в М.В. Об особенностях артикуляции некоторых редуцированных звуков в свете учения акад. И.П. Павлова.-Уч.зап.МПИ, вып.3, 1954.
- П а н о в М.В. Русская фонетика. М., 1967.
- П а ш к о в Б.К. О калмыцкой лингвистической экспедиции. Революция и письменность, сб.2, М., 1936.
- П о з д н е е в А. Сказание о хождении в Тибетскую страну мало-дербетского База-Бакши. Спб., 1897.

- П о п о в А.В. Кадмыцкая грамматика, Казань, 1847.
- П о п п е Н.Н. Аларский говор, ч. I, Л., 1930
- П о п п е Н.Н. Дагурское наречие. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. вып. 6, Л., 1930.
- Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., "Наука", 1971
- Прогноз в речевой деятельности. М., "Наука", 1974
- П о с т о в а л о в а В.И. Историческая фонология и ее основания. М., "Наука", 1978.
- Психология грамматики. Под. ред. А. Леонтьева и Т. Рябовой М., 1968.
- П и р б е в в Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.
- П и р б е е в Г.Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках. - Вп № 3, 1971.
- Развитие фонетики современного русского языка. М., "Наука", 1971.
- Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкозн. М., 1957.
- Р а м с т е д т Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора.
- Р а ш и д-ад-д и н. Сборник летописей, т. I, кн. I.
- Речь, артикуляция и восприятие под ред. В.А. Кожевникова и Л.А. Чистович. М-Л., 1965.
- Р у д н е в А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. Вып. I. Спб., 1905.

Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии с нотами и рисунками в тексте. Спб., 1911.

Руднев А.Д. Опыт классификации монголов по наречиям, приложение к сравнительной фонетике монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора Г.И.Фамстедта. Спб., 1908.

Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. Вып. I. Петроград, 1913-1914.

Рисьянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

Санжеев Г.Д. Дарханский говор и фольклор. Л., 1931.

Санжеев Г.Д. Дарханы. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году.

Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-монгольской АССР. Вып. 10. Л., 1930.

Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., АН СССР, 1940.

Санжеев Г.Д. Изучение монгольского языка и литературы. Труды Московск. ин-та востоковедения, сб. У, М., 1947.

Санжеев Г.Д. Исключения в монгольских языках. Труды Московск. ин-та востоковедения, Вып. 3, 1946.

Санжеев Г.Д. К некоторым вопросам изучения исторического развития языка. - Изв. ОЛМ, т. 10, вып. I, 1951.

Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.

- С а н ж е е в Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953.
- С а н ж е е в Г.Д. Фонетические особенности говора Верхнеудинских бурят. Л., 1930.
- С е м е н ю к Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности. - ВЯ №1, 1965.
- С е р д ю ч е н к о Г. О чечено-ингушском консонатизме. Языки северного Кавказа и Дагестана. М.-Л., 1935
- С е р е б р е н н и к о в Б.А. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений. ВЯ №3, 1964.
- С е р е б р е н н и к о в Б.А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков. - ВЯ №4, 1960.
- С и д о р о в В.Н. Из истории звуков русского языка. М., "Наука", 1966.
- С и д о р о в В.Н. Из русской исторической фонетики. М., "Наука," 1969.
- Т р а х т е р о в А.М. Практический курс фонетики английского языка. М., "Высшая школа", 1976.
- Т е н и ш е в Э.Р. и Т о д а е в а Б.Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966.
- Т о д а е в а Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
- Т о д а е в а Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.
- Т о д а е в а Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
- Т о д а е в а Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., Изд. вост. лит., 1960.

- Г о д а е в а Б.Х. Монгорский язык. М., "Наука," 1973.
- Х а з а г е р о в Т.Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., МГУ, 1973.
- У б р я т о в а Е.И. Опыт применения русской и международно-диалектологической терминологии при описании диалектов якутского языка.—Сб. "Вопросы диалектологии тюркских языков." Казань, 1960
- У б р я т о в а Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960.
- У б р я т о в а Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960.
- Ц о л о ж. Захчины аман аялгуу. Улаанбаатар, Шиндэлх Ухааны Академийн хэвлэл, 1965.
- Ч е р к а с с к и й М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М., 1965.
- Шевякова В. Е. Вводный фонетический курс англ. языка. М., 1967.
- Щ е р б а Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. т. I, Л., 1958.
- Щ е р б а Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Щ е р б а к А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из восточного Туркестана. М.-Л., 1961
- Щ е р б а к А.М. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках.—ВЯ, №6, 1967.
- Энгельс Ч. Франкский диалект. К. Маркс и Ф. Энгельс соч. 2 изд. т. 19, М., 1961.

Содержание

Введение	3
К истории изучения казмыцких говоров	6
<u>Гласные фонемы</u>	27
Описание гласных фонем	28
Краткие гласные	28
Долгие гласные	41
Сверхдолгие гласные	71
Полудолгие гласные	76
Редуцированные гласные	78
Сингармонизм	95
Сингармонические ряды	99
Изменения гласных	102
Палатализация гласных	106
Делабиализация	110
<u>Согласные фонемы</u>	112
Характеристика согласных	112
Губные согласные	112
Языковые согласные	117
Среднеязычные	128
Заднеязычные	132
Язычковые (увулярные)	142
Долгие согласные	143
Изменения согласных	154
Оглушение	156
Палатализованные согласные	158
Дезаффрикатизация	161

Аффрикатизация	164
Диссимиляция	165
Выпадение согласных	167
Заключение	169
Согласные фонемы	174
Принятые сокращения	181
Условные обозначения	181
Использованная литература	182

И Б 323

Убушаев Николай Надбитович

Фонетика торгутского говора калмыцкого языка

Редактор издательства А. Бартунова

Художник Ц. Адучиев

Художественный редактор Ф. Дубров

Технический редактор В. Арбакова

Младший редактор М. Шаропова

Подписано в печать

К 00286

Формат 84x108 1/32

Бумага типографская № 2

Печать офсетная

Усл. печ. л. 10,29

Уч. изд. л. 8,1

Тираж 500 экз. Заказ 2379

Цена 65 коп.

Калмыцкое книжное издательство,

г. Элиста, ул. Революционная, 8

Республиканская типография Управления по

делам издательств, полиграфии и книжной

торговли Совета Министров Калмыцкой АССР

г. Элиста, ул. Ленина, 245.